

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
имени Г. ИБРАГИМОВА

Д. Б. РАМАЗАНОВА

**ФОРМИРОВАНИЕ
ТАТАРСКИХ ГОВОРОВ
ЮГО-ЗАПАДНОГО
БАШКОРТОСТАНА**

Казань
2021

УДК 81'282
ББК 81.632.3-02
Р 21

*Печатается решением Ученого совета
Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан*

Ответственный редактор

Л.Т. Махмутова

Рамазанова Д. Б.

Р 21 Формирование татарских говоров юго-западного Башкортостана / Д.Б. Рамазанова. – 2-е изд. – Казань: ИЯЛИ, 2021. – 208 с.
ISBN 978-5-93091-329-3

В монографии на основе языкового, исторического и архивного материалов рассматриваются вопросы формирования татарских говоров юго-западного Башкортостана в связи с историей их носителей; дается описание фонетических и морфологических особенностей этих говоров в сравнении с говорами татарского языка и некоторыми другими тюркскими языками.

Книга рассчитана на лингвистов, историков и всех интересующихся вопросами истории и диалектологии татарского языка.

ISBN 978-5-93091-329-3

УДК 81'282
ББК 81.632.3-02

© ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1984, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Данная книга является переизданием монографии Д. Б. Рамазановой «Формирование татарских говоров юго-западной Башкирии» (Казань: Татар. кн. изд-во, 1984. 191 с.). Автор книги – доктор филологических наук, профессор Дария Байрамовна Рамазанова (1938–2019), лингвист широкого профиля, но основным направлением ее научной деятельности является татарская диалектология. С 1967 по 2016 г. она работала в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ею организованы и проведены около 200 диалектологических и лексикологических экспедиций в места компактного проживания татар, выявлены и описаны ряд говоров и подговоров в Приуралье (татарские говоры юго-западного Башкортостана, Пермской области, мензелинский говор и его подговоры, тепекеевский говор татарского языка, распространенный на юге Башкортостана), Поволжье (карсунский говор мишарского диалекта) и Западной Сибири.

Основные труды Д. Б. Рамазановой посвящены изучению говоров Приуральского ареала: ею введены в науку ценные материалы, имеющие весьма важное значение для решения узловых вопросов не только татарского языкознания, но и тюркологии.

В данной книге, как и в других ее многочисленных работах, анализ языкового материала ведётся в связи с историей народа. Объяснение диалектных особенностей, идентификация говоров осуществляется с привлечением дополнительных материалов: преданий и легенд, архивных источников, трудов по истории, данных по этнографии и других смежных наук, из родственных и неродственных языков. Памятуя о том, что язык непосредственно связан с этнической историей народа, Д. Б. Рамазанова обратилась к вопросам формирования татарского народа, отдельных его этнографических групп. С одной стороны ею была тщательно исследована история татар, носителей говоров, распространенных в Башкортостане, нередко именуемых в документах под различными названиями, что заставило автора обратиться к архивам гг. Оренбурга, Уфы, Перми, Москвы. Особенно системно и продолжительно работала Д. Б. Рамазанова в Центральном архиве древних актов (г. Москва).

Д. Б. Рамазановой удалось подробно изложить на базе архивных источников то, что Урало-Поволжье издревле являлось одним из тюркоязычных ареалов и в булгарский период была заложена основа формирования татар на территории Башкортостана. Собранный ученой

в полевых условиях богатый, паспортизованный языковой материал показывает, что носители татарских говоров Башкортостана, хотя и фигурировали в документах до 1930-х гг. под разными этно-социальными названиями («тептяри», «башкиры», «новейшие башкиры», «татары», «мещане», «бобыли», «припущенники»), сохранили свой исконный родной татарский язык и свою исконную культуру, об этом ярко свидетельствует и их духовное наследие.

Предлагаемая книга является источником, дающим ценные сведения по истории этнического формирования татар Башкортостана и их родного языка. Изучение говоров и их особенностей по языковым уровням способствует решению проблем истории формирования как языка татар отдельных регионов, так и общенародного татарского языка. Обобщения по истории формирования татарских говоров (в данном случае мензелинского и стерлитамакского) и их носителей, материалы и анализы этнолингвистических особенностей представляют собой объективный надежный базис при изучении не только этногенеза татарского народа, но и многовековых связей татарского языка с другими родственными и неродственными языками на исследуемой территории. Сегодня, когда снова актуализируются вопросы сохранения языков и культур народов, ценность данной работы только возрастает.

Результаты исследования могут быть использованы в ходе дальнейших разработок проблем истории татарского народа, татарского языкознания и общей тюркологии.

Значимость работы заключается в том, что Д. Б. Рамазанова в своей монографии проанализировала все возможные к тому времени труды, посвященные данной теме, как русских тюркологов, так и татарских и башкирских лингвистов.

Свои наблюдения Д. Рамазанова закрепляет документами переписей 70-х годов прошлого столетия. Новые материалы по вопросам переписи можно найти в электронных средствах информации, поэтому мы не сочли необходимым представить их здесь.

Наименование исследуемого региона и названия населенных пунктов, используемые в монографии, оставлены в том виде, в котором они использовались на момент написания книги. Административное название республики в заголовке книги скорректировано с учетом сегодняшних реалий.

Надеемся, что книга будет интересна не только лингвистам и историкам, но и широкой общественности.

*Миннира Булатова, кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ*

ОТ АВТОРА

Целью настоящей работы является исследование татарских говоров, распространенных в юго-западных районах Башкирской АССР в связи с историей формирования их носителей, а также определение места этих говоров в диалектной системе татарского языка.

Указанные говоры в границах – Туймаза – г. Уфа – р. Белая – административные границы с Оренбургской областью и Татарской АССР – изучались по определенной сетке (12–15 км) на основе «Программы по собиранию материалов для Диалектологического атласа татарского языка». Проводилось непосредственное наблюдение над разговорной речью населения на местах, запись ее в транскрипции или на магнитную ленту. Автором проведено 8 экспедиций¹ общей продолжительностью 13,5 месяцев. Всего обследовано 116 населенных пунктов в Аургазинском, Альшеевском, Белебеевском, Бишбулякском, Благоварском, Буздякском, Давлекановском, Ермекеевском, Кармаскалинском, Кумертауском, Мелеузском, Миякинском, Стерлибашевском, Стерлитамакском, Туймазинском, Федоровском, Чишминском районах БАССР и Бавлинском районе ТАССР. По старому административному делению данная территория входила в Белебеевский, Уфимский, Стерлитамакский уезды Оренбургской, с 1865 г. – Уфимской губернии. Стерлитамакский у. и южная часть Уфимского у. составляли

¹ Диалектологические экспедиции были организованы Институтом языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР. Кроме автора в них участвовали студенты КГПИ: З. К. Гаязова (1968), Л. Г. Тимергалиева (1969), Р. А. Хананова (1970), Г. Г. Гараева (1971, 1972), Р. С. Шаехова (1973, 1974), Р. М. Закирова (1975). Список исследованных нами нас. п.п. см. в Приложении № 1.

часть бывшей Ногайской дороги¹, Белебеевский и западная часть Уфимского у. относились к Казанской дороге.

Анализ собранного языкового материала проводился в сравнении с татарским литературным языком, с татарскими говорами, другими тюркскими (прежде всего с башкирским) языками, данными татарских и тюркских письменных памятников. Составлены лингвистические карты.

Исследование говоров велось в связи с историей заселения данного региона. При этом использованы как большая литература по истории Башкирии, так и многочисленные материалы из государственных архивов Москвы, Уфы, Перми, Оренбурга и документы, опубликованные в различных сборниках.

¹ *Дорога* (< *даруга*) – название административного деления Башкирии и Татарии, существовавшее со времен монгольского ига и Золотой Орды. После присоединения к Русскому государству, в XVII и XVIII вв., Башкирия была разделена на четыре дороги: Казанская (западная часть), Ногайская (южная и центральная части), Осинская (северная часть), Сибирская (восточная часть) и в ней были сохранены старые порядки в административном управлении и земельном пользовании. На карте (см. в Приложении) получили отражение лишь части Казанской и Ногайской дорог.

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, татары живут в ряде областей и автономных республик РСФСР, в том числе и в Башкирской АССР. Наряду с коренной национальностью – башкирами, БАССР населяют русские, татары, украинцы, чувашаи, удмурты, марийцы, мордовцы, латыши, немцы и другие народы. По материалам Всесоюзной переписи 1970 г. в БАССР башкиры составляют 892248 чел., русские – 1546304 чел., татары – 944507 чел., чувашаи – 126638 чел., удмурты – 27918 чел., марийцы – 109638 чел. и т. д. (72: 131)¹.

На исследованной нами территории татары составляют часть населения, известного ранее под названием уфимских татар² и проживают бок о бок с представителями самых различных национальностей: русскими, чувашами, украинцами, удмуртами, марийцами, мордвой, латышами, немцами и другими. По берегам рек Дема, Уршак, Агидель и в районе озера Асликуль расположены башкирские деревни.

¹ Ссылки даются в скобках цифрами: первое число обозначает порядковый номер, под которым значится тот или иной труд в отсылочной библиографии; второе число или два числа через тире – страницы этого труда. Если ссылка дается на несколько работ, то номера трудов разделяются точкой с запятой.

² Как свидетельствуют письменные источники, татары Западной Башкирии уже в XVII и I половине XVIII вв. активно фигурируют под названием «уфимские татары». См. напр. источники XVII в., документы 1633, 1636, 1641, 1662, 1695, 1720 гг. (104, I: 71, 90, 91, 92, 83). По сообщению В. А. Ефремова, в наказе царя Ал. Михайловича от 1664 г. говорится об ограждении «уфимских всяких людей и татар и башкирцев» (62: 2). Население Уфимской провинции – «Уфимские татары и башкиры» – были исключены из подушных переписей I половины XVIII в. (I и II ревизии; 76: 51, 61). В описаниях различных путешественников, трудах ученых также говорится об «уфимских татарах» (113: 4; 134: 7; 112: 267; 163: 577). П. Паллас писал: «на западной, южной и северо-западной сторонах Уфы жительствуют так нарицаемые Уфимские татары, свойственники казанских» (134: 7).

Собранные лингвистические материалы показывают, что говоры обследованных пунктов (см. приложение) относятся к двум диалектам татарского языка: среднему и мишарскому. Носители среднего диалекта живут преимущественно на западе исследуемого региона (междуречье Ика и Демы), на юге (в Миякинском, Стерлибашевском, Федоровском, Кумертауском районах) и северо-востоке Кармаскалинского района (см. приложение – карту). Они известны под названиями: татары, тептяри, ясачные, казанцы или казанские люди, новобашкиры, башкиры, мещане, крестьяне. Носители мишарского диалекта живут во всех исследованных нами районах, особенно в наибольшем количестве в Давлекановском, Кармаскалинском, Аургазинском, Стерлитамакском районах в отдельных нас. п. п. или в группах деревень, либо в одном населенном пункте вместе с носителями среднего диалекта, и известны под названиями «төмәннәр», мишари («мишәрләр»), алатырцы («алатырлар»), тептяри, башкиры («башкортлар»), мещане («мишәннәр»), крестьяне («керәстийәннәр») и т. д. Почти во всех исследованных нами нас. п. п. имеются тептярский, башкирский, казанский, мишарский, алатырский и другие концы в различных сочетаниях. Например: тептярский конец – «типтәр очо», мишарский конец – «мишәр очо» и т. д. Наличие же указанных групп населения непосредственно связано с теми сложными этническими и экономическими процессами, которые происходили в период колонизации Башкирии выходцами из различных областей и образования тех или иных деревень. Но говоры групп, относящихся к одному диалекту, по своим особенностям не отличаются друг от друга. Поэтому нет необходимости рассматривать по отдельности, например, говор новобашкир, говор тептярей или говор ясачных и т. д.

Говор представителей среднего диалекта, распространенный на указанной территории, весьма близок к татарскому литературному языку. Это неоднократно и совершенно справедливо отмечалось многими исследователями (108: 59; 29: 232; 81: 1–30; 211; 212; 213: 141; 214: 67–71; 7: 159; 229: 24). Несмотря на то, что этот говор распространен на обширной территории, он в основе своей однороден. Однако в направлении к востоку ослабевают или сходят на нет

такие специфичные особенности мензелинского говора, как замена звука *з* межзубным спирантом *d*, употребление дифтонга *-ай/-эй* вм. литер. *-ый/-ий* (графич. *-и*), причастная форма на *-малы/-мале*, послелог *өченгә* и т. д., уступая место вариантам, характерным для татарского литературного языка; выявляются некоторые новые диалектные особенности, напр., форма прошедшего времени на *-а иде*, спряжение модального слова *кирәк*, форма родительного падежа личного местоимения I л. ед. ч. (*минен*), случаи употребления деепричастия на *-а/-ый* вм. деепричастия на *-ын/-ен/-н*, случаи присоединения аффикса принадлежности *-сы/-се* к собирательным числительным и некоторые другие. Эта часть юго-западной Башкирии заселена преимущественно мишарями. Их говор может быть назван стерлитамакским (по названию старого административного центра) говором мишарского диалекта. Говор же на западе исследуемой нами территории является переходным между мензелинским и стерлитамакским говорами и условно может быть назван белебеевским подговором.

Особняком стоит говор нас. п. п. Уразметево, Верхне-Услы, тептярской половины д. Семенкино, старшего поколения д. Нагадак, отличающийся употреблением межзубного *d*, мягкого *с* (вм. литер. *ч*), *ж* в интервокальном положении, превалированием йоканья, а также рядом лексических особенностей. Наши исследования показали, что данный говор имеет продолжение как целостная система на территории к востоку от р. Агидель. Представителей этого говора, ввиду того, что они вм. звонких согласных *д, б, г* в определенной позиции произносят их глухие пары *т, н, к*, называют «тепекэйләр» – тепекеевцы, что, на наш взгляд, вполне является приемлемым как термин, обозначающий названия и их говора. Граница распространения аналогичных особенностей в северо-западной части БАССР проходит по р. Уфа (108: 59 и карты № 3–7).

Пестрота этнонимов, и наоборот, однородность и близость их говоров к татарскому литературному языку заставляли исследователей обратиться к фактам истории формирования населения Западной Башкирии. А. А. Юлдашев, Ж. Г. Киекбаев,

Л. Т. Махмутова, А. Ш. Афлетунов, Дж. Алмаз единодушно утверждают огромную, решающую роль переселенцев-татар в этнических процессах и в формировании говоров на данном регионе; указывают на неоднозначность термина «башкиры» в различные исторические периоды. По этим вопросам накоплен значительный материал и в фондах татарских диалектологов ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР

Из истории изучения. Говоры татар западных районов современной Башкирии давно привлекали внимание исследователей. Первым из лингвистов, заинтересовавшихся указанными говорами, был русский ученый А. Г. Бессонов (29), который оставил достаточно тонкие наблюдения. Обращает на себя внимание, что А. Г. Бессонов рассматривает татарские говоры «в порядке степеней близости» их к «казанскому татарскому наречию» и «наречие тептярей» считает самым близким к последнему (с. 231). По мнению А. Г. Бессонова «язык тептярей-мухаммедан татарский, но потерпевший некоторое влияние башкирского и даже мецдеряцкого языка» (там же). Справедливость этого мнения подтверждается и нашими языковыми материалами; тептярские говоры юго-запада Башкирии в определенной степени формировались под влиянием мишарских говоров.

Автор в своей работе указывает на некоторые лексические, фонетические различия между казанско-татарским языком и тептярским говором. Напр. из фонетических: употребление *-эй/-ай* вм. тат. литер. *-ый/-уй* (графич. *-и*), огубленность звука *а* и некоторые другие (29: 231).

Интердентальный звук *d* мензелинского говора А. Г. Бессонов отождествляет со звуком *ð* тат. литер. языка. Преобладание смычного элемента в артикуляции звука *й* мензелинского говора, в отличие от башкирского *з*, позже неоднократно отмечалось и др. исследователями (231: 431; 228: 124; 138: 338). Однако А. Г. Бессонов не указывает ни на наличие, ни на отсутствие явления *з > d* у тептярей. Это объясняется, видимо, тем, что уже тогда была нарушена системность данного явления. Наши материалы также указывают на довольно ограниченное употребление звука *d* вм. тат. литер. *з*.

Характерными особенностями «мещеряцкого наречия» в области фонетики А. Г. Бессонов считает заднеязычное *к*, некоторое «смягчение» гласных, стоящих за этим *к*, сильно огубленное *а*, монофтонгизацию дифтонгов *-ай*, *-уй* у цивильских и алатырских мишарей, произношение звука *з* вм. *й* татарского языка и растяжение последнего слога слова и некоторые другие. В области грамматики – случаи употребления аффикса принадлежности *-сы/-се* (*урнысы* и т. д.), форму повелительного наклонения на *-гын/-ген* и дееспричастия на «*-гылчы/-гельче/-гынчы*» вм. *-ганчы*, аффикс многократности *-ак* +*ла* и т. д. Приводится также ряд лексических параллелей (с. 239–240).

А. Г. Бессонов указывает на различные группы мещеряков, т. е. мишарей Башкирии: тюменские, цивильские алатырские, причем первые из них, по справедливому мнению автора, более близки к казанско-татарскому нежели последние (с. 238–241).

Наблюдения А. Г. Бессонова представляют собой большой интерес для татарской диалектологии, выдвинутые им тезисы в основном подтверждаются и нашими наблюдениями.

Летом 1898 г. в течение трех месяцев изучал говоры в Белебеевском уезде известный тюрколог Н. Ф. Катанов (81: 1–32). Он посетил д. Слак, заселенную мишарями, Суракай – башкирами, Трунтаиш – тептярями (ныне в Альшеевском районе), Утарово и Курчеево (ныне в Бакалинском районе) – крещеными татарами и несколько деревень – русскими, «...вокруг которых живут крещеные татары, тептяри, черемисы и отатарившиеся башкиры». Автором собран значительный материал по этнографии и фольклору (5: 10).

Н. Ф. Катанов «наречие башкир» разделяет на совершенно отличающиеся друг от друга 2 говора: башкиры западной части губернии говорят на «наречии», очень близком к «крещено-татарскому», а восточной – на «наречии», под которым подразумевает он собственно башкирский язык. По его мнению, «наречия мещеряков и тептярей также очень близки к наречию крещеных татар» (с. 4). Описание языковых особенностей этих «наречий», данное Н. Ф. Катановым, в сущности, представляет собой сопоставление башкирского (д. Суракай) и татарского (д. Слак, Трунтаиш,

Утарово, Курчеево) языков, распространенных на данной территории, по их ведущим отличительным особенностям: $c > \zeta$ и $ч > с$, ассимиляция начальных согласных в аффиксах и др. Кроме того, Н. Ф. Катанов приводит ряд черт «мещеряцкого наречия», отличающих его от остальных «наречий». Им также отмечена сильная огубленность гласного *a* («средний» между *a* и *o*, но ближе к *a*), заднеязычные *z*, *k*, йоканье и др. Однако Н. Ф. Катанов, как и А. Г. Бессонов, не указывает на наличие у тептярей интердентального *d*.

Тот факт, что язык местных тептярей, башкир и татар не отличается от татарского языка ни по фонетике, ни по морфологии, ни по лексике, был установлен и экспедицией по изучению говоров башкир и др. Туймазинского района под руководством Г. Кучукова в 1931 г. (Архив ИИЯЛ БФАН СССР, ф. 3, оп. 9, д. 10).

С 50-х годов началось целенаправленное исследование говоров татар Западной Башкирии.

Одним из фундаментальных трудов в этой области явилась кандидатская диссертация А. А. Юлдашева (211), посвященная описанию фонетических, грамматических и лексических особенностей говора тептярей Учалинского района в сравнении с говорами тептярей, башкир, татар, мишарей Белебеевского, Буздякского, Туймазинского, Шаранского, Бакалинского и Чекмагушевского районов БАССР. Особенности говора учалинских тептярей систематически сопоставляются автором с данными татарского (недочеты связаны с недостаточной изученностью в то время татарских диалектов) и башкирского языков, прослеживаются ареалы распространения особенностей (в частности, интердентального *d*, отсутствующего в Буздякском районе) и т. д.

В работе дается подробный критический анализ историко-этнографической литературы о тептярях. При этом автор неоднократно обращается и к письменным источникам. Тептяри совершенно справедливо рассматриваются им как сословие, находившееся в постоянном движении: «классовая дифференциация в среде башкир-вотчинников, приведшая к приравнению положения значительного слоя башкирского общества к тептярям»;

«дифференциация в среде самих тептярей»; «беспереывный приток свежих переселенцев из различных губерний России (особенно казанских татар) и рост числа тептярей за этот счет» и т. д. Эти факторы привели, по мнению автора, к разрушению начавшейся в определенный период консолидации тептярей в особую народность (211: 246–247).

Прав автор и в том, что татарский язык сыграл решающее значение в формировании татарских говоров Башкирии. «Доминирующее положение татарской языковой среды обеспечивалось количественным превосходством татар», осуществлялось также при помощи духовных школ, татарской литературы, театра, торгового класса переселенцев татар и др. (с. 249). Подчеркивается определенная роль мишарского диалекта в формировании татарских говоров западных районов БАССР. Изучение же истинных мишарских говоров региона не входило в задачи автора. Он справедливо считает, что особенно сильный прилив татарского населения происходит до XVIII в. Все эти выводы автора не теряют своего значения и сегодня, когда перед исследователями стоит важная задача изучения вопросов этногенеза и миграции татар Поволжья.

А. А. Юлдашев неоднократно подчеркивает однотипность говоров, распространенных на довольно широком ареале, несколько раз указывает на идентичность говоров различных групп данной территории: «...языковые различия между современными говорами тептярей, мешеряков, татар и башкир окончательно стерлись» (с. 227). Тем самым автор на основе скрупулезного анализа большого фактического материала развивает и подтверждает мнение Н. Ф. Катанова.

А. А. Юлдашевым впервые введены в научный оборот материалы по говорам тептярей, определено место этих говоров в диалектной системе татарского языка.

В 1954–1957 гг. под руководством Л. Т. Махмутовой был проведен ряд экспедиций в северо-западные районы БАССР (108). В своей статье Л. Т. Махмутова подчеркнула «поразительную близость» говоров «тюркоязычного населения» указанного ареала с татарским литературным языком, описала диалектные особенно-

сти этих говоров в сравнении с ведущими чертами татарского и башкирского языков. В результате анализа собранных материалов и лингвистических данных автору удалось правильно определить место исследованных ею говоров в диалектной системе татарского языка. Л. Т. Махмутова первая среди татарских диалектологов обратила внимание на употребление этнонимов «башкиры», «тептяри», «мишари» и в значении сословия, подчеркнув необходимость изучения их с историко-лингвистической точки зрения.

В 1956 г. под руководством Дж. Алмаза была предпринята экспедиция в Дюртюлинский и Илишевский районы (7), в результате которой им была опубликована статья об основных диалектных особенностях говоров татар указанных двух районов в сравнении с другими говорами татарского языка, где приведены некоторые легенды по истории татар и любопытные сообщения об устройстве пришлого населения. Автор заключает, что деление населения этих районов на башкир и татар означало не национальную принадлежность, а их отношение к земле (7: 156).

А. Ш. Афлетунов с группой студентов в 1954–1956 гг. собирал материалы по говорам тептярей в 14 (с. 7–8) районах юго-западной Башкирии. На основе собранного материала им была подготовлена кандидатская диссертация. В ней автор анализирует диалектные явления в сравнении с говорами татарского языка, а также с другими тюркскими языками. Анализ языковых особенностей ведется в связи с историей его носителей (казан татары, төмән, яңа башкорт, мишәр, типтәр, башкорт, керәшен; 229: 14–26). Привлекая некоторые архивные материалы, доступную ему литературу по языку и истории, автор заключает, что название башкиры в определенный исторический период употреблялось в двух значениях: сословия и народности (с. 21).

Как и некоторые предшественники его, А. Ш. Афлетунов подчеркивает, что говоры тептярей, татар, башкир, новобашкир на данной территории, во-первых, не различаются между собой (с. 71); во-вторых – близки к татарскому литературному языку (с. 26); в-третьих – башкиры и новобашкиры не отличаются от татар также по своей культуре (с. 24).

К сожалению, автор не ставит своей целью охватить всю территорию юго-запада БАССР. Остались вне поля зрения автора говоры кряшен и мишарей, без учета которых система татарских говоров указанной территории теряет свою целостность. Не выявлен ареал распространения или наличие некоторых диалектных явлений. Несмотря на это, основные выводы автора не вызывают возражения.

Таким образом, татарские языковеды едины в определении места татарских говоров Западной Башкирии.

Однако в работах некоторых башкирских филологов не только «башкиры», но и татары указанного региона рассматриваются под общим названием северо-западные башкиры. Так, Т. Г. Баишев (20: 6, 9–10, 28) говор тех и других рассматривает в качестве одного из башкирских диалектов. Ж. Г. Киекбаев (83: 41–43, 53, 78) – как переходный говор одного из башкирских диалектов, отмечая при этом, что «северо-западные башкиры считают татарский язык своим родным языком». С. Ф. Миржанова (118: 235–243) обследовала те нас. п. северо-западной Башкирии, «которые и исторически, и официально, и самими жителями считались башкирскими» (с. 238), и говор их назван ею как «народно-разговорный язык» или «говор северо-западных башкир». При этом отмечены черты, общие с башкирским языком, главным образом, в лексике, частично в грамматике и фонетике. И тем не менее, в результате оказалось, что в этом говоре полностью отсутствуют специфические черты, характеризующие башкирский язык. «Само население, – пишет С. Ф. Миржанова, – хотя и четко дифференцирует этническую принадлежность каждого населенного пункта (башкирский, тептярский, татарский, мишарский), различает только язык татар и мишарей». Таким образом, С. Ф. Миржанова в целом правильно определила диалектную принадлежность языка местного населения северо-западной Башкирии, но не учла употребления этнонимов башкиры, мишари и др. в сословном значении.

Такая противоречивость выводов языковедов требует всестороннего анализа и вскрытия закономерностей и особенностей этнических процессов в Западной Башкирии с учетом не только языковых, но также и данных других смежных наук, архивных и других источников.

Глава I

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ТАТАР СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ БАШКИРИИ

БУЛГАРСКИЙ ПЕРИОД

Население Западной Башкирии имело генетическую общность с племенами Булгарского объединения (13: 32–35; 158: 106–107; 89: 12; 93: 421; 8: 406). Эта территория населена, в основном, такими племенами, которые либо были вообще булгарского происхождения, либо испытали на себе сильное булгарское влияние. К числу таких племен исследователи относят племена юрматы, еней, негмен, кесе, бияр, юрмый, гайна-тархан, буляр, таньп (91: 25; 9: 32; 93: 416). Известно также и то, что до монгольского нашествия башкиры или часть из них были под властью Булгарского государства и платили ясак (195: 105; 162: 84; 127: 5; 66: 8, 33; 133: 20–22; 147: 31; 158: 75; 180: 49–55; 67: 38). «Этот удобный для ведения земледельческого хозяйства район (юго-западная Башкирия. – *Д. Р.*) задолго до присоединения Башкирии к Русскому государству был объектом колонизации булгарских племен...», – писал Р. Г. Кузеев (88: 23). В литературе много говорится об этническом и культурном влиянии булгар и Булгарского государства как государства более развитого в хозяйственно-экономическом, культурном, государственном отношениях на население современной Западной Башкирии (199: 10; 120: 687; 191: 34–36; см. также вышеуказанные груды). По мнению некоторых ученых земли Булгарии в XII–XIII вв. доходили до р. Белой и Яика (207: 159; 157: 5). Большинство же ученых считает, что территория Булгарского государства охватывала нижнее течение р. Белой (156: 99; 147: 31; 93: 408; 180: 50–51; 191: 34),

а на юго-востоке в X–XI вв. включала и земли до р. Шешмы (191: 34; 182: 99).

Р. Г. Фахрутдинов, опираясь на источники X в. (аль-Истахри, Худуд аль-Алем), XIII в. (Ибн-аль-Асир), на труды В. В. Бартольда, данные Лаврентьевской летописи, Адама Олеария и др., пришел к выводу о том, что земли между Волгой, Белой и Яиком были булгарскими. Вслед за А. П. Смирновым и Г. В. Юсуповым, Р. Г. Фахрутдинов полагает, что булгары просачивались в среду башкир небольшими группами. Автор приводит много данных, доказывающих этническое и культурно-экономическое проникновение булгар на территорию современной Западной Башкирии до р. Белой, продолжавшееся и в золотоордынский период (182: 100–102; 91: 25; 191: 36; 133: 32–33, 35).

После распада Золотой Орды Башкирия в пределах Осинской и Казанской дорог (южная и юго-восточная границы Казанской дороги в XVI–XVIII вв. проходили по линии Уфа и южнее г. Белебея. См.: 133: карта после с. 192) продолжает оставаться под властью Казанского ханства (180: 25–57; 133: 34–35).

О продолжении булгаро-башкирских традиций и в период Золотой Орды, когда предки татар и западных башкир переживают общую судьбу, говорят и другие исследователи (91: 27; 191: 36). Авторы «Очерков по истории Башкирской АССР» считают, что в XIII–XIV вв. «влияние булгарского элемента на этническое формирование западных башкир становится еще более значительным». По их мнению, после разгрома Булгарского государства монголами усилился приток булгар на северо-восточные и восточные периферии – на территорию современной Пермской области и Западной Башкирии. С этим, видимо, частично было связано и продвижение башкирских племен на север и северо-восток (133: 32–33, 35).

Вполне возможно, что именно в булгарский период была заложена основа формирования различных групп населения Башкирии. Не зря отводится значительное место во многих трудах по истории, этнографии разбору региональных особенностей между северо-западным, юго-западным и восточным пределами Башкирии (147: 344–347 и др., карты после с. 352; 88: 21 и далее; 30: 5–45; см также

14, выпуски I–IV). К тому же в течение ряда веков это отличие не только сохранялось, но и продолжало качественно углубляться. Постоянные тесные контакты, взаимное этническое взаимопроникновение между населением Поволжья и Приуралья привели к дальнейшему развитию общих черт у населения Западной Башкирии и у поволжских татар во всех областях материальной и духовной культуры (хозяйственный уклад, язык, культура, религия и т. д.). В результате этого население Западной Башкирии раньше, чем население Восточной Башкирии, перешло к оседлости и земледелию, быстрее утратило родовые отношения. В формировании населения Западной Башкирии преобладал болгарский компонент, а формирование населения восточной Башкирии, в основном, было связано с восточным «кочевым миром» (99: 15). Западная Башкирия в общественно-экономическом отношении постоянно тяготела к западу.

Необходимо особо отметить, что ареал распространения северо-западной, юго-западной и восточной групп башкир почти всеми исследователями определяется примерно одинаково (см. вышеуказанные труды С. И. Руденко, Н. С. Акимовой, С. Н. Шитовой, Р. З. Янгузина, Н. А. Мажитова, Р. Г. Кузеева и др.). Работа же С. И. Руденко, содержащая всесторонний анализ материальной и духовной культуры башкир, снабжена двумя картами разделения башкир: 1) по физическому типу и бытовым элементам и 2) современному разговорному языку (составлена Т. Г. Баишевым) на территориальные единицы, что дает нам возможность наглядно представить границы этих областей: р. Уфа – на севере и р. Дема – на юге Башкирии (в обеих картах) – северо-западная группа; между речью р. Дема и р. Агидель – юго-западная группа. По определению Р. Г. Кузеева, границей между восточной и западной областями условно «можно считать долину нижнего течения р. Уфы (от города Красноуфимска) до ее впадения в р. Белую – на севере и долину р. Демы – на юге Башкирии» (88: 22). Эта граница совпадает с той линией, откуда, по нашим наблюдениям, начинаются в настоящее время селения носителей башкирского языка. О северной части этой границы по данным языка писала Л. Т. Махмутова (108: 59, 81: 84, карты). На юге территория расселения собственно башкир начи-

нается, действительно, с бассейнов оз. Асликуль, р. Демы, Уршака, по берегам которых расположены населенные пункты башкир, говорящих на собственно башкирском языке (наши полевые материалы). Дело в том, что именно к востоку от вышеуказанной границы начинают выступать те особенности, которые специфичны для башкирского языка, к числу которых Н. К. Дмитриев относил: употребление *с* вм. *ч*, гортанного спиранта *h* вм. *с*, межзубных спирантов *з* и *ц*, палатального *ж* вм. *ж*, среднеязычного *й* вм. *ж* и др. (55: 23–32). Аналогичная линия является восточной границей распространения *з*-диалекта (по терминологии Т. Г. Баишева) башкирского языка (147: вторая карта после стр. 352; 20: 9–10). Тем самым башкирские языковеды также отмечают отличие языка населения Западной Башкирии по своим лингвистическим особенностям от языка восточных башкир, указывая одновременно на общность первого с татарским языком (2: 9–10; 83: 4–43).

Интересно, что в начале 30-х гг. в большинстве районов региона – Кармалинском (ныне Аургазинском), Бакалинском, Чекмагушевском, Буздякском, Туймазинском, Миякинском, Кармаскалинском, Топоринском (ныне Кушнаренковском) – языком делопроизводства и начального обучения был определен татарский язык. А в ряде районов (Давлеканском, Стерлитамакском, Белебеевском, Уфимском) языком делопроизводства был определен русский язык¹.

Ценные наблюдения о говоре татар Западной Башкирии по этому поводу оставил Г. В. Юсупов. На основе анализа двух надгробных надписей (XIII в.) в д. Мавлютово Кушнаренковского района БАССР он приходит к выводу о том, что употребление в тексте *с* и *ч* (как в татарском языке) вместо характерных для башкирского языка фонем *h* и *с* «по-видимому, восходит к болгарским временам, а не является только результатом позднего влияния казанско-татарского языка» (215: 122). В другом своем труде Г. В. Юсупов, поддерживая

¹ Архив БИИЯЛ Баш ФАН СССР, ф. 3, оп. 9, ед. хр. 5, с. 338 (из Постановления Президиума Башкирского центрального исполнительного комитета от 16/X–1930 г. «О введении делопроизводства в райисполкомах БАССР на языке коренной национальности».)

выводы языковедов Ж. Г. Киекбаева, Л. Т. Махмутовой, а также башкирского этнографа С. И. Руденко, одновременно пишет: «я не видел в материальной и духовной культуре башкир (т. е. населения западной Башкирии. – Д. Р.) чего-либо типично башкирского» (216: 131–132).

Булгарские традиции имели прочные основы, продолжались в течение долгого времени. Видимо, глубина влияния этих традиций и нашла свое отражение в таких фактах: М. Чокрый – эл-Болгари выходец из Бирского уезда; Жәгъфәр Болгари выходец из бассейна р. Уршак (95: 58, 63). Т. Ялчыгол считал себя «болгарлык иштәк», т. е. иштяк из булгар (89: 164). Интересно отметить, что В. Кудрявцев в 1896 г. также указывает, что «лесные башкиры Уфимской губернии зовут себя и теперь булгарами» (87: 133). Л. Н. Усманов, изучивший множество источников, также является сторонником этой точки зрения, причем добавляет, что некоторые западные башкиры вплоть до XIX в. именовали себя булгарами (180: 51).

Во время полевых экспедиций нам самим нередко приходилось записывать предания и легенды, согласно которым основателями деревень считаются выходцы из булгар. См., напр., наши записи в нас. п. Менеуз-Тамак, Зайпакуль – Миякинского, Алга, Балыккыкуль Стерлитамакского, Кыска-Елга – Буздякского, Ново-Кишки, Улукулево – Кармаскалинского, Сафарово – Чишминского, Балышлы – Благоварского районов и др.

Отсутствие ведущих лингвистических черт башкирского языка на данной территории может служить убедительным доводом при определении значения и роли булгарского компонента в формировании населения Западной Башкирии. Фонемный состав, грамматический строй, т. е. самые устойчивые и консервативные уровни языка, идентичны с теми же уровнями татарского языка, т. е. языка прямых преемников булгар.

Как видим, наблюдается общность в данных различных отраслей науки и определенное единство в выводах специалистов ряда областей, т. е. налицо сумма различных факторов как лингвистических, так и этнографических, антропологических, культурных и т. п., свидетельствующих об общности населения Поволжья

и Западного Приуралья. На территории современной Западной Башкирии издревле жило тюркское население, по языку, по хозяйственному укладу и культуре близкое к поволжским татарам.

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА И БАШКИРИИ¹ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ

После падения Казанского ханства население Западной Башкирии оказывается в составе административной единицы – Башкирии.

Политика русского правительства в отношении к народностям вновь приобретенной территории и различное общественно-экономическое положение народностей бывшего Казанского ханства и Башкирии в составе России предопределили ход дальнейших этнических процессов на данном регионе.

Так, население бывшего Казанского ханства, изгнанное из городов, деревень и лишенное лучших земель, облагается тяжелым ясаком, который к тому же сильно увеличивался за счет различных поборов. В крае постепенно проводится политика насильственной христианизации народов, усиливается феодальный и колониальный гнет. Все это вызывает глухое недовольство, частые волнения и массовый побег населения на юг и юго-восток в поисках воли и свободной земли. Бегство народов Поволжья, начавшееся после падения Казани, интенсивно продолжается и в XVII–XVIII вв. (67: 103–136).

В иных условиях оказалось население Башкирии, с которым царское правительство сначала вело осторожную политику, почти не вмешиваясь во внутренние дела земледельцев этого региона.

1) После присоединения Башкирии к Русскому государству (180: 83–84, 104: 111–492; 128: 13–14; 136: 15–16; 80: 68–69; 150: 15) населению ее разрешается владеть своими землями на вотчинном нраве, хотя и несколько ограниченном, т. к. им было

¹ Башкирия – это та территория, до которой русская армия не дошла и западная граница которой начиналась, видимо, с тех земель, владельцы которых сразу признали зависимость от Русского государства. Башкирами называлось все население независимо от национальной принадлежности этой вновь организованной административной единицы.

запрещено продавать свои земли (там же). Население Башкирии могло управлять своими землями по своему усмотрению.

2) В несколько особом положении оказалась Башкирия и в отношении порядка уплаты ясака. Там были сохранены, подтверждены тарханские привилегии части феодальной верхушки, получившей тарханские ярлыки еще из рук казанских ханов и от Ногайской Орды (131: 675–676; 166: 107). Тарханы были полностью освобождены от ясака. Кстати, следует отметить, что среди тархан, как и среди всей феодальной верхушки, были и татары, еще прадеды, деды и отцы которых были тарханами (166: 108). Получение некоторыми людьми Башкирии чина тарханства продолжается и в московский период. Так, Р. Н. Степанов приводит сберегательную память 1702 года, где сообщается о записывании в тарханы служилых татар Уфимского у. Казанской дор. д. Янгаз-Парат (Ялгыз Нарат?) и Базы (166: 108–109). Известно также, что вице-губернатор Казанской губернии Соймонов расселил в Уфимском у. выходцев из Казанского у. и жаловал их тарханами (104, III: 560–561).

3) Основная часть населения Башкирии была обложена ясаком, видимо, сравнительно легким. Например, по мнению П. И. Рычкова, этот ясак был «гораздо меньше и с лучшим учреждением по сравнению с размером и порядком взимания ясака, бывшим в Башкирии до русского подданства» (148–85). О том, что у башкир ясак был легче, чем у соседей, т. е. татар и других народов Поволжья, говорят и архивные источники. Так, на требование выдать беглых вотчинники Башкирии ответили: «они (т. е. вотчинники. – Д. Р.) только платили с осьми ясаков по одной кунице (в год. – Д. Р.), которой цена восемь гривен и обойдется с ясака токмо по гривне в год, а з втора по четыре деньги. А в Казани с ясака в год денежных зборов збирается по осьми Рублев по двадцати по шести алтын с полу деньгою и оные беглые с тех пустых ясаков живут у них башкирцев и не токмо одни иноверцы, но и русские многие и на них всякую работу работают и пашни им пашут...» (ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 115, л. 978 об). В. Филоненко называл ясак башкир «ничтожною податью» (184: 33). «Башкиры... были обложены незначительным ясаком», – пишет Р. Н. Степанов (166: 107).

К моменту присоединения Башкирии к Русскому государству башкиры формально сохраняли общеплеменную земельную собственность и уплата ясака велась не в именном, а в общеплеменном порядке. Таким образом, ясак в Башкирии не мог отражать ни численности, ни национальности, ни миграции людей или дворов, участвовавших в уплате.

4) Следующей характерной особенностью существования Башкирии в составе Русского государства является ее окраинное положение, отсутствие в ней надлежащего надзора и налаженного административного управления со стороны правительства. Все это сказалось прежде всего на состоянии учета населения Башкирии. Полный учет населения края в XVI–XVII вв. вообще не-производился. В I половине XVIII в., когда в России была введена подушная перепись, основные категории населения Башкирии, т. е. «башкиры» и «уфимские татары» все еще продолжали оставаться не охваченными переписью (53: 59, 82–83; 76: 50, 61). Материалы III ревизии (1762 г.), хотя и предусматривался в них охват всех слоев податного населения Башкирии, в том числе и тептярей, бобылей, ясачных татар и других, также не располагали полными данными. Между тем, в указанный период Башкирия считалась одной из последних отдушин (79: 12) для беглых крестьян; она слыла «притоном беглых» (200: 16). Слабозащищенные восточные границы России в XVI–XVII вв. были не в состоянии пресечь массовое движение крестьян и беглых, учесть миграцию населения региона. Царская администрация укреплялась долго, постепенно и окончательно утвердилась лишь в середине XVIII в., т. е. лишь после того, как был построен г. Оренбург.

5) Земли Башкирии были сравнительно мало освоенными, сравнительно мало заселенными¹. Природа Приуралья была изучена недостаточно, изобиловала девственными лесами, почти нетронутым богатством.

¹ См. напр.: «Население края (до присоединения Башкирии к Русскому государству – это исключительно башкиры и татары) составляло в XVI в. сравнительно ничтожную цифру» (88: 121).

Таковы характерные особенности политического и экономического положения населения бывшего Казанского ханства и Башкирии в начальный период существования их в составе Русского государства.

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О БЕГСТВЕ ПОДАТНОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ В СТОРОНУ УРАЛА

Хотя проблема бегства, т. е. самовольного, стихийного переселения народов Среднего Поволжья, главным образом татар, привлекала внимание исследователей (135: 283; 197: 165; 5: 10; 150: 16; 152: 8; 68: 8; 79: 12; 170: 32; 84: 82–236; 120: 639; 85: 19; 75: 32–49; 129: 303–344; 6: 42–43, 54 и др.), но она специально никем не изучалась.

Бегство народов на юг и юго-восток России уже в XVI и I половине XVII вв. вызывало серьезное беспокойство царского правительства. Это, в частности, отразилось в указах от 1581, 1597 гг. (67: 110). Уложением царя Ал. Михайловича (1649 г.) запрещалось людям «всяких чинов» покупать земли у башкир, татар, мурз и др. (ПСЗ, т. I: 80). Однако такие меры не могли остановить массовое переселение крестьян из Поволжья на Урал и в Сибирь.

Различные донесения чиновников Уфимской провинции, челобитные ясачного населения края ярко свидетельствуют о массовом переселении нерусских народов Поволжья на Башкирские земли еще в XVII в., возможно еще в конце XVI в. Так, в челобитной башкир Уранской вол. Осинской дор. от 1688 г. сообщается о возникновении «в прошлые годы» на их вотчине 40 татарских, марийских и удмуртских деревень – выходцев из Казанского, Свияжского, Уфимского уездов (41: 30). Вместе с тем, на территории этой же волости выходцами Казанского и Уфимского уездов до восстания 1662–1664 гг. образовалось 37, после восстания – 13, всего 50 деревень (там же). Сами же вотчинники, как подчеркивает С. Васильев, не знали, сколько переселенцев и деревень существует на их землях (40: 129–138). В челобитной вотчинников (40: 132; в диссертации С. Васильева, как и в архивном документе, вотчинники названы автором татарами) д. Мушуга Казанской дор.

Уфимской провинции от 1701 г. говорится, что из разных городов и уездов переселились на их земли люди разных чинов и новокрещенные и др. и, насильственно завладев их землями, живут более чем 20 деревнями. В ходе расследования этих челобитных выяснилось, что указанные переселенцы жили на этих местах уже давно, 40, 50, даже 70 лет (40: 129–138). В пределах вотчины Мурзакая Юкачева (Казанская дор.) переселенцы из Казанского и Свияжского уездов самовольно поселились в 24-х деревнях. Из них 14 деревень поселились 70 и больше лет тому назад (там же). Ясачные бобыли д. Баржы Уфимского у. в своей челобитной от 7157 (г. е. 1649) г. также показали, что они издавна платят бобыльский ясак (ЦГА БАССР, ф. 168, оп. 1, ед. хр. 67, л. 1). «Нагайские и Сибирские дорог разных деревень новокрещены и горные татары и черемиса и чуваша» в 1700 г. пишут, что они «изстари платят на Уфе бобылевый ясак» (128: 81).

Приведенные факты достаточно наглядно указывают на время и размах бегства нерусских народов Поволжья на башкирские земли. С. М. Васильев заключает, что в пределах Казанской и Осинской дор. в каждой башкирской вол. насчитывалось несколько десятков и сотен деревень, освоенных пришлыми людьми (40: 64), но точное число их не было известно, хотя уже во II половине XVII в. правительством был предпринят ряд попыток учесть пришлое население Уфимской провинции (128: 79–80).

Сведения об интенсивном бегстве татар в сторону Урала содержатся и в различных донесениях русской администрации.

Вице-губернатор Казани Н. Кудрявцев в своем письме Сенату от 13 августа 1719 г. сообщает, что служилые татары и ясачные иноверцы к башкирам¹ бегут, от чего подати, положенные на них, пропадают (ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 101, л. 457). «... в Казанском уезде по дорогам пустоты ясачников русских и иноверцев и новокрещенов 6006 ясаков... те беглые живут в Уфимском уезде у башкирцев» (ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 115, л. 978).

¹ При изучении архивных источников создается впечатление, что в аналогичных документах «башкирцами» Уфимской провинции именуются именно землевладельцы края, а не народность. См.: например, цитируемые нами фонды.

К концу XVII и началу XVIII вв. результаты бегства татар и других «иноверцев» к «башкирцам» стали настолько ощутимы, что борьба с бегством становится одной из острых и неотложных проблем в политике Русского государства: неоднократно предпринимаются различные меры по сыску беглых, учреждаются заставы на дорогах, выделяются военные силы (напр.: ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 101, л. 39, 40, 457 и др.).

В начале XVIII в. в Уфимской провинции была проведена усиленная кампания по пресечению бегства, выявлению и высылке беглецов на прежние места проживания. Только за период с 1707 г. по 1720 г. беглецов из Казанского и Уржумского у. у. было зарегистрировано 17.920 дворов, в том числе: татар – 8613 дворов, черемис – 3863 двора, русских – 3303, вотяков – 991, новокрещен – 896, чувашей – 196, мордвы – 58 дворов (ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 115, л. 283–284 об.). В сторожевые пункты Мензелинск, Заинск только в июле–августе 1720 г.¹ «по приводам и собою» явились сходны из Казанского у. – 337 семей, т. е. 1173 чел., Свяжского – 66 семей да холостых 16 (261), Симбирского – 9 семей, хол. 6, вдова 1 (39), Уфимского – 4 (13), Царевококшайского – 3 (7), Курмышского – 1 (3), Цивильского – 4 (13), Вятского – 1 (9), Уржумского – 1 (3), Темниковского – 1 (1), Керенского – 1 (4 человека) (ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 101, лл. 40, 210–214 об.).

За период с 27 декабря 1720 г. по 8 июня 1721 г. в пределах Уфимской губернии были выявлены подлежащие высылке в Казанский, Уфимский, Свяжский, Чебоксарский, Козьмодемьянский, Курмышский, Ядринский, Симбирский, Цивильский, Алатырский, Касимовский, Темниковский, Саранский, Нижнеломовский, Верхнеломовский, Керенский, Вятский у. у. 4360 семей, или 17.038 человек (ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 315, л. 531).

Как свидетельствуют архивные источники, среди беглецов преобладали татары или выходцы из Казанского уезда. Так, за период с 7 июня 1720 г. по 18 мая 1722 г. всего в Уфимской провинции

¹ Кампанией по выявлению и высылке беглецов на старые жилища в 1719–1720 гг. руководил граф И. Г. Головкин. Приведенные здесь некоторые цифровые данные взяты из его ведомостей.

была выявлена и подлежала высылке 5031 семья, или 20105 человек. Самое большое количество из них приходится на Казанский (3814 семей), Свияжский (550 семей), Симбирский (254 семьи), Уржумский (92 семьи) уезды. На остальные уезды приходится от 10 до 20 семей (ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 115, л. 922–931).

Необходимо учесть и такой немаловажный факт, как национальный состав беглецов. Напр., из 17920 дворов беглецов из Казанского и Уржумского у. у., зарегистрированных в 1707–1720 гг., почти половину (8613 дв.) составляли татары (там же, л. 283–284 об.). Такая же картина наблюдается и среди выявленных во время деятельности графа И. Г. Головкина пришельцев. Так, в ведомости за период с 7 по 24 сентября 1720 г. зарегистрировано 594 семьи (2271 человек), из них 363 семьи (1600 человек) – татары (там же, л. 308–310 об.). За период с 25 сентября по 31 декабря 1720 г. количество семей, подлежащих высылке, следующее: 1296 (5282 чел.), из которых 2/3 (т. е. 887 дворов – 3642 чел.) составляли татары (ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 115, л. 374–377).

Из архивных источников, различных письменных документов явствует, что чиновники царской администрации прежде всего обращали внимание на татар. Так, в донесении начальника Оренбургской экспедиции И. К. Кириллова о башкирах в Сенат от 16 марта 1735 г. читаем: «... Кырыланской волости в деревне Сертики дворов с 50 живут беглые казанские татары и воры»¹. В Уфимском у. в Байларской вол. в разных д. д. в начале XVIII в. выявлены сходны из Казанского и др. у. у. 131 двор (ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 115, л. 458) и т. п.

С. М. Васильев, занимавшийся изучением тептярей, бобылей и вопросов землеустройства переселенцев Башкирии, также считает, что «основная масса пришлого нерусского населения в Башкирии состояла из выходцев Казанской губернии» (40: 63).

¹ ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 169, л. 695. В источниках данного периода словом «вор» назывался участник волнений, восстаний; воровство, быть в воровстве – неповиновение властям, участие в восстаниях. Ныне в Туймазинском районе, расположенном на территории бывшей Иланской вол., имеются деревни Нижний и Верхний Сардык, население которых считает себя выходцами из Заказанья.

Далее он приводит ряд примеров, извлеченных им из архивных источников, относящихся к 1701 г.: «Безьясачный татарин Урмет Бекбулатов на допросе в Уфимской приказной избе заявил, что он жил в Казанском у. по Арской дор. в д. Бексачан «безьясачно», в Уфимском у. живет 5-й год». Другой татарин Кутлы Ишменев показал: «прежде сего жил он в Казанском уезде по Арской дороге в деревне Ашитбаш в ясаке...» (там же). Аналогичные примеры отражены и в других письменных источниках. Например, ясачные татары Абдул Усманов с товарищами (дер. Ст. Юшады Казанской дор. Уфимского у.) платили в Уфимском у. ясак по кунице на год, а подушных платили с пяти душ в Казань (ЦГАДА, ф. 452, оп. 2, ед. хр. 85, л. 2, док. от 1797 г.).

Среди сходцев были и служилые татары, бежавшие от разорительной работы по заготовке и возке корабельного леса. В документе от 1725 г. сообщается, что «...многие Татары Мурзинские с 4-х деревень бежали в Башкирцы...» (ПСЗ, т. VII: 503).

В числе беглецов (17.920 дворов) из Казанского и Уржумского у. у. 896 дворов были «новокрещенами» (ЦГЛДА, ф. 248, оп. 3, кн. 115, л. 283–284 об.). Несомненно, что и среди «новокрещенов» было значительное число татар.

Приведенные цифры и примеры дают основание утверждать о численном превосходстве среди беглых именно татар, причем – татар Казанского уезда.

И после вышеприведенного указа 1649 г. законный доступ на земли башкир был возможен, в основном, только тем, кто имел с ними общую культуру, язык, религию, т. е. «мусульманам», как писал Н. Н. Фирсов (186: 153), а также народностям, которые в течение веков тесно соприкасались с татарами, т. е. марийцам, чувашам, удмуртам. Все эти факторы предопределили не только характер (об этом будет сказано ниже) освоения земель Башкирии, но и национальный состав переселенцев на эту территорию. По мнению Н. Н. Фирсова, Башкирия сохраняет «инородческий характер» до конца XVII в. (186: 247). Колонизация этого края русскими была затруднена и происходила лишь постепенно и осторожно, заметно усилилась только после указа 1736 г., когда была разрешена про-

даже башкирских земель разным чинам (200: 1–55; 62: 3; 170: 35; 104, I: 302, где записка казанского губернатора А. П. Вольнского от 1730 г.: «и понеже за 30 лет прошедших не бывало нигде ясашных русских сел...»). Развитие и постепенное изменение землепользования в Башкирии, в свою очередь, обуславливает и такую экономическую предпосылку, как необходимость разрешения проблемы рабочей силы¹ и средств производства². В письменных источниках неоднократно встречаются сообщения о принятии башкирами беглых к себе и использовании их труда. Напр., в 1720 г. башкиры сами заявили: «...беглые с тех пустых ясаков живут у них – башкирцов и не токмо одни иноверцы, но и русские многие и их всякую работу работают и пашни им пашут» (ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 115, л. 978 об.). В сообщении Н. Кудрявцева от 1719 г. в Сенат любопытны следующие строки: «...башкирцы служилых татар и ясашных иноверцев, перебивая к себе, держат у себя...» (ЦГАДА ф. 248, оп. 3, кн. 101, л. 39). В 1730 г. А. П. Вольнский жалуется: «башкиры понеже беглых принимают, несмотря ни на какие указы» (66: 387–388; 148: 89 и др.).

Ряд источников дает основание полагать, что, видимо, вотчинникам не совсем выгодно было выдавать беглых, т. е. существовала обоюдная заинтересованность между вотчинником и пришлым. Так, в письме Н. Кудрявцева от 1706 г. А. Д. Меньшикову читаем: «к Уфимским башкирцам ездил я от Казани... ко мне приехали в саадаках... три человека: Уразай Ногаев, Кемей Шишмаметов да мещеряк Имай... им говорим, чтоб беглых к себе татар, чуваш, черемису и прочих иноверцев не принимали, а которые есть, тех бы отдали. И они того и слышать не хотели и сказали, что они беглых никого не знают. А из верхних городов иноверцы и уездные люди бегут в Уфинский уезд, а башкирцы принимают и заказу нашего не слушают,...» (66: 387–388). П. И. Рычков одной из основных причин возникновения Алдар-Кусюмовского восстания (1704–1708 гг.)

¹ М. Кармин, например, одной из причин оседания беглых на башкирских землях считает нехватку рабочей силы для обработки земли (79: 12).

² Напр., в припускных записях часто оговаривается о постройке припущенниками мельницы и т. д. (104, III: 117–118, 119 и др.).

считает требование (с «неумеренною строгостию») Казанского комиссара А. С. Сергеева с башкир «выдачи «беглых людей» (148: 89).

Отказ башкир выдать беглых зафиксирован и в делах, связанных с миссией И. Г. Головкина.

После подавления восстания (1704–1708 гг.) башкиры принесли повинную, обещав при этом выдать беглых. правда лишь тех, которые жили у них с 7186 (т. е. 1678) г. (ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 115, л. 308), хотя в дальнейшем под разными предлогами уклонялись выполнять даже это свое обещание и окончательно согласились выдать беглых лишь с 1706 г. Из сообщения И. Г. Головкина в Сенат от 31 декабря 1720 г. видно, что «многие башкирцы в отдаче беглецов стали быть упорны» (ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 115, л. 373). Донесения поручиков, отправленных на места для поимки беглых, изобилуют фактами об отказе башкир выдать беглых. Напр., «беглецы живут в работниках» в д. Ай Киргизской вол. Казанской дор., но башкир Емай Исенбаев отказывается выдать их. В Киргизской вол. «у Юсупа живут беглецов в работниках многое число» (там же, л. 586). Казанской дор. Кыриланской вол. «башкирец Какырбаш с товарищи» хотели поручика избить, предупредили «ежели де станете впредь ездить, то де станут бить до смерти» (там же, л. 719). В Енейской, Дуванейской волостях «драгуны целый день у деревни стояли», «им подвод не дали», «беглецов отбили», «на другой день драгуны ушли ни с чем, пеши». В Мензелинском у. «чуть не убили» капрала (там же, л. 778–779).

Башкиры Ногайской, Осинской, Сибирской дорог также отказались выдать беглых (там же, л. 777–780 об.). Напр., Ногайской дор. Бешаул Табынской вол. башкирец Бексей Канин с товарищи «собрався многолюдством учинили противность и беглецов не отдали, а которых было и взяли и тех отняли и его Тимофея Юркина били дубьями смертным боем» (там же, л. 720).

С другой стороны, вотчинники не выдают беглых потому, что последние уже «срослись», имеют долги и т. п., т. е. находятся в экономической зависимости от землевладельцев. Так, в челобитной (1720 г.) представителей вотчинников всех четырех дорог общается об их решении выдавать беглецов только за последние

14 лет, так как «многие пришлецы до того году с ними башкирцы посвоились» (ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 115, л. 461 об.). Во время миссии И. Г. Головкина выясняется, что некоторые пришлые «жили за долговые деньги» и теперь не в состоянии рассчитаться с хозяевами (там же, л. 774 об.). Выборные служилые татары Осинской и Сибирской дорог Уфимского у. просят, чтобы их «на прежние их жилища не высылать того ради, что у них земель нет, а иные ж старых своих жилищ и не знают понеже де испомещены на Уфе деды и прадеды их и таким безземельным куды идти и пристанища де нигде невозымеют...» (там же, л. 371).

Все это свидетельствует о многогранности сложных отношений, установившихся между пришлыми и вотчинниками. Эта сложность усугублялась еще и двойственностью политики царского правительства относительно сходцев Башкирии.

Сначала администрация старалась пресечь бегство податных крестьян из центральных областей в Уфу и Уфимский у. И в дальнейшем царское правительство постоянно боролось различными способами по пресечению переселения различных людей на восток (См. еще наказную память И. Г. Кондырева и другие документы; 66: 384–385 и др.).

Миссия И. Г. Головкина, как и в предыдущих случаях (напр., после Алдар-Кусюмовского восстания, когда князь П. И. Хованской разрешил пришельцам остаться у башкир, «где они жить похотят» – ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 101, л. 467), кончается, видимо, разрешением беглым, «которые обжились», остаться на своих местах, а прибывших недавно – выслать на старые жилища (ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 115, л. 992 об.). Однако беглые, видимо, не хотели и не могли согласиться с возвращением их на старые места обитания. Напр., из цитируемого дела видно, что многие «пришлые» беглые «чуваша и другие иноверцы з женами и з детьми», не желая возвращаться на свои старые местожительства, бежали на более окраинные волости Уфимского у., напр., в Ногайскую дорогу, «в дальние башкирские волости» или за Урал (там же, л. 984 об.).

Принятые правительством меры, какими бы строгими они ни были, не могли остановить бегство населения с Поволжья. Напр.,

в 1724 г. «...из Казанского дистрикта из разных сотен ясашных иноверцев... бежало в башкирцы 101 двор... кроме тех бежало еще других 80 дворов» (там же, л. 1140). В Арской дор. (док. от 1725 г.) «при сборе подушных явилось... беглых – 3892 души» и «...многие из татар хотели бежать в Башкирцы за скудостью и пустотою от платежа...» (ПСЗ, т. VII: 503). Не дали результатов и линии с заставами по рекам Каме, Игеню. Переводчик Уфимской провинциальной канцелярии К. Ураков в своем представлении пишет, что «После того (т. е. миссии И. Г. Головкина. – Д. Р.) спустя несколько лет... оные сходцы паки Оренбургской губернии в Уфимской и Исецкой уезды и множество уходили от подушного платежа и от корабельной работы...» (104, III: 560). И. К. Кириллов в своем «Представлении» в Сенат от 16 июня 1735 г. писал: «...сколько высылков ни было, но они по-прежнему возвращались в Уфу» (58: 85). С. М. Васильев также отметил, что политика выселения недавно поселившихся припущенников (имеются в виду события 1720 г.) не увенчалась успехом 40: 265). У. Х. Рахматуллин, который занимался исследованием вопросов заселения Башкирии в XVIII в., указывает, что, хотя и действовал запрет продажи земли, «вотчинники широко практиковали припуск посторонних людей, а также продавали свои земли». И далее: «В 20–40-х гг. XVIII в. местная администрация издавала... всевозможные инструкции башкирским старшинам, в которых «под страхом смертной казни» запрещалось «принимать» на поселение крестьян и «гулящих людей». Однако... процесс колонизации протекал с неослабной силой: вопреки инструкциям башкиры охотно поселяли на своих землях крестьян и сопротивлялись лишь насильственным захватам вотчинных угодий» (145: 81–82).

Наряду с этим, правительство, заинтересованное в укреплении своих позиций в Башкирии, поддерживало увеличение в крае податного населения. Именно с этой целью продолжалась запись сходцев в бобыльский ясак и перевод их в другие податные сословия (напр., в башкиры), велся учет этих бобылей (напр., в 1678 г.).

Во время расследования челобитных башкир о захвате пришлыми людьми их угодий «дело» обычно решалось в пользу

пришлых, ибо они издавна жили на (этих землях и платили в казну определенный ясак «по вся годы беспереводно». Таким путем только в пределах вотчины Мурзакая Юкачева оставлены были на своих местожительствах 24 деревни, а в пределах Уранской вол.– 21 деревня, которые были основаны еще в XVII в.

Такое отношение со стороны правительства подсказывало, в свою очередь, пришлым людям пути оседания на новых землях, т. е. они старались попасть в число ясачников (башкир, бобылей и др.).

Исследование проблемы бегства включает и следующий немаловажный вопрос. Дело в том, что к концу XVII – началу XVIII в. отчетливо выступают изменения формы и содержания общественных и земельных отношений между вотчинниками и царским правительством, с одной стороны, и вотчинниками и припущенниками, – с другой. Так, вполне возможно, что вотчинники прежде не в состоянии были держать под контролем все свои угодья и поэтому не всегда имели представление о занятости их. Само собой разумеется, это могло быть лишь до определенного периода. Строительство городов и других укрепленных крепостей, заселение их стрелецкими служилыми и другими категориями городского населения, возведение монастырей и другие государственные мероприятия сопровождалась изъятием правительством земельных угодий у вотчинников, что вызвало серьезное беспокойство у последних.

В конце XVII в. и взаимоотношения вотчинников и припущенников не могли оставаться в рамках взаимной договоренности и взаимного согласия, о чем свидетельствуют, в частности, многочисленные жалобы башкир на притеснение их со стороны пришлого населения. Пришлый элемент на территории Башкирии достиг такого соотношения с местным, что сходцы стали серьезно ущемлять права вотчинников «а их земельные угодья и доходные места. Прожившее здесь долгие годы пришлое население, записавшись в бобыльский или окладной ясак, оформив каким-либо путем за собой повытье или долгое время состояв членом какой-либо общины, стало выдавать себя за местных, за вотчинников и тем самым серьезно претендовало на угодья вотчинников. При возникновении

же спорных дел правительство вставало па сторону пришлых, если те состояли на каком-либо подушном окладе, т. е. платили ясак.

Все это вызывало у землевладельческого населения Башкирии стремление к защите личных земельных интересов путем более конкретного юридического оформления прав на владение имеющимися вотчинами, возникла заинтересованность в более точном оформлении границ башкирских племенных территорий. В связи с этим отдельные башкирские роды или подразделения старались приобрести владенные грамоты на определенные территории и участки. Так, например, известно, что часть башкирского племени гайна утвердилась в бассейне р. Тулвы (грамота от 1597 г., 104, I: 74). Племя Юрматы, жившее с XV в. (89–179) в бассейне р. Белой («верхнее урочище от устья Нугуш реки, а нижнее урочище Кугашева гора...» – ГАОО, ф. 6, оп. 3, ед. хр. 2579, л. 434) при царе Алексее Михайловиче получает владенную грамоту на эти земли¹.

Известно также, что 11 родов племени мин, разделившие свои земли между собой, в 1671 г. Получили от царя Алексея Михайловича раздельную грамоту (89: 51, 188), юридически подтверждающую данный факт.

Изменения в соотношении производительных сил, общественный прогресс, особенно усилившийся после присоединения Башкирии к Русскому государству, нашли своеобразное отражение в таких общественно-исторических документах, как шеджере. Возникает «необходимость в создании официальных редакций наиболее популярных шеджере» (89: 13). Записываются существующие в устной форме шеджере. В условиях, когда идет интенсивный процесс осложнения земельных отношений, шеджере приобретают особое социально-экономическое значение (89: 9 и далее). С одной стороны, шеджере становится официальным документом, под-

¹ «...пришли 4 человека от башкирцев, а именно Титкая и Аднай и Икзиктемир и Кармиш. И пришедшие себя объявили и рабством своим и приклонились, что нас 300 домов и просили оставшиеся от перешедших нагаевских башкир земли по обе стороне Белой реки, верхнее урочище от Устья Нугуш реки... чтобы за преклонение рабством своим всех их пожаловал нагайскими землями и чтобы платить ежегодно 100 куниц и Титкача бия пожаловал мурзою чином...» (ГАОО, ф. 6 оп. 3, ед. хр. 2579, л. 434).

тверждающим юридические права вотчинников. С другой – в крае сильно увеличился пришлый элемент, приведший к возникновению новых подразделений в составе того или иного рода¹, претендующих на владение земельными угодьями на вотчинном праве² (89: 10, 184, 185 188, 191, 193 и др.; 88: 6–68, 89, 139–140 и др.). В результате в старые списки шеджере заносятся некоторые изменения, добавления или же составляются новые. Из 25-и шеджере, опубликованных в работе «Башкирские шеджере» под редакцией Р. Г. Кузеева, больше половины написаны (или вновь составлены) в XVII–XIX вв.

Те же причины вызвали необходимость письменного оформления припуска сходцев. С конца XVII в. оформление припуска в письменной форме в государственных учреждениях принимает обязательный характер.

Вышеизложенное позволяет делать вывод о том, что уже во II половине XVII в. налицо оседание на территории Башкирии пришельцев (татар и других народностей Поволжья) различными способами. К концу XVII в. как припуск (об этом см. ниже), так и самовольное поселение представляли собой уже утвердившееся общественно-экономическое явление. С. М. Васильев совершенно

¹ Напр., наше внимание привлекли такие родовые подразделения в родо-племенном составе башкир XVIII в.: чувашбай, татар, черемис, ногай в составе бурзянского, мукша, ногай, чуваш – юрматынского, чуваш, черемис – кыпчакского, ар, чувашберде, казантатар, черемис, абсалям – табынского, казан – катаяского, черемис, арый – айского, ногай, кушылды, юлдаш, калмак – минского племен. В составе некоторых племен пришельцы составляли, видимо, более крупную единицу – самостоятельные роды. Например, род мишар – юрматы в составе племени юрматы, казанцы – племени таньш, муззалар – племени ай и некоторые другие (88: 48–57). О роде дуван племени ай Р. Г. Кузеев пишет: «Согласно преданию, распространенному среди башкир Дуван-Айлинского рода, несколько столетий тому назад предки дуванцев пришли «Казан ягыннан»... у дуванцев было много пленных, за счет которых, видимо, а также в результате покорения окружающего населения так быстро вырос и окреп Дуван-Айлинский род» (88: 68).

² Образование новых родов за счет пришлых получило широкое отражение и в башкирских сказках. См. напр.: «Существуют многочисленные легенды и предания о происхождении родовых подразделений чувашей, татар, казахов, каракалпаков, калмыков, черемисов, мукши, ногайцев, русских, таджиков, туркменов, узбеков, киргизов и других в родо-племенном составе башкирского народа» (115: 305–307).

справедливо считает, что в XVI – в I половине XVIII в. происходило массовое переселение поволжцев на земли Башкирии. При этом он выделил следующие 3 периода, когда бегство имело особенно массовый характер: 1550–1590 гг.; 1660–1675 гг. и 1700–1735 гг. (41: 29). По мнению С. Васильева, нерусские переселенцы Башкирии к середине XVIII в. составляли свыше половины всего населения Уфимской провинции (41: 28). Массовая колонизация Башкирии сходцами в указанный период отмечается и другими историками (149: 4 и т. д.). Заслуживают серьезного внимания и высказывания различных царских чиновников и административных деятелей XVIII в. об увеличении числа башкир к началу XVIII в. чуть ли не вдвое именно за счет пришлых (66: 399, 402; 104, III: 526; 58: 10 и др.).

Таким образом, бегство податного населения Среднего Поволжья на восток и юго-восток было порождено, как мы видели, как политико-экономическими причинами (все более усиливающийся феодальный гнет, увеличение податей, религиозные гонения, нехватка земли, вотчинное землевладение в Башкирии и др.), так и наличием свободных земель на юго-восточной окраине России.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВОЛЬНОЙ КОЛОНИЗАЦИИ БАШКИРИИ И УСТРОЙСТВА В НЕЙ БЕГЛЫХ ТАТАР

Начало колонизации Башкирии татарами в науке недостаточно изучено. О том, что переселение татар в башкирские земли имело давние традиции, мы уже говорили в предыдущем разделе.

К моменту присоединения к Русскому государству население рассматриваемой территории было далеко не однородным. В литературе имеется ряд высказываний о составе и характере существования различных народов в Башкирии данного периода.

В исторической науке известно, что башкиры «издавна припускали на свои земли» пришельцев со стороны. А. Алекторов писал, что башкиры, «до вступления в число подданных России...», тептярей и мещеряков «считали своими данниками...» (5: 44). Составители полного географического описания России также ука-

зывают, что переселение татар на башкирские земли началось еще до падения Казанского ханства (155: 231). Все, кто был недоволен насилиями сначала Золотой Орды, потом царского правительства, широким потоком шли на восток и юго-восток России – в оренбургские степи и Сибирь (150: 16). Башкирскими историками в 30-х гг. высказано мнение, что при присоединении башкир к Русскому государству «припущенники..., которых башкиры издавна принимали на свои земли, грамотой 1557 г. обязывались платить вотчинникам оброк...» (170: 32; 125: 74). «В Уфимском юрте (земле)¹ два народа: башкиры и бобыли», – сообщается в одной татарской летописи, переписанной Нурмухаметом сыном Ахмедзяна (66: 123–124). Крупный специалист по истории башкир Р. Г. Кузеев писал, что до присоединения Башкирии к Русскому государству население края состояло исключительно из башкир и татар (88: 121).

Обратимся к письменным источникам. В документах конца XVII и начала XVIII, также и XIX вв. неоднократно сообщается о существовании в Башкирии издавна различных категорий населения. В делах по расследованию земельных споров часто толкуется о проживании спорящих сторон на башкирской земле истари. Напр., в 1719 г. ответчики д. Игене и д. Дсуково Байлярской вол. Казанской дор. Уфимского у. показали, что они и другие «башкиры и татары² насильством не поселивались, а в тех де местах истари жили и вотчинами владели отцы и деды их...» (ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 115, л. 443 об.). Той же дор. Гирейской вол. Алмет Аднагулов и Мясюгут Тятимов с товарищами в челобитне от 1728 г. пишут: «В прошлых давных годах **по взятии Казанского царства Уфимского уезду башкирцы и другие иноверцы пришли под протекцию Российской со владением по дорогам и по волостям вотчин своих и всяких угодьев и с платежей ясака** (подчеркнуто нами. – Д. Р.), который значит в окладных ясашных книгах в Уфимской канцелярии имянно» (104, I: 130).

Приведенные выдержки, разумеется, требуют самого критического подхода, однако во всех из них имеется в виду неоднород-

¹ Имеется в виду период присоединения Башкирии.

² Примечательно, что в этом документе татары и башкиры не различаются.

ность населения Башкирии в I половине XVI в. и в сословном и в национальном отношениях.

Акт присоединения Башкирии к Русскому государству не затронул существующие земельные отношения на данной территории: за землевладельцами (среди которых, кроме башкир, и татары занимали, на наш взгляд, довольно значительное место) сохранилось право на вотчинное владение своими же угодьями. Таким образом, все землевладельцы объявляются вотчинниками (о тарханах см. выше). Несомненно, наряду с землевладельцами, в Башкирии существовали и другие, безземельные или экономически зависимые категории людей, находящиеся в различных взаимоотношениях с землевладельцами¹.

События середины XVI в. (падение Казани и присоединение Башкирии к Русскому государству) и начавшееся в связи с ним массовое переселение народов Среднего Поволжья в сторону Урала вызвали ряд изменений в общественно-экономических и, особенно, земельных отношениях Башкирии. Возникла проблема устройства пришлого населения на вотчинных землях. Самыми существенными способами их землеустройства было самовольное поселение.

Самовольное поселение. Примерно до середины XVIII в. вольная колонизация была, видимо, самым распространенным путем устройства пришлых. О масштабах этого явления ярко свиде-

¹ О распаде к этому времени родоплеменной организации башкир и земельных отношениях в Башкирии см.: 88. Здесь лишь вкратце заметим следующее. Уже в XVI в. род в Башкирии означал «не кровное родство, а совместное пользование общеродовой территорией» (с. 124); «у башкир господствовала частная собственность на скот, причем, как показывают этнографические источники, собственность, чрезвычайно неравномерно распределенная» (с. 126). Неравномерность скота обуславливала и неравномерность земельных угодий, необходимых для содержания этого скота. А в Западной Башкирии процесс разложения родо-племенной организации начался еще раньше и шел гораздо интенсивнее. XV–XVII вв. характеризуются здесь дроблением земельных угодий. Выделяются повытки, жребн, являющиеся частью общей территории деревни и находившиеся в распоряжении отдельной семьи (там же, с. 145). Таким образом, ко времени начала интенсивной миграции народов Поволжья, земли Западной Башкирии представляли собою владения, близкое к частным. Аналогичного мнения придерживается и У. Х. Рахматуллин (143: 43).

тельствует обилие жалоб, поданных вотчинниками в конце XVII и начале XVIII вв. в различные административные учреждения.

О том, что «на их ясашных землях живут поселясь насильством» русские и иноверцы, пишут в начале XVIII в. башкиры, тарханы и батыры Минской, Бурзянской, Кипчацкой, Тамьянской, Юрматынской, Тингаурской, Усергенской волостей Ногайской дор., Уранской, Каршинской, Ванейской, Кайлинской, Иланской волостей Казанской дор., а также Осинской и Сибирской дорог (58: 204–215).

Башкиры Ирехтинской волости пишут: «...старинную их землю на реке Ику, на которую, насильством поселясь, живут Юнусай, да Тойгилда, да пришлые из Казанского уезду Кутуй, да Кадыр Мет Хафиз с товарищи...». Несмотря на неоднократные требования, эти переселенцы продолжают оставаться на башкирских землях (58: 204).

Башкиры всех четырех дорог, а именно Ногайской дор. Кипчатской вол. тархан Токчура Алменев с товарищами пишут, что «на вотчинной де их земле живут пришлые Казанского и других уездов люди с записями и без записей татары и прочие иноверцы, и владеют вотчинною их и всякими угодьями насильством своим...» (58: 207). Аналогичные челобитные пишут башкир Ногайской дор. Алдар Тархан Исекеев, Юрматынской вол. тархан Сеит Ераткулов (58: 208). Казанской дор. Иланской вол. башкир Балта Алметев (1706 г.) также жалуется на «насильство татар» (104, III: 18). Башкир Иланской вол. Казанской дор. Аднагул Ишеев с товарищами жалуются «на пришлых татар» Кадыра и Клыча «с товарищи»: «перешед... поселясь дворами, жительства имеют на нашем вотчинном земле на реке Сарысакалу...» (58: 215–216). Башкир Ачанка Уразаев с товарищами жалуются (челобитная от 1701 г.) «на горного татарина Янтугайку Ямекеева в насильном владении вотчиной его» (ЦГАДА, ф. 1173, оп. 1, ед. хр. 1331). Возможно, самовольно заселившимися оказались и Алмет Аднагулов, Мясягут Тятимов «с товарищи» (104, I: 135), превратившиеся к началу XVIII в. уже в вотчинники Гирейской вол. Казанской дор. (104, I: 130). Ясачные татары Казанской дор. Янклыч Азиков с товарищами в 1715 г. писали: «в вотчине Уразаевой с товарищи, з детьми и с родственники

ходили мы Янкалыч с товарищи, з детьми и с родственники, без записи собою» (подчеркнуто нами. – *Д. Р.*; 104, III: 124).

Целую перечень челобитных вотчинников, жалующихся на самовольный захват их вотчинных земель, приводит В. Филоненко по царской грамоте, посланной в 1695 г. (!) Уфимскому воеводе Д. Н. Голловину: «Башкиры Ванейской, Кайлинской и Иланской волостей просят, чтобы русских людей и иноверцев, которые на их землях ясных живут, поселясь насильством, с тех земель выслать на прежние жилища, а теми землями владеть им башкирцам по-прежнему;

Башкиры Ирехтинской волости просят, чтобы старинную их землю на реке Ику, на которой насильством поселясь, живут пришлые из Казанского уезда, владеть по-прежнему, а тех пришлых выслать на прежние жилища;

Башкиры Уранской волости просят, чтобы старинную их землю в деревнях Зергевой и Гореновой, на которой живут насильством русские разночинцы, владеть им башкирам по-прежнему;

Башкиры Кущинской волости просят, чтобы с вотчинной их земли, которая на Сибирской дороге за Уралом горою по Сеням реке и по Карабулаку и по Ильчимскому озеру, и по Мияге озеру и другим рекам, пришлых иноверцев, которые живут насильством выслать, а ту землю по старому их владению и по урочищам описать и поставить грани...;

Башкиры Бурзенской, Юрматынской, Кипчацкой, Усергенской, Тамьянской и Тингаурской волостей просят, чтобы старинную их землю с соляными местами и прочими угодьями по обе стороны рек Ику и Сакмары, которою завладели атаман Арапов с казаками, владеть им...;

Башкиры Уфимского уезда 4-х дорог жалуются, что на вотчинной де их земле живут пришлые Казанского и других уездов люди с записью и без записей – татары и прочие иноверцы, и владеют вотчиною их и всякими угодьями насильством своим» (184: 43–44). Число примеров намного можно увеличить.

Аналогичные документы, где зафиксировано самовольное поселение, правда более позднего времени, обнаружены нами в архивах г. Уфы, Оренбурга, Москвы. Приведем некоторые из них.

В делах, связанных с миссией графа И. Г. Головкина имеются жалобы башкир всех 4-х дорог на самовольный захват их земель пришлыми из разных городов людьми (ЦГАДА, ф. 148, оп. 3, кн. 115, л. 308).

Старшина Саралиминской вол. Казанской дор. Уфимского у. Ишали Тлевметов «с товарищи» в доношении объявил, что с 1740 по 1757 г. на земле данной волости «переехав и поселясь» «безвсякого им дозволения самовольством, а другие по словесному припуску» живут «иноверцы и новокрещены из Казанского уезда в 10-и деревнях: Ляках, Чиршилах, Тавлук, Наратасты, Кульметевой, Такирмене, Муртыш Тамак, Старотлянчино Якшибаевой, Бекметевой» (ЦГАДА, ф. 452, оп 1 ед. хр. 7, л. 1).

Старшина Алибай Мурзагулов в своем рапорте сообщает о татарах и мещеряках, самовольно поселившихся и живущих в д. Абраевой, Мешер и Мусиной (по р. Клязму) и д. Карамалиной Ногайской дор., д. Булушлы Чубиминской вол., д. Ишелино Сарайлинской вол. (ЦГАДА, ф. 452, оп. 2, ед. хр. 115, л. 170–171).

Среди якобы самовольно поселившихся оказывались и те сходцы, которые владели землями без крепостей или договорных припускных записей, но предки которых, видимо, селились или самовольно, или по словесному припуску. Напр., в деле от 1814 г. сообщается, что в д. Кабан-Бастрык, Мунча (Нижний Кабан тож) живут «старокрещены и ясашные татары всего 181 душа, которые с давних лет жительствоуют в означенных деревнях, на владение землями прав не имеют» (дело незаконченное ГАОО, ф. 6, оп. 3, ед. хр. 4387, л. 1).

Предки ясачных татар нас. п. Топасевой и Исангуловой, «заселение возымели» также без каких-либо юридических оснований. В ходе расследования спора (1809 г.) с помещиком Петровым они сослались на то, что «положенной сказкой оброк платили без доимочно» и представили в Сенат платежные росписи. Дело кончается тем, что эти ясачные татары оставлены на своих местожительствах (ГАОО, ф. 6, оп. 3, ед. хр. 2601, л. 1).

Часть самовольно поселившихся продолжала платить ясак в прежних местах проживания. Напр., из 50-и деревень, появившихся

во II половине XVII в. на землях Уранской вол. только 18 были записаны в ясачные книги Уфы. Жители же остальных деревень или платили ясак в Казани или жили совсем безьясачно (40: 136, 138).

В своем исследовании С. М. Васильев заключает: «Большинство пришлого населения в XVII в. селилось на башкирских землях «не спросись», «без указа и без приема» (40: 139).

Часть самовольно поселившихся со временем становились бобылями.

Бобыли. В русской литературе бобылями принято считать категорию обедневших крестьян, которая, ввиду «бедности и худобы», не в состоянии нести «тягло». Обычно они не имели своего дома, хозяйства, жили «за хребтом», «соседями» или «подсоседниками», т. е. у чужих (132: 184–185). Этот же термин был употреблен, видимо, царскими чиновниками и относительно определенного разряда крестьян Башкирии. Однако бобыли Башкирии имели и некоторые отличия. Прежде всего, они представляли собой такую категорию людей, которые не входили в какой-либо башкирский род (абсолютное большинство из них были пришлые), имели свое хозяйство и двор, платили в казну определенный бобыльский ясак. Кроме того, обедневшие или отделившиеся по каким-либо причинам от своего рода башкиры по своему хозяйственному положению также оказывались в числе бобылей. Напр., С. М. Васильевым приведен случай проживания среди бобылей д. Шайчурино и башкира Смаила Каимова (40: 143).

Изучение социальной сущности бобылей Башкирии весьма затруднительно, т. к. XVI и первые три четверти XVII в. крайне скудно освещаются в русских письменных источниках. Некоторый свет проливают документы следующего периода.

Как свидетельствуют архивные источники, формирование категории бобылей шло за счет пришлого населения, самовольно устроившегося в XVI–XVII вв. на землях Башкирии.

С. М. Васильев, изучив архивные источники, характеризует этот процесс следующим образом (40: 129–138).

Большинство сходцев селилось на землях Башкирии «не спросись», «без указа и бес приема», т. е. самочинно, явочным поряд-

ком. После того как обзаводились своим хозяйством, они записывались в ясак. Во время расследования челобитни вотчинников-татар дер. Мушуги, напр., выяснилось, что чуваш д. Семяковы Баймурза Байчурин сначала платил ясак в Казани, а «лет 30 тому назад поселился в Уфинском уезде» к татарину Апасю Ахметову. «А как он построился двором и в то число ясашный зборщик... записал в ясак в две куницы». Житель д. Чапкиново Алкачка Яхин показал, что «в деревне де его всех бобылей 9 человек и построился де он, Алкачка с товарищами своими тою деревнею тому лет з 20-и и больши в вотчине челобитчика Мурзакайка Юкачева, не спросясь его и доньне тою деревнею живут, с той своей вотчины никаких податей и оброку преж сего (Юкачев. – *Д. Р.*) не спрашивал, а живучи они в той деревне в казну великого государя платят бобылевый ясак и всякие подати по вся годы без доимки». Самовольно поселившихся в XVII в. деревень в пределах вотчины Мурзакая Юкачева с товарищами насчитывалось 24; 14 из них поселились 70 и больше лет тому назад (40: 133–135). В них зафиксированы 276 семей, 165 из которых живут многие годы или издавна, более 30 лет (там же).

Таким образом, сходцы, сначала поселившись самовольно или арендовав участок¹, постепенно обзаводились землею (вотчиной – как сказано в деле) и хозяйством, после чего, записавшись в ясак, становились ясачными бобылями. Факт уплаты ясака сыграет в дальнейшем весьма важную роль при решении их судеб. Русскому государству, уже предпринявшему ряд мер по укреплению своих позиций в крае, было выгоднее, о чем совершенно справедливо пишет и С. М. Васильев, увеличение ясачного населения Башкирии. Об этом свидетельствует и исход спорных дел, возбуждавшихся вотчинниками Уранской, Гирейской и др. волостей в пользу бобылей: они навечно оставлены на занимаемых ими землях.

Запись в бобыльский ясак существовала, видимо, давно, возможно со времени присоединения Башкирии к Русскому государству или с конца XVI г. Напр., ясачные бобыли д. Баржы

¹ Некоторые из этих бобылей платили незначительный оброк вотчинникам (40: 129–138).

Уфимского у. еще в 1649 г. указывали, что платят они «бобылевый ясак на год полполтины с человека» (ЦГА БАССР, ф. 168, оп. 1, ед. хр. 67, л. 1). Ясачные бобыли Ногайской и Сибирской дорог в челобитной от 1700 г. пишут, что они «изстари платят на Уфе бобыльский ясак» (128: 81). Поскольку правительство относилось к пришельцам на земли Башкирии, главным образом, исходя из интересов государственной казны и всячески одобряло увеличение податного бобыльского сословия края, оно стремилось навести определенный порядок и в учете их. Уже в XVII в. известны попытки учета правительством бобылей. Напр., при П. Т. Кондыреве в 1678 г. были переучтены известные, положены в куничный и денежный ясак известные и вновь выявленные бобыли в количестве 2571 человек (надо полагать двор)¹. Однако вряд ли можно считать количество бобылей XVII в. в Башкирии установленным. Русская администрация Башкирского края не была еще в состоянии учесть все передвижения переселенцев в крае.

Между тем, уже во второй половине XVII в., с одной стороны, продолжается прилив и постепенное оседание сходцев, с другой – начинается дальнейшее упрочение положения ясачных бобылей, обусловленное самой сущностью категорий башкир и бобылей, как сословных. Ясачный бобыль после того, как он окончательно утвердился на новой земле и достаточно окрепло его хозяйство, мог переходить в башкиры. Так, на земле тархана Уфимского у. Ногайской дор. Табынской вол. Янбахтки Янбахтина жил в бобылях Зяникак Елымов, «а ясаку де платит с себя по 2 куницы из стари». В 1673 г. тархан Янбахтка подал челобитную, что «мочно де ему (т. е. Зяникаку. – *Д.Р.*) паша великого государя службу служить с башкирцы и нам великому государю пожаловати бы его Янбахтка велеть тому Зяникаку служить башкирскую службу...» (ЦГАДА, ф. 1173, оп. 1, ед. хр. 639, л. 2). Грамотой царя, данной

¹ Приведем отрывок: «по переписи сыскалось» – 649, «от башкирского разорения съехали в иные места, отделилися и живут себе дворами» – 623, «в ясачных книгах написано» – 217, «платили по 2 кунице с человека» – 972, «платили по кунице» – 58, чуваша «в окладном ясаке башкирцам за вотчинные их земли помогают, а против своей братья денежного и куничного ясаку не платили 52» (128: 79–80).

в 1673 г. П. Т. Кондыреву, просьба тархана Янбахтки была удовлетворена (там же). Другой грамотой того же 1673 г. и аналогичным же способом перешли в башкиры бобыли той же Табынской вол. Уразайка да Акпердайка Матросовы дети (ЦГАДА, ф. 1173, оп. 1, ед. хр. 639, л. 1). У ясачных татар Кипчацкой вол. (ЦГАДА, ф. 1173, оп. 1, ед. хр. 933, л. 7) д. Бурлы Досмаметки Качакова, Ишимко Досмаметова, Ишметко и Йортбагышко Илтудиных еще отцы и деды «были Кипчатской волости»; «за их скудостью и за бедностью» они были написаны в бобыльский ясак. Грамотой царя было велено написать челобитчиков на тот ясак, который «платеж больше». Челобитчики обязуются «платить окладной ясак вместе с Кипчатской волостью» (там же, л. 37). Татарин Уфимского у. Казанской дор. д. Тураевы Кулметко Еналеев в 1677 г. сдал свой бобыльский ясак уфимским гулящим людям и, т. к. он «человек вотчинной», записался в окладной ясак (66: 204). Таким образом, официально он также становится вотчинником.

Как свидетельствуют письменные источники, способы перехода бобылей в «башкиры» были различные. Так, бобыли Ногайской и Сибирской дорог в конце XVII в. переписываются в ясак «обще» с башкирами Ногайской дор. Минской вол. А их дети в челобитной от 1728 г. уже претендуют на равные права с этими башкирами (104, I: 128).

Некоторые пришлые, селившиеся на башкирских землях «происком своим», через определенное время подают челобитные «дабы позволил его императорское величество в Уфинском уезде написать в ясак». Напр., унтер-офицеры и сотники, посланные И. Г. Головкиным в башкирские волости для «сыску беглецов», сообщают, что некоторые из беглецов «происком своим, назвав их башкирские земли своими землями, и взяв у губернаторов указ, живут поселясь деревнями...» И. Г. Головкин выразил опасение, что «...многие беглецы, согласясь с их братьею башкирцами, станут называть башкирские земли своими землями, чтоб им остатца в Уфинском уезде...» (104, I: 290–291).

По сообщению башкир Байлярской вол. Уфимского у., поселившиеся на их землях «сходцы из Казанского и других уездов» (всего

131 двор) во время спорного дела предъявили «указ и владенные выписи от губернатора г-на Салтыкова» на те земли, на которых они поселились «вновь деревнями и живут» (ЦГАДА, ф. 248 оп. 3, кн. 115, л. 458).

Вотчинники же Гирейской вол. Алмет Аднагулов и Мясюгут Тятимов, как сообщают вотчинники башкиры Билярской вол., видимо, также были пришлыми татарами, земельные угодья заняли насильственно (самовольно) и ложными путями получили от воеводы Уфимской провинции А. Лихачева владеную выпись (104, I: 134–135).

Известно также, что сходцы, пришедшие на башкирские земли в годы восстания 1704 г., «в 1705 году на Уфе коменданту Дм. Бахметеву подавали челобитную, чтоб их в Уфимском уезде обложить яшашным оброком» (ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 101, л. 470).

Итак мы проследили, как устраивалась на землях Башкирии часть самовольно поселившихся сходцев и какие возможности таили в себе местные социально-экономические условия для передвижения их по сословной лестнице.

Однако подавляющее большинство самовольно поселившихся оставалось, видимо, вне поля зрения административных учреждений, о чем свидетельствует обилие жалоб и челобитных землевладельцев Башкирии в конце XVII и начале XVIII в. на самовольный захват их вотчин пришлыми людьми.

Припуск. Большинство сходцев устраивалось на новых землях на основании различных припускных договоров. Р. Г. Кузеев пишет: «Очень старым институтом, помогающим понять земельные отношения в Башкирии, является институт припуска». Далее автором анализируются предпосылки возникновения некоторых особенностей существования такого института, распространенного лишь в Западной Башкирии (88: 139–160). Мы же ограничимся рассмотрением только некоторых моментов, связанных с социальными и земельными отношениями между пришлыми – припущенниками и вотчинниками.

Дошедшие до нас источники свидетельствуют о существовании в Башкирии припуска двух видов: устной и письменной.

Припуск пришельца на основании устного договора является самой древней формой. О существовании такой формы имеются сведения и в документах более позднего времени (ГАОО, ф. 6, оп. 3, ед. хр. 3254, л. 471; ЦГАДА, ф. 42, оп. 2, ед. хр. 27, л. 1 и др.). Часть бобылей, владевших своими землями без всяких крепостей, видимо, также были припущены когда-то по устной договоренности. Напр., бобыль д. Шайчурино Уразла Шабаев во время расследования тяжёбного дела, затеянного Мурзакаем Юкачевым, показал, что его деревня «истари» находится в вотчине Мурзакая, там «истари» жили его отец, дед и другие родственники, а также и башкир Смаил Каимов, а крепостей на эти земли у них нет (40: 142). Горный татарин Янтука Емекеев жил в вотчине башкира д. Ст. Каргино Сибирской дор. Асанки Уразаева также без крепостей. В 1702 г. Асанка подал челобитную с жалобой на Янтуку, будто тот занял его вотчину «насильством». А ответчик же сообщает, что эту землю отдал его отцу, Емекееву, башкир Минской вол. Уразака Сулашев еще «до прежние башкирские штатости»¹ РО (т. е. 1662 г.) году и «владели тою землею и сенные покосы по его Уразаковой отца крепостей», т. к. «в прежних де годах их братья башкирцы их брату с бобылями и пашенные земли и сенные покосы отдавали без крепостей» (ЦГАДА, ф. 1173, оп. 1, ед. хр. 1331, л. 1–3). Положение владевших землями без юридических оснований, т. е. без крепостей, было шатким. Как показывает вышеприведенный документ, уже ближайшие их потомки объявлялись самовольно поселившимися.

Письменная форма припуска, надо полагать, существовала также издавна. К XVII в. она имела свою давнюю традицию и оформлялась в определенной традиционной форме на татарском языке. Эта форма припуска в русских письменных источниках зафиксирована с конца XVII в., а с начала XVIII в. припускные записи оформлялись довольно систематически, чаще всего с переводом на русский язык и в каком-либо государственном учреждении. Несомненно, письменная форма припуска является продолжением и развитием традиций устного припуска.

¹ Имеется в виду башкирское восстание в 1662–1664 г.

Кратко рассмотрим некоторые виды письменного припуска по «записям», собранным в «Материалах по истории Башкирской АССР» – в дальнейшем – «Материалы...» (т. III, М.-Л., 1949).

Припускные записи оформлялись индивидуально, вследствие чего права и обязанности как вотчинников, так и припущенников устанавливались самые различные.

Оставляя в стороне все другие вопросы, рассмотрим прежде всего, какие земельные отношения сложились между вотчинниками и припущенниками, как происходило оседание и землеустройство сходцев на землях Башкирии путем припуска.

Наиболее интересной является такая форма припуска, по условиям которой припущенники навечно припускаются на отдельное повытье или жребий с полным правом пользования всеми угодьями и с условием платить в казну положенный на это повытье ясак. Таким образом, повытье становится собственностью, вотчиной припускаемого.

Казанской дор. Бюлярской вол. башкир Ишкей Карманов, ввиду того, что он «остарел», «бездетен и службы служить, и той своей вотчиною, своим повытьем владеть, и ходить за зверьми и за птицами и за рыбой, и хмелью щипать, и бортей делать» не может, в 1701 г. припускает ясачного татарина д. Тюрячеевы Салтаная Исакова с условием: «...повытьем, всякими угодья владеть и служба служить и ходить в той вотчине вместо...» Ишкея с его товарищами «Однагулом и с Семенею и с Ыгием и с Бордышем...» «...вопче, где они станут ходить, и вновь борти делать, и зверя всякова побивать, и птицу и рыбу ловить, и хмель щипать ...И ясак в казну великого государя с той вотчины вместо» Ишкея «платить и службы служить... А который угодья впредь те родственники мои моево аймаку учнут в тое вотчине отдавать и в оброк и в оброчные деньги иметь и ему, Салтаная, с теми родственниками моими своим аймаком те оброчные деньги делить по жеребьям /и/ иметь к себе. А мне, Ишкею, впредь до той моей вотчины до моево повытья дела нет и не вступатца, и у него, Салтаная, не отымать, и с той вотчины его не высылать некоторыми делы, и насильства никакова ему в том не чинить» (с. 10–11).

В 1718 г. башкиром Казанской дор. Дуванейской вол. Максимом Ютекеевым оформлена запись о припуске навечно «...в повыток умершаго родственника своего башкирца Ивана...» служилых татар д. Кемеевы Осинской дор. Яналея муллу, Сунчелея и Асана мурз Бекбаевых детей Киреевых «з братьями, и детем» (с. 178).

Башкир Ногайской дор. Юрматынской вол. Кусяк Кузяков завещал свое повытье и движимое, недвижимое имущество служилому татарину той же вол. д. Коскильдины Мухамеду Клевлину с условием содержания Кусяка с женой до их смерти: «И ясак, которой подлежит с меня взять в оклад в повытье мое и тот оклад за него, Кусяка, повытье ево платить ему ж, Мухаметю... А по сей записи жить ему, Мухаметю, з женами и з детьми против сей записи на показанной земли впредь бесспорно» (с. 315).

В повытье после умершего брата припустили навечно и башкиры Кыр-Иланской вол. Казанской дор. Дюмей Дюсумбетев, Харашай Азаматов «з детьми своими» ясачного тептяря Тлевкея Инысова (д. Емады-Тамак) с условием: «... всяким употреблением употреблятца, чем и мы употребляемся», платить ему указанного «брата ясак и всякие подати» (с. 290).

Аналогичные факты зафиксированы и в ясачных книгах конца XVII в. Безьясачный татарин Уфимского у. Казанской дор. д. Полского Кыргызу Шанбулатка Шаймурзин по указу великих государей и по выписке за пометою ближнего окольничего и воеводы В. Ф. Стрешнева в 1693 г. написан в окладной ясак вместо умершего башкира Елдяцкой вол. Еманака Кынтуева. В грамоте сборщика ясака наказывается «Шайбулатко в бобыльской ясак не писать и бобыльской ясак не спрашивать...» (ЦГАДА, ф. 1173, оп. 1, ед. хр. 1152).

В ясак умершего башкира записаны в 1701 г. и ясачные татары д. Кутуевы Казанской дор. Уфимского у. (ЦГАДА, ф. 1173, оп. 1, ед. хр. 1329, л. 3–4). Отцы ясачных татар Бекметко Янбулатова, Бекбулатко Чюрашева, Янгильдино Таушева пришли в Киргинскую вол. Казанской дор. Уфимского у. «на пустые выморочные башкирские вотчины жить» и с тех вотчин платили ясак. Грамотой царя от 1680 г. они оставлены на тех же землях (там же, ед. хр. 768, л. 1).

Из некоторых записей, помещенных в «Материалах...», видно что вотчинники уступали припущенникам часть своей общей вотчины. Припуск оформлялся также навечно, и припущенники обязывались платить в казну положенный на эту долю вотчины ясак. В этих случаях также налицо лишение вотчинников определенной части своей вотчины. Напр., башкиры Казанской дор. Дуванейской вол. Кинзегул Баишев с товарищами навечно припускают в свою вотчину на р.р. Кизгенды и Арясе татар (мишарей) той же дор. Крымская Алмакаева и Усеня на таких условиях «поселитца деревнею и пашня пахать, и сено косить, и в лесу борти делать... построить мельницу где они похотят. Оброку с той вотчины платить... в казну великого государя за нас, Кинзегула и Иваная, по 14-ти куниц по шти (т. е. шести – *Д. Р.*) бысырей меду на год...» Далее говорится: «А нам Кинзегулу и ... с товарищи, впредь до той вотчины дела нет... А буде они, Крымский Исеень, кого в тое вотчину станут припускать к себе в товарищи селитца дворами из оброку, и до **того оброку** нам, ..., **дела нет**» (подчеркнуто нами. – *Д. Р.*; 104, III: 117–118).

Таким образом, по условиям припуска рассмотренной нами формы, припущенники навечно приобретают земельные угодья (повыток, жребий, или часть вотчины), становясь, как и вотчинники, полноправными хозяевами этих угодий.

Интересна также и другая, более распространенная, чем первая форма припуска. По ее условиям припущенники навечно получали право «употреблятца» в общем владении угодьями наравне с вотчинниками («с вотчинниками в равенстве»); припущенники несли все повинности и участвовали в уплате ясака также «в равенстве», т. е. сообща с вотчинниками. Припускаемым разрешалось селиться в вотчине «где похотят», «отдельно собою» или вместе с вотчинниками. Нередко такой припуск назывался припуском на правах общего владения. Абсолютное большинство таких сделок совершалось так же навечно. Например, башкир Казанской дор. Калнинской вол. Араслан Бирючаков припустил в 1723 г. мещеряка д. Калтаевы той же дор. Юсупа Иштерякова «в свое повытье», которым владеет он со своими свойственниками, с башкирами

Калнинской вол., «без разделу». Юсупу разрешается жить в той вотчине «з женами и детьми и со внучеты», «где похочет, построясь собою или в деревнях с вышеписанного числа впередь вечно, пашня пахать и сено косить... И по записании сей записи впредь до 5-ти лет жить ему, Юсупу, для всякого домового исправления без всякого платежа и без помощи в нашей Калнинской волости». Далее, «по минутьи 5-ти лет», припущенник обязывается службу служить, положенный на их аймак «ясак платить, и подводы гонять и во всем доброго намерения дела управлять в равенстве» и т.д. с башкирами Калнинской вол. ... «с припускных взятых оброки делить по повытком все вообще без всякого прекословия не претя друг другу...» (с. 199).

Такие же условия определены и в записи башкир Казанской дор. Калнинской вол. д. Кыркалны Урмекея Кунгильдина, данной ясачному татарину той же д. Якупу Немачеву с товарищами о припуске их в свое повытье общей вотчины: «... в той же моей вотчине, где пригоже, построить им мельницу... в лесу владеть им дельными деревьями и вновь делать, мед выдирать и дупленицы лазить и всякого зверя побивать и в водах рыбу и птицу ловить, и хмель сципать, и в тех вышеописанных межах и урочищах, где они похотят, селитца юртами. А в тое вотчину хто пойдет жить из оброку, и с тех людей имать оброк и делить опше но жеребьям. А с тое вотчины в казну великого государя ясак платить им, Якупу с товарищи, со мною, с Урмекеем, опше ж по жеребьям» (с. 62).

На аналогичных условиях припущены ясачные татары, служилые мишари в Кыр-Иланскую, Иланскую, Дуванейскую, Елдяцкую, Канлинскую, Бюлярскую, Енейскую, Кыр-Калнинскую и др. волости – Казанской и в Табынскую и др. волости Ногайской дорог (с. 78, 136–137, 142, 144, 150, 156, 165, 276, 283, 309, 60, 317).

Как свидетельствуют архивные материалы, рассмотренная форма сделки была более выгодной для припущенников. Они имеют все права владения угодьями вплоть до припуска самими припущенниками других пришельцев.

Наиболее распространенной формой припуска являлся припуск с условием уплаты оброка. Большинство таких записей также

оформлялось навечно и на правах общего владения, – с разрешением поселиться где хотят и как хотят, с определенным количеством дворов или чаще всего «с товарищами», «с родственниками». Припускаемые обяжутся внести вотчиннику определенную плату натурально (куницей, медом) или денежно «в помощь ясаку», т. е. как часто называется, обяжутся платить «подможный ясак».

Так, башкир Казанской дор. Дуванейской вол. Аит Мрякеев припустил в 1718 г. в общую вотчину татар той же дор. д. Кусербаевы Янаберде Танатарова с товарищами с условием «где похотят, поселитца усадьбою 4-ми дворами, и пашня пахать, и сено косить, и борти делать и всякою зверя и птицу и рыбу ловить, и хмель щипать и жить вечно. А с тое вотчины... у ... Янаберды с товарищи, имать в помощь великому государю в ясак по рублю по 8-ми гривен на всякой год беспереводно... И мне, Аиту, и родственником моим в той вотчине им, Янаберде, обиды и раззорения не чинить, и от той вотчины не отказывать, и не ссылать, и от своей братьи, иноверцов и от сторонних людей во всем очищать, и убытков никаких не чинить. А буде я, Аит, против сей записи... в чем не устою и им, Янаберде с товарищи, и детям их взяти на мне, Аите, по сей записи за неустойку 50 руб денег» (с. 174–175).

Подобным же образом были приняты в общину ясачные «татары» или служилые мишари – «мещеряки» в Кыр-Калнинскую, Иланскую, Кыр-Иланскую, Дуванейскую, Ельдяцкую, Шамшадинскую, Калнинскую, Гирейскую, Старо-Иланскую, Кайлинскую, Киргизскую, Кыр-Кайлинскую волости Казанской и в Минскую волость Ногайской дорог (с. 37, 144, 258, 57, 130, 364, 83, 128, 212, 375, 87, 104, 113, 118, 160, 172, 174, 178, 187, 189, 280, 281, 93, 94, 96, 237, 103, 109, 135, 235, 299, 301, 327, 202).

Необходимо особо отметить свидетельства записей о том, что припущенники являлись жителями различных деревень той же дороги или волости, или даже той же деревни: деды, и отцы их уже были припущены в башкирские вотчины. Часто в записях подчеркивается, что «переговоря полюбовно, припустили жить по-прежнему, как жили деды и отцы их...». Абсолютное большинство припущенных по записям в «Материалах» (544 документа, охва-

тывающий период с 1701 по 1750 г.) являются жителями окрестных или соседних деревень. Этот факт еще раз свидетельствует об оседании пришлых татар на башкирских землях уже до начала XVIII в.

Некоторые припущенники пользовались и тамгами вотчинников (с. 104), а также некоторыми льготами, предоставлявшимися им со стороны вотчинников (см. вышеприведенный документ № 269, с. 199).

Итак, мы рассмотрели три вида припуска, условиями которых предусматривается владение отдельным повытьем самостоятельно, как вотчинник (I форма), владение земельными угодьями общей вотчины на равных правах («вопче», «в равенстве») с вотчинниками (II форма) и пользование отдельной частью вотчины за оброк (III форма). Все эти три вида сделки совершались, в основном, навечно и различаются между собой лишь особенностями платежа за пользование угодьями.

Эти три вида припуска выделил еще К. Ураков в своем «Представлении императрице Елизавете Петровне об истории Башкирского народа» (1746 г.), «...(вотчинники. – Д. Р.) отделили им (т. е. припущенникам. – Д. Р.) из своих окладов некоторое число ясаку, и иные числили в помощь себе тот же оклад, а другие завели с ними свойство» (104, III: 556). Составители IV т. «Материалов...» совершенно справедливо отметили, что «Припуск производился на различных условиях и имел фактически разное содержание, начиная 1) от покупки земли, 2) владения ею наравне с вотчинниками-башкирами и 3) кончая арендным владением» (нумерация наша. – Д. Р.; 104, IV, ч. 1: 393, примечание к док. № 30). Аренда, как указывал Р. Г. Кузеев, «очень часто превращалась в бессрочную то есть фактически была равноценна продаже» (89: 185). Мы также придерживаемся такого мнения: сделка, совершаемая между вотчинником и припущенником под видом припуска, нередко являлась актом купли-продажи.

Вышеизложенные факты позволяют прийти к выводу о том, что припуск является одним из средств, путей проникновения сходцев в среду вотчинников. С. М. Васильев прав, говоря, что «припуск

выступает как форма пользования башкирскими землями со стороны пришлого населения, как форма проникновения «чужеродцев» в башкирскую общину» (40: 130).

Изучение припуска, как и других видов (самовольное поселение и т. д.) устройства пришлого населения на землях Башкирии, не представляется возможным без учета определенной роли уплаты ясака. Ясак выступал не только как фактор, стимулирующий устройство пришлых на новых землях различными путями, но и способствовал укреплению их позиций и в дальнейшем. Уплата (также и участие в уплате) ясака за землю имела немаловажное значение в землевладении в Башкирии XVII и особенно XVIII вв. С. М. Васильев подчеркивает, что одним из важных аргументов при земельных спорах выступала уплата ясака и с этим всегда считались местные правительственные учреждения (40: 143). По его мнению, единственным документом, подтверждающим владельческие права, являлись ясачные книги (40: 228). Р. Г. Кузеев ясак в представлении башкир называет «символом (и условием) вотчинного права на землю» (89: 209): «если за какой-то определенный участок земли в казну вносился определенный ясак, то этим самым плательщик становился фактически его собственником...» (89: 209). Все это подтверждается многочисленными архивными документами, часть которых приведена в нашей работе. Институт припуска не только способствовал оседанию пришлых на башкирских землях, но и таил в себе возможность перехода их в вотчинники. В связи с этим представляет большой интерес сообщение деятеля русской администрации в Уфимском крае в I половине XVIII в. И. К. Кириллова о том, что припущенников, которых «...настоящая башкирцы приняли к себе на земли жить по записям и платить...» вместо них ясак в казну, «...а инде уже называли и называют их якобы природня башкирцы...» (104, III: 493).

Об этом же свидетельствуют многочисленные сообщения и челобитные о том, что переселенцы как самовольные, так и припускные, по истечении времени начинают объявлять занимаемые ими земли своими вотчинами, а самих себя – выдавать за вотчинников-башкир. Приведем лишь один пример: Казанской дор.

Бюлярской вол. Умер Тохтаров с товарищами сообщают (челобитная от 1728 г.), что в их волости «застарелые бобыли, которые платили в помощь их волостным башкирцом окладной ясак... владели в вотчине их вотчинною землею, бортными угодьи и звериными и птичьими ловлями... а особливо бобыльского ясака не платят и в ясак не написаны... и, платя они бобыли подможной ясак, называютца башкирцами» (104, I: 132).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ БАШКИРИИ ТАТАРАМИ

Данная проблема специально также не изучалась. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют рассматривать ее как переселение: а) служилых татар и б) переселение татар различных других категорий.

а) Переселение служилых татар. Государственная колонизация Башкирии татарами в русский период началась после присоединения ее к Русскому государству, когда возникла необходимость укрепления новых юго-восточных границ городами. В 1578 г. начинают строиться гг. Уфа, Бирск, Мензелинск, Самарск (5: 7). Эти города и окрестные их земли были заселены верными людьми Московского государства – служилым сословием (128: 25), в составе которого были и служилые татары (мишари).

В «Представлении...» К. Уракова (1746 г.) говорится: «...мещеряки, которых деды и отцы некоторое малое число не в давные годы пришли в Уфимской уезд ис Казанской и Воронежской губерней, из разных уездов и от предков в. и. в. (всероссийского императорского величества. – *Д. Р.*) с отвозными грамотами, чтоб им служить в Уфимском уезде...» (104, III: 556). По некоторым сведениям мишари были призваны служить «по городу Уфе» по грамоте 7106 (т. е. 1597/98) г. (104, V: 581). И. К. Кириллов в «Изыяснении» от 1735 г. указывает, что «мещеряки, то есть служилыя татара», и они «накликаны» «с начала города Уфы» (104, III: 493). Причем, они, видимо, призывались неоднократно. Как свидетельствуют архивные источники, они были «верстаны» на службу в Уфу по грамотам 7167 (т. е. 1659 г.) и 7203 (т. е. 1695) гг. (ЦГАДА, ф. 248,

оп. 3, кн. 115, лл. 562–631 и др.). Потомки служилых татар-мишарей в Уфимском крае в своих различных заявлениях всегда подчеркивали, что предки их переселились сюда по велению императорского величества, были мурзами и служилыми (127: 292). Мишари д. Токмаклов и Мусиной Уфимского у. в 1803 г. писали, что они более 200 лет тому назад присланы Русским государством для обороны «пришедших во Всероссийское подданство башкирцов» (ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 67, л. 1). Известно также, что мещеряки в 1663 г. приняли участие в строительстве г. Бирска (128: 12).

Статистический материал о численности служилых мишарей в XVII в. нами не обнаружен. В 1720 г. вахмистром П. Сорнеевым были составлены переписные книги «служилых мещеряков». По этим книгам в Осинской дор. в 34 деревнях, в Казанской – в 5 деревнях, в Ногайской и Сибирской – в каждой по 1 деревне (всего 41 деревня) насчитывалось 380 дворов служилых мишарей (ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 115, л. 659–662). Кроме того, во время переписи П. Сорнеева оказались утаенными 111 человек (или дворов? Там же, л. 663–666). В источниках 1735 г. имеется сообщение о том, что служилых мишарей «в службу годных пять тысяч человек, а всех от старого до малого с двадцать тысяч» (ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 169, л. 691). По материалам В. А. Новикова в 1745 г. мишарей, поселившихся на башкирских землях, насчитывалось 1511 дворов (128: 75). В 1765 г. в поход на Сибирские линии были снаряжены, наряду с башкирами, мишари около 100 деревень всех 4-х дорог (ГАОО, ф. 3, он. 1, ед. хр. 79, лл. 20–74).

Сословие служилых мишарей из года в год пополнялось за счет вновь прибывающих сородичей и других, которые, подав челобитную, записывались в сотни или десятки и, таким образом, становились служилыми мишарями Уфимского у. Для верстания в служилые «мещеряки» подобным образом достаточно было наличие двух свидетелей, подтверждающих принадлежность челобитчика к той или иной мишарской деревне уезда (ЦГАДА ф. 1173 оп. 1, ед. хр. 115, л. 5–8).

Служилые мещеряки д. Кулбарисовой (Сабаева тож), Янагушевой, Сюнеевой, Нванаевы (Тережкина тож), Байбаков, Кемеевой,

Бабаевой, Мрясимова, Умкеевой (Турнин тож), Деуш, Урюш и др. Осинской дор. были частью верстаны по грамоте 1659, 1694, 1695 гг., частью – по челобитне в грязные годы (с 1660 по 1700 гг.), а часть из них называла себя старинными жителями Уфимского у. (ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, ед. хр. 115, л. 574).

Со временем население деревень увеличивалось и мишари стали занимать в оброк земли из других мест. Миграция шла в восточном (ЦГА БАССР, ф. 168, оп. 1, д. хр. 123, 144; ф. 172, ед. хр. 34, л. 1, 7, 13, 15, 26, 36, 40, 45; ед. хр. 42, л. 96, 97. См.: 190: 5) и южном направлениях. Так, группа служилых мещеряков д. Богдановой Коти Осинской дор. во главе с Тимкой Юлаевым до 1720 г. переехала в Ногайскую дор. и обосновала (?) д. Тимкино (ныне в Кармаскалинском районе; ЦГАДА, ф. 248, он. 3, ед. хр. 115, л. 647). Мишари д. Акметевой (Казанская дор. Калнинская вол.) и д. Калмашевой (Уфимский у. Ногайская дор.) в 1753 г. переселились на земли Яиксубиминской вол. д. Аккуловой (т. е. в нынешний Стерлитамакский район; ЦГАДА, ф. 452, оп. 2, ед. хр. 115, л. 62). В д. Балышлы (ныне в Благоварском районе) взяли земли в оброк выходцы из Енагушевой (Осинская дор.), Кундешли, Тимкиной, Енбаевой, Даушевой, Тузлукушевой (Сибирская дор.). Взяли в оброк земли в д. Халикеевой (ныне Стерлибашевский район) мишари д. Даушевой (Сибирская дор.), Азиевой, Дюсметевой (Казанская дор.) и т. д. (там же, л. 124). В 1760 г. эти мишари бьют челом об оставлении их на взятых 10 лет тому назад в оброк землях. Правительство разрешает челобитчикам жить на этих землях, однако с оговоркой: службы и подводную гоньбу исправлять безостановочно (ЦГАДА, ф. 452, оп. 2, ед. хр. 115, л. 161). По письменным источникам выясняется, что жители нас. п. п. Халикеево, Карагушево, Яушево (Стерлибашевский регион), Балышлы, Терма, Сафар, Слак, Албаево, Мусино, Салихово, Кармаскалы, Удрякбаш (Чишминский регион) являются потомками и мишарей, описанных в 1720 г. П. Сорнеевым (там же, 27: 161; ЦГА БАССР, ф. 172, оп. 1, ед. хр. 46, л. 148 и др.). Мишарская д. Ново-Мусино, как сообщают ныне и сами жители этой деревни, образована в 1856 г. выходцами из д. Халикеево и Карагушево (ЦГА БАССР, ф. 172, оп. 1, ед. хр. 101, л. 86, 95–96).

В среде служилых татар-мишарей происходила классовая дифференциация. Очень много архивных источников свидетельствующих об имущественном неравенстве мишарей (104, III: 503, 505–506 и т. д.). Среди них были представители господствующего класса, которые в XVI–XVII вв. сохраняли еще некоторые привилегии (66: 181) и на новых линиях получали поместные земли. Напр., в 1591 г. был поверстан землей около Уфы Рудаль мурза, по крещении Андрей Федорович Ураков (родоначальник князей Ураковых в Уфимском крае); Уфимскому «новокрещену» Ив. Ив. Кадомцеву в 1652 г. дано «за Уфой рекой вверх по Таушу речке поместье 150 четей» (128: 27, 29, 30 и др.)

Фамилия Ураковых упоминается в списке Уфимских дворян от 1635 г. А в «списке Уфимским боярским детям и дворянам» от 1668 г. имеются следующие татарские фамилии: Бастрыковы, Мурзины, Мамадышевцевы, Тоганаевы и др. Янгозины и Кадомцевы упоминаются в списке от 1681 г., однако с оговоркой, что они не вошли в предшествующие списки, хотя и являются старейшими членами Уфимских дворянских фамилий (128: 88, 90–94, 26–27 и др.).

К концу XVIII в. список уфимских дворян, в т. ч. и татарских, резко увеличивается, что было связано прежде всего с изданием указа от 11 января 1736 г., по которому разрешалось продавать определенным сословиям земли башкир (58: 190; 128: 43). В. А. Новиков насчитывал 150 новых фамилий и при этом сделал еще оговорку, что сюда включены роды, происшедшие от татарских князей и мурз, предки которых хотя и до этого жили в пределах «нашего» края, но не были показаны в помянутых выше списках (128: 47). Многие фамилии из этого списка и ныне распространены в татарских деревнях, исследованных нами, напр.: Акчурины, Бигловы, Ждановы, Дивеевы, Дашкины, Еникеевы – князи и Еникеевы – мурзы, Кунаевы, Кудашевы, Маматкозины, Сакаевы, Мамины, Надыровы, Максютовы, Терегуловы, Уразовы, Чанышевы, Яушевы, Ямбулатовы и другие¹. Большинство этих фа-

¹ О родословной мишарей, носящих большинство указанных фамилий и в настоящее время. См.: *Еники. Ә. Соңгы китап. Истәлекләр // Казан утлары*. 1981. № 10–11; 1982. № 12.

милий распространено и поныне в татарских (мишарских) деревнях Тамбовской и Пензенской губерний.

Об этнической неоднородности служилых татар в архивных источниках имеются и некоторые другие сведения. Например, в 1787 г. в «мещеряцкое сословие» причислены и ясачные татары (ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, ед. хр. 22, л. 1, 87, 93, 98, 135 и др.; ЦГАДА, ф. 452, оп. 2, ед. хр. 74, л. 1, 16, 96), а также люди неопределенной национальности (ГАОО, ф. 98, оп. 2, ед. хр. 33).

Служилые татары жили на вотчинных землях и платили вотчинникам оброк (104, III: 493, V: 581). Указом от 11 января 1736 г. служилым мишарям за участие в подавлении башкирского восстания 1735 г. разрешено было остаться на занимаемых ими землях уже без оброка, а часть из них была переселена в отдельные деревни (104, IV: 394; 97: 49–62). С 1747 до 1754 г. служилые мишари платили по 25 коп. с двора, а с 1754 г. данный платеж был снят и они должны были покупать соль из казны.

С 1797 г. служилые татары включены были в ведомство Оренбургского военного управления и разделены были на кантоны. С этого времени они в одинаковом с башкирами положении.

Среди служилых татар также происходил переход в башкирское сословие, который шел теми же путями, что и у других разрядов пришлого населения. Так, например, жители вышеупомянутой д. Тимкино, обоснованной служилыми мишарями в начале XVIII в. по припуску башкир Ногайской дор., перешли в башкирское сословие (ЦГА БАССР, ф. 172, оп. 1, ед. хр. 45, л. 81). «Мещеряки» д. Сафаровой и Термы (ныне Чишминского района БАССР) к середине XIX в. также оказались в числе башкир. В деле они неоднократно именуется «башкирами из мещеряков» или как «мещеряки, ныне башкиры» и т. д. (ЦГА БАССР, ф. 172, оп. 1, ед. хр. 46, л. 101, 148, 160), «Башкирами из мещеряков» являлись также и жители нас. п. п. Халикеево, Ново-Мусино (ЦГА БАССР, ф. 172, оп. 1, ед. хр. 101, л. 96). Часть «башкир» Челябинского у. состояла из «прежде бывших мурз», т. е. мишарей (ГАОО ф. 13, оп. 1, ед. хр. 80, л. 3–5). В 1827 г. «мещеряк» д. Балыклыкуль Стерлитамакского у. Токтар Аликеев с семейством в 26 чел. перешел в башкиры

в Троицкий у. (ГАОО, ф. 98, оп. 2, ед. хр. 33). По преданиям и легендам, башкирами считалось и мишарское население (все или лишь часть) д. Старотимошкино, Тукай, Султанморатово (ныне Аургазинского района), Туктар-Абдрашитово (ныне Альшеевского района) и др.

Мишари Башкирии известны под различными названиями. Соседи обычно называют их «төмәннәр» («тюменцы»), «алатырлар» («алатырцы»), «мишәрләр». Первые два из этих наименований произошли, видимо, от названий административных центров прежнего местожительства переселенцев – мишарей. «Мишәрләр» – обычно употребляются относительно всех мишарей.

В сословном отношении «темниковцы» и «мишари» определяются как «башкирцы», «тептяри» (несколько подробнее о них см. в разделе «Тептяри») и «мещане» или просто «крестьяне». «Алатырцы» же в большинстве случаев известны как «мещане», изредка называют их «тептярями». В легендах всегда подчеркивается то, что они малоземельны, нередко существовали за счет случайных заработков.

Мишари себя считают татарами («без чын татар»), а соседей – татар – тептярями, казанских татар – казанскими тептярями, т. е. они не отличают татар Казанского края от своих соседей – татар, живущих рядом с ними.

Архивные источники показывают, что мишари сыграли заметную роль в культурно-этническом формировании татар Уфимского края. В письменных документах XVIII в. говорится о влиятельности богатых мурз (104, III: 481), о необходимости обучить их детей русской грамоте (104, III: 482) и т. д. Общеизвестно, что не только представители дворянства и офицерского состава Уфимского края, но и многие муллы, толмачи, предводители башкирских восстаний были мишари.

В XVIII в. часть служилых татар поселилась в Новомосковскую дорогу и Сеитовскую слободу. Сеитовцы в основном состояли из купцов и служилых татар Арской дор. Казанского у. (ныне Сабинского и Арского районов ТАССР). Кроме того, среди них были выходцы из всех других дорог Казанского у., некоторые пересе-

лились из Свияжского, Симбирского и Уфимского у. В 1747 г. численность населения Сеитовского «посада» достигла 996 душ муж. пола (ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, ед. хр. 2450, л. 23–89). Однако царское правительство, исходя из политических соображений, сократило их до 200 душ. Остальные были посажены на окрестных землях Оренбурга. С этой группой отчасти связано заселение самых южных районов обследованного нами региона. Так, жители д. Яшерган, Айдарали Стерлибашевского района и ряда д. Федоровского района считают себя потомками переселенцев из Сеитовской слободы. По архивным источникам известно, что торговые татары Сеитовского посада в 1747 г. были припущены из оброка на 50 лет башкирами Юрмагынской вол. на земли, по верхнему течению рр. Стерли, Тятер и Кундряк (ныне в Стерлибашевском районе). Причем стороны договорились о том, что указанные татары при желании смогут продлить аренду этих земель и на следующий срок (104, IV, ч. I: 157). Житель Сеитовской слободы Арслан Бекметов имел мельницу и хутор на р. Тятер (104, IV, ч. 1: 104), а ныне на р. Тятер имеется д. Тятер-Арсланово.

б) Государственная колонизация Башкирии другими группами татар.

Заселение Башкирии другими группами татар по разрешению правительства начинается, в основном, после объявления указа от 11 января 1736 г. Этим указом не примкнувшие к восстанию служилые татары, а также «застарелые тептяри и бобыли» были навсегда «утверждены» на землях, арендуемых ими раньше из оброка, и оставлены «при одном прежнем ясачном платеже в казну» (58: 190; 128–43). Как уже указывалось выше, этим же указом разрешалось продавать представителям определенных сословий, в частности, дворянам, офицерам и мещерякам, тептярям, бобылям земли взбунтовавшихся башкир. Эти положения были еще раз утверждены указом от 1739 г. (128: 44).

Переселение ясачных и других категорий крестьян прежде всего отразилось в материалах ревизий. К сожалению, сказки II ревизии (1745 г.) располагают далеко не полными материалами, т. к. они дошли до нас лишь частично, к тому же не все население было

охвачено, в сохранившихся сказках не подведены итоги и т. д. Некоторый интерес представляют материалы III ревизии (1762 г.). Из них, в частности, узнаем о том, что служилые и ясачные татары навечно были оставлены на арендуемых или купленных ими по договору землях. Кроме того, были навечно поселены и все вновь прибывшие. На с. 66–68 приводим выписку из ревизских сказок 1762 г., свидетельствующую об этом и указывающую на то, выходцами преимущественно каких уездов заселялась в XVIII в. юго-западная Башкирия (ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, ед. хр. 4653, 4654).

Из сказок видно, что лишь 2 деревни (Агарды и Бишинде) являются новопоселенными, а остальные существовали еще во время II ревизии (1745 г.). Приведенные выдержки воочию свидетельствуют о массовом переселении татар и в XVIII в., и главным образом из Казанского и Свияжского уездов. В сословном отношении эти переселенцы уже не включаются в состав тептярей, а образуют иные категории населения: ясачные, однодворцы, служилые и т. д.

После объявления вышеприведенного указа 1736 г. было оформлено вотчинниками и припущенниками множество актов купли-продажи, т. е. припуска на вечное владение. Приведем некоторые примеры. Мещеряки д. Слаковой «заселение восприняли по договорному письму башкир Яиксубиминской волости» Белебеевского у. в 1759 г. (ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 640, л. 173). Жители д. Кишков, Тимкиной и Салзегутовой были тептярями, потом перешли в башкирское сословие. Припуск оформлен в 1764 г. (ЦГА БАССР, ф. 172, оп. 1, ед. хр. 45, л. 81). Д. Биштяки (ныне Шаймуратово) основана мишарями на земле, взятой у вотчинников Ногайской дор. Уфимского у. из оброка. Письменное оформление припуска совершено в 1755 г.; с 1811 г. там живут тептяри и мишари (ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 1, ед. хр. 124, л. 391). В д. Адзитарово до 1739 г. поселились тептяри (мишари), на купленной ими с правом вечного владения у башкир Уршакминской вол. земле. Потом по договору от 1758 г. в эту же деревню башкирами были допущены к поселению мишари (ЦГА БАССР, ф. 9, оп. 1, ед. хр. 125, л. 118).

Название деревни	Находится на территории	Кол-во душ мужского пола	Места прежнего жительства переселенцев
1	2	3	4
Казанская дорога			
дер. Бектимир Козино (Кайнлы кул тож)	Туймазинского р-на БАССР	94 ясачн.	Казанский у. Арская дор. из Бектимировой пустоши, Камышлы Тамак
Метев-Тамак		15 ясачн.	Казанский у. Арская дор. д. Анак
Кузеево-Мурза		3 мурзы	Шацкий у. Залесский стан. д. Тенишевка (сошли в 1754 г.)
Казанлы-Тамак (приписанные к Адмиралтейству)	Белебеевского р-на БАССР	25 ясачн.	Свияжский у. д. Малый Чирки (Дертили тож); Симбирский у. д. Ельшанка
Ташлы (Усть Демская тож)	Бавлинского р-на ТАССР	6 ясачн.	Казанский у. Зюрейская дор. д. Шумилины
Чекмак (приписные к Адмиралтейству)	Муслумовского р-на ТАССР	42 ясачн.	Казанский у. Арская дор. д. Кулкувады, Сосновый нос., Ст. Ушман
Кавзяк Тамак	Сармановского р-на ТАССР	84 ясачн.	Казанский у. Арская дор. д. Мингер, Ураковой пустошь, Ср. Сабы, Курса, Верх. Айша, Шемардан, Ташлы Илга, Кукмора.
Исергап (приписные к Адмиралтейству)	Бавлинского р-на ТАССР	15 служилые	Казанский у. Арская дор. д. Верхняя Корса (сошли в 1751 г.)
Мансурово (Бавла тож), (приписные к Адмиралт.)	Бавлинского р-на БАССР	29 ясачные	Симбирский у. д. Дракино (сошли в 1760 г.), д. Шатырман, Верхний Чипкас; Казанский у. Ногайская дор. д. Ст. Синчалей; Арская дор. д. Тавзар.
Калмаш (Дуванейская волость)	Чишминского р-на БАССР	8 ясачные	Казанский у. Арская дор. д. Умга на р. Барзе; Кальдрово

1	2	3	4
Муртыш Тамак Козево (приписные к Адмиралт.) Ст. Дереш (живут совместно с башкирами) Илек	Сармановского р-на ТАССР Мензелинского р-на ТАССР Сармановского р-на ТАССР Кушнаренковского р-на ТАССР	60 ясачные 95	Казанский у. Арская дор. д. Муртыш Тамак Казанский у. Зюрейская дор. д. Ст. Юграш Казанский у. Зюрейская дор. д. Дереш (?) Казанский у. Арская дор. д. Иляков
Нижн. Кувады		8 ясачные 117	Казанский у. Арская дор. д. Нижняя Кувады
Исекаева пустошь	Бишбүлякского р-на (?) БАССР	48 ясачные	Казанский у. Зюрейская дор. д. Исекаева пустошь
Стерлитамак	Азнакаевского р-на ТАССР	2 ясачные	Казанский у. Зюрейская дор. д. Шигаевой
Какыр Илге	—>—	91 ясачные	Казанский у. из разных дорог, сочень и деревень
Агарды	—>—	74 ясачные	—>—
Балтасевой (Кипчак тож)	—>—	105 ясачные	—>—
Чалпы	—>—	44 ясачные	—>—
Мелкен	—>—	90 старокрепц. 65 ясачные	—>—
Кугарчин Буляк	Шаранского р-на БАССР	95	Казанский у. Арская дор. д. Ядыгер
Зант	—>—		Казанский у. Арская дор. д. Иябаш, Утна, Казили, Метеска, Ср. Береза, Курсашимак, Кавал; Алагская дор. д. Верх. Чукши.

1	2	3	4
Нижняя Уруссу (Югазы тож)	Бавлинского р-на ТАССР	-3 служил. 27 служил.	Свияжский у. д. Янгильдино Казанский у. Арская дор. д. Малая Нурма (Корелина тож.), Салауш, Пшалым, Сосна, Байланлар; Зюрейская дор. д. Кадырова; Хлыновский у. д. Починка Казанский у. Алатская дор. д. Себиасад. Пышмар, Еничипи, Арская дор. д. Шигаево, Кукмара, Шекмабаш Казанский у. Арская дор. д. Атуклы, Ядигер Казанский у. Арская дор. д. Абдуллиной Казанский у. Арская дор. д. Большое Бишинде Казанский у. Арская дор. д. Бекбулаговой Казанский у. Арская дор. д. Туктар, Какари, Юльтемир, Буралы; Зюрейская дор. д. Бичера Казанский у. Зюрейская дор. д. Верхняя Кувады Казанский у. Арская дор. д. Нижняя Кувады
Байряка	->-	269 служил.	
Карамалы	Туймазинского р-на БАССР	58 служил.	
Абдуллино	Ермекеевского р-на БАССР	6 ясачные	
Бишинде	Туймазинского р-на (?) БАССР	45 ясачн.	
Смаилово	->-	12 ясачн.	
Иген-Бишинде	->-	38 ясачн.	
Кувады	->-	62 ясачн. -99 ясачн.	
Кальшали	Туймазинского р-на БАССР	34 служил.	Казанский у. Арская дор. д. Бекбулаговой, Мортыш
Аднагулово		19 служил. 27 ясачн	Казанский у. Арская дор. д. Сенных Четү Покосов, Малая Атна, Кушлаус, Ижуби; Ногайская дор. д. Большой Салтан; Зюрейская дор. д. Мал Учмень

1	2	3	4
Такаево (приписные к Адмиралтейской конторе)	Тукаево (Туймазинского р-на БАССР)	5 служил.	Свияжский у. д. Другие Черемшаны, Тавгилинской, Бакырчи
Ногайская дорога			
Кедряс		5	Свияжский у. д. Сююндекова
Куретмас		13	Казанский у. Арская дор. д. Кармышева
Мияка	д. Мияка-Тамак Миякинского р-на БАССР	5 ясачн.	Казанский у. Арская дор.
Каныбек	Миякинского р-на БАССР	50 служил.	Свияжский у. д. Другие Черемшаны
Кошаево	Миякинского р-на БАССР	18 ясачн.	Казанский у. Зюрейская дор. д. Верхние Кувады; Арская дор. д. Карадуван; Свияж-ский у. д. Другие Черемшаны, Чексап, Избигиловой, Елчииковой вол. д. Кошкино. Чуваши: Уфимский у. Карамалинский вол. д. Андреево.
Козяково	Ишимбайского р-на (?) БАССР	43	Татары: Свияжский у. д. Другие Черемшаны; Новокрещеные чувашы: Свияжский у. д. Мокшны, Шемалаковы
Ямаково	Альшеевского р-на БАССР	14 ясачн. ÷ 20	Казанский у. д. Караклый, Уфимский у. д. Абохмари
Кубов-Капсево	Буздякского р-на БАССР	4 служил.	Казанский у. Ногайская дор. д. Ишметево, Олузименево; Служ.: Свияжский у. д. Лещеляги
Кубов Бегеняшево		4 ясачн.	Казанский у. Арская дор. д. Нижняя Курса, Усаг.
		4 служил.	Свияжский у. д. Третьей Черемшан, Багыш, Мулкеевой

1	2	3	4
<p>Урсаевой Богдан (приписные к Адмиралт.) Берсеянбаш Стерлитамак Минаус Дюсмет Ашкадар</p>	<p>Шаранского р-на БАССР Чимшинского р-на БАССР Миякинского р-на БАССР ныне г. Стерлитамак БАССР</p>	<p>2 служ. 3 служ. 8 ясачн. 41 служил. 4 служ. 8 ясачн. 118 ясачн. ÷ 114 ясачн. вновь перешед.</p>	<p>Казанский у. Алацкая дор. д. Урсаево, Починка Кичкениш Свияжский у. д. Кышты; Симбирский у. д. Новая Ишлы Казанский у. Галицкая дор. д. Топис Свияжский у. д. Апастово, Таней Тураеза Свияжский у. д. Апастово Казанский у. Зюрейская дор. д. Дерг Мунча Свияжский у. д. Сююндек, Уразлина, Малой Мереткозы, Новые Крели, Капердиной (Ойша тож), Карамалы, Ст. Карамалы, Малые Крели, Азимовой (Нурлибаш); Казанский у. Арская дор., д. Кармыш, Ставропольский у. д. Курманаевой; Казанский у. Ногайская дор. д. Карасы, Верхней речки Мурысы</p>

Переселение татарских крестьян с разрешения правительства продолжается до XX в. Особый наплыв переселенцев наблюдается в конце XVIII и начале XIX в. Это отчасти может быть связано с событиями генерального межевания земель Башкирии, начавшегося в конце XVIII в. По неполным данным с 1798 по 1805 г. в Башкирии обмежеванием было выявлено 28 066 563 десятины 1790 саженой земли (96: 93–94). Межевание преследовало цель ограничения земель вотчинников и других и «изъятия башкирских земель в пользу казны, помещиков, дворян и заводчиков». Увеличение казенных земель на территории Башкирии расширило возможности поселения там новых сходцев, усилился приток переселенцев в этот край. Активность переселения татар в указанный период была связана также с учреждением кантонного управления и организацией казачьего войска, в состав которого включались ясачные и другие категории населения края. Следует особо отметить, что подавляющее большинство переселившихся татар, в конце XVIII и начале XIX в., были мишарями. Некоторые примеры.

В д. Шланлыкул в 1795–1796 гг. по договору навечно переселились ясачные татары (т. е. мишари. – *Д. Р.*) из Пензенской губ. (ЦГА БАСССР, ф. 138, оп. 2, ед. хр. 147, л. 185, 648). В д. Новый Аврюзтамак переселились служилые татары (видимо, также мишари) из д. Казанлы Тамак (Белебеевский округ; ЦГА БАСССР, ф. 138, оп. 2, ед. хр. 35, л. 935). В д. Мендяново переселились в 1795 г. мишари из д. Шлемасс Карсунской округи Симбирской губ. (ЦГА БАСССР, ф. 138, оп. 2, ед. хр. 35, л. 115). В д. Тимекеевой и Мавлютовой (Калнинская вол. Уфимского у.) приехали в 1795 г. из д. Емашкиной, Акбулатовой, Ишкаевой, Ямаковой Краснослободской округи Пензенского наместничества, д. Варясовой Темниковской округи Тамбовской губ. (ЦГА БАСССР, ф. 138, оп. 2, ед. хр. 62, л. 575–582). В д. Бузат переселились в 1797 г. ясачные татары (мишари. – *Д. Р.*) из Симбирской губ. из д. Свербеевки Шешкеевской округи (ЦГА БАСССР, ф. 138, оп. 2, ед. хр. 56, л. 48), потом причислены татары-мишари из Пензенской губ. В 1806 г. – 11 душ, в 1809 г. – 4 души, в 1810 г. – 1 душа, в 1807 г. – 8 душ (ЦГА БАСССР, ф. 138, оп. 2, ед. хр. 33, л. 53, 81). Предки мишарей

д. Аллагуват были навечно припущены башкирами Юрматынской волости в 1795 г. (ЦГА БАССР, ф. 172, оп. 1, ед. хр. 1, л. 557). В д. Буздяк переселились мурзы из д. Тархановой, Яфаевой Пензенского наместничества и из полсельца¹ Тарлова Елатмовской округи Тамбовского наместничества (ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, ед. хр. 35, л. 1109, 713). В д. Ибраевой в 1803 г. причислены ясачные татары (мишари. – *Д. Р.*) 21 душа, перешедшие из д. Ключищ Васильевской округи Нижегородской губ. (ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, ед. хр. 56, л. 77).

Число подобных примеров можно было бы продолжить. Как видим, обращает на себя внимание однородный этнический состав переселенцев в Башкирию в конце XVIII и начале XIX в. Основной контингент их составляли выходцы из тех губерний, которые были заселены мишарями.

Государственная колонизация, хотя и менее активно, продолжалась до начала XX в. Исследователи считают, что в XIX в., и особенно во II его половине, переселение в юго-западную часть современной Башкирии носило более массовый характер, нежели в северо-западные районы ее. Так, известно, что переселившееся после 1861 г. население в Белебеевском у. составляло 41 993 души обоего пола, т. е. 10,8% от общего числа населения уезда (153, IV: 68), тогда как в Мензелинском у. – лишь около 2000, т. е. 0,6% от общего числа I населения уезда (153, III: 116).

Характерно, что за переселившимся в XIX в. населением зачастую закреплялись разные названия: «казаннар», «казан кешесе», «гәптәрәшитләр» (главным среди них был Габдрашит), «мәлкәйләр» (они отделились от д. Гайны-Ямак и основали д. Малогайны – «Мәлкәй»), «дистәннәр» (по фамилии Дистановых, распространенных в Буздякском районе), «яңалар» и т. д. Эти группы были самыми малоземельными в деревне, жили на случайные заработки или же батрачили на бояр. В документах некоторые из них назывались мещанами. По сообщению старожилов, язык этих групп имел некоторые отличительные черты, в основном лексического

¹ В среднерусских говорах полсельцо – выселок, поселок (52: III–253).

характера. Наши же материалы свидетельствуют о том, что к настоящему времени эти отличия почти стерлись, если не считать группы «яңалар» (нас. п. п. Ново-Кишки, Старошареево), которые все же сохранили некоторые особенности своего говора.

Подытоживая вышеизложенное, следует сказать, что государственная колонизация земель Уфимского края татарами происходила различными путями. Самый старый способ – это переселение татар, в основном мишарей, в качестве служилых. С середины XVIII в. в сословие служилых татар Башкирии были включены и казанские татары. После издания указа 1736 г. начинается переселение татар различных категорий (мишарей-однодворцев, ясачных татар, мурз, крестьян, приписных к Адмиралтейской конторе и т. д.). Примечателен тот факт, что на основании этого указа было узаконено проживание на арендуемых ими землях татар, устроившихся на землях Башкирии на различных основаниях: припуск, самовольное поселение, купля и т. п.

ТЕПТЯРИ

Тептяри издавна привлекали внимание различных деятелей и исследователей, вследствие чего накопилась большая литература о них. Мнения о происхождении тептярей вкратце можно сгруппировать следующим образом. Ряд авторов рассматривает тептярей как конгломерат тюркских и финно-угорских племен (напр. Г. Ф. Миллер (113: 67), И. Г. Георги (48: 58), П. И. Кеппен (82: 360), Шиле (204: 24), П. Небольсин (122: 34), Всевожский (46), Р. Г. Игнатъев (64: 120), Н. А. Аристов (8: 406–408) и др. По К. Уйфальви, тептяри произошли в результате скрещения татар и башкир (179: 119). Со второй половины XIX в. в литературе главенствует взгляд на тептярей как на сословную категорию, образованную из самовольно поселившихся беглых из Поволжья и частично припущенников-башкир: В. М. Черемшанский (197: 166), Е. С. Филимонов (183: 55), Н. А. Гурвич (51: 8), Г. Н. Ахмаров (18: 340–364) и др.

В трудах башкирских историков последних десятилетий тептяри рассматриваются как часть припущенников (92–357).

Одинаково признается всеми авторами, что тептяри состояли в основном из татар, мари, удмуртов башкир и даже русских (42: 132; 92–357; 143–44, 45)¹.

С. М. Васильев (42: 135, 137) три различных группы тептярей связывает с тремя видами припуска (см. о них ниже). Р. Г. Кузеев происхождение тептярей преимущественно связывает «с различными этнографическими группами татар» (92: 357).

Ценные сведения о тептярях содержатся в работах языковедов. Первым таким трудом является кандидатская диссертация А. А. Юлдашева, в которой дан подробный анализ литературы о тептярях. Сам автор, на наш взгляд, совершенно справедливо считает тептярей сословной категорией, состоящей в основном из пришедших татар. Кроме них, среди тептярей, указывает он, были башкиры, чувашаи, мари, удмурты и др. (211: 8–45). О том, что тептяри представляли собой определенную прослойку крестьян Башкирии писал и А. Ш. Афлетунов (229: 21).

Подавляющее большинство исследователей подчеркивали сходство тептярей-татар прежде всего с казанскими татарами. П. И. Небольсин пишет: «...в образе жизни тептяри-мухаммедане ничем не разнятся от татар...» (122: 34). Г. Н. Ахмаров указывает, что язык тептярей «татарский и имеет большое сходство с наречием казанских татар, с небольшою примесью слов из башкирского наречия» (18: 5). Аналогичные мнения содержатся и в других трудах (197: 167). Лингвисты как дореволюционного, так и советского периодов, затрагивающие в той или иной мере вопрос о тептярях, единодушно подчеркивают общность у тептярей и казанских татар не только в языке, но и в образе жизни, материальной и духовной культуре (см. выше). Материалы, собранные во время наших полевых экспедиций, еще раз подтверждают справедливость этих положений.

¹ Кстати следует указать, что в группе тептярей-татар в свою очередь были в довольно значительном количестве и мишари: Ст. Адзитарово (ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 1, ед. хр. 124), Биштяки (там же, л. 391), Шланлыкул (ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, ед. хр. 147, л. 185 об.), Тимошкино (ЦГА БАССР, ф. 172, оп. 1, ед. хр. 98, л. 9) и др.

Анализ архивных документов показал, что термин «тептяр» употреблялся в русских письменных документах в разное время в различных значениях.

В источниках, относящихся к концу XVII в. и к самому началу XVIII в. (а русские письменные источники более раннего периода не дошли до нас), термин «тептяр» встречается лишь в составе выражения «тептярской ясак» или «окладной тептярской ясак». Платили такой ясак башкиры. Например, башкир д. Якшиванова Байчурина Минкин в своей челобитной, поданной в 1695 г., указывает, что он платил «на Уфе девтярской¹ ясак по кунице на год» (ЦГАДА, ф. 1173, оп. 1, ед. хр. 1198, л. 3); башкир Умряска Ишеев платил тептярской ясак по 4 кунице в год (докум. от 1700 г., 104, I: 100–102); в документе от 1693 г. ясак башкир Табынской вол. также назван «окладной тептярской ясак» (ЦГАДА, ф. 1173, оп. 1, ед. хр. 1152, л. 38), аналогичный факт зафиксирован и в челобитной ясачных татар д. Кутуево Уфимского у. Казанской дор., которые в 1701 г. переписались в «окладной тептярской ясак за умершего башкирца за Сартыбучка Тюменчурина...» (ЦГАДА, ф. 1173, оп. 1, ед. хр. 1329, л. 3–4). Бобыли Ногайской и Сибирской дорог в 90-х гг. XVII в. также «переписались в окладной тептярской ясак обще Уфимского уезда Ногайской дороги Минской волости к башкирцам и родственникам своим» (104, I: 128). Мещеряк Казанской дор. Каршинской вол. Абдрахман (отец которого «сошел из Симбирского уезда тому назад 23 года») в 1721 г. пишет, что он платил «государю с башкирцами тептярской ясак вместе» (ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 115, л. 775; 104, I: 292).

Таким образом, приведенные факты подтверждают мнение о том, что слово «тептяр» восходит к персидскому «дэфтэр» (те-традь, книга, дело) и в данном случае оно означает ясак, взимаемый именно по ясачным книгам, по спискам.

В материалах, относящихся к 1735–1736 гг., слово «тептяр» употребляется в различных значениях. В документе от 1735 г. (104, III: 336) сообщается об уплате тептярского ясака ясачным татаринном.

¹ Примечательно, что в этом случае сохраняется звонкая огласовка начального согласного.

В документах, собранных А. И. Добросмысловым, фигурирует выражение «окладной тептяр». Причем, эти окладные тептяри также претендуют на башкирское звание. Так, Ногайской дор. Минской вол. окладные тептяри Мустай Иликеев, Биткул Эмбулатов, Алдар Тетеев с товарищами и Осинской дор. д. Байгузино «окладной тептер Салманай Сапаев» бьют челом, чтобы с них и с родственников их с домовых продаж таможенных и конских пошлин и протоможно, как и с прочих Уфимского уезду башкирцев (подчеркнуто нами. – *Д. Р.*), не брать, и о том дать им для ведома в Уфу послать указы» (58–211). Если исходить из того, что оклад означал поземельный налог (т. е. налог с занимаемой земли), и он уплачивался в казну, то, видимо, надо полагать, что эти тептяри имели земельные владения, т. е. были вотчинниками. Любопытный факт обнаружен нами в материалах 5-й ревизии (1811 г.): д. Аднагулова Базгиевской вол. Белебеевского у. «заселена **на земле тептярской**, жалованной предкам их, на которой жительствоют **вотчинники тептяри** 92 души (подчеркнуто нами. – *Д. Р.*)» (ЦГА БАСССР, ф. 138, оп. 2, ед. хр. 147, л. 187). Таким образом, в вышеприведенном документе говорится о тептярях-вотчинниках. И эти вотчинники, как и башкиры-вотчинники, припускали со стороны припущенников. Так, в цитируемом документе далее сообщается, что в указанной д. Аднагул¹, кроме тептярей-вотчинников, имеются ясачные татары – 40 душ, которые живут «водворясь на оную (деревню. – *Д. Р.*) с давних лет по допуску **вотчинников-тептярей** по данному от них на вечное владение договору (подчеркнуто нами. – *Д. Р.*)» (ЦГА БАСССР, ф. 138, оп. 2, ед. хр. 147, л. 187).

В III томе «Материалов по истории Башкирской АССР» зафиксированы следующие выражения со словом тептяр: окладной тептяр (док. № 116 – 1712 г., № 376 – 1732 г.), тептяр (№ 170 – 1715 г.), ясачный тептяр (№ 285–1723 г., № 365 – 1732 г., № 401 – 1734 г.), ясачный тептяр, который платит «по книгам тептярской ясак» (№ 285 – 1723 г.).

¹ Ныне д. Аднагулово в Туймазинском районе БАСССР.

В письменных источниках встречается и другой вариант значения слова «тептяр». Например, ясачный тептяр Ногайской дор. д. Ититеревой Атитер Иликеев и ясачный бобыль Сибирской дор. д. Остеевой Бикбатыр Бикметев с товарищами в 1734 г. бьют челом, «чтоб с них... в город Уфу для посылки с казною до Казани, и с другими нуждами... подвод и работных людей не брать» (58, I: 210). В следующем документе того же года Иликеев и Бикметев названы бобылями, притом окладными. В этой челобитне они просят, «чтоб окладных их в ясаках и бобылей старых, и новых, и детей их и братьев переписать, ...и по переписке жить им по-прежнему в Уфимском уезде на башкирских землях так, как жили деды и отцы их» (58, I: 211).

Начиная с 40-х гг. XVIII в. правительство предпринимает ряд мер для окончательного политико-экономического освоения Башкирии (организация Оренбургской экспедиции, устройство новой оборонительной линии на р. Орь и в дальнейшем строительство г. Оренбурга). В результате этих мероприятий укрепляются юго-восточные границы Российской империи. Правительство приступает к освоению природных богатств, выявлению податных ресурсов, а для этого необходимо было и определение состава населения края. Так, указ Правительствующего Сената от 31 марта 1734 г. гласит, чтоб всех припущенников края «...записывать и расспрашивать, кто откуда и давно ль пришли и в подушный оклад положены ль...» (ПСЗ, т. IX: 337–338).

В русских источниках именно с этого времени слово «тептяр» начинает употребляться по отношению к определенному разряду населения Оренбургского края, куда входила тогда и вся территория современной Башкирии. В документах того времени они рассматриваются как пришлое население и сравниваются с бобылями.

Переводчик А. И. Тевкелев и начальник Оренбургской экспедиции И. К. Кириллов (очевидцы и современники событий 40-х гг. XVIII в.) на основании проведенных среди местного населения расспросов и личных наблюдений составили в Правительствующий Сенат донесения с указанием того, какие разряды населения проживают на территории Башкирии (башкиры, тарханы, бобыли,

тептяри, служилые татары или мещеряки, туснаки и др.). По их сообщению (58, I: 63–78, 105), пришлые татары, чуваша, марийцы, живущие среди башкир по записям, являются тептярями, без записей – бобылями.

Таким образом, из приведенного следует, что тептяри и бобыли рассматриваются как две категории пришлых. Отличаются же они друг от друга по способу их оформления отношений с вотчинниками. Аналогичного мнения придерживались А. П. Чулошников, опиравшийся в своих суждениях на вышеупомянутые два источника (104, I: 16), и составители IV т. «Материалов...» (104, IV, ч. I: 11).

С. М. Васильев тептярей и бобылей также рассматривает как две категории припущенников. По его мнению, они отличались между собой не только по способу оформления своих отношений с вотчинниками, но также и по виду уплаты за занимаемое угодье. Однако в конечном счете нельзя сказать, что в его работе проведена четкая граница между ними: подобно тому, как бобыли были оброчные и необрочные, так и тептярей автор делит на оброчных и необрочных (42: 132–138).

На трудность различения тептярей и бобылей как самостоятельных категорий лишь на основе способов оформления их отношений с вотчинниками указывает следующий по времени составления документ И. К. Кириллова, а именно «Изъяснение о территориальном и внутривидовом разделении башкир Уфимского уезда, о живущих на их земле нерусском населении и о мерах борьбы с магометанством и перенаселением уезда», представленный 13 января 1735 г. в Правительствующий Сенат. В нем впервые наиболее подробно описаны тептяри, бобыли и др. разряды населения Уфимского уезда. Приведем отрывок. «...2. Тептяри, татара, чуваша, мордва, вотяки изстари у башкирцев на землях живали, а паче от времени до времени всегда прибывали. 3. Бобыли и ныне прибывают, ибо уезд обширной верстах на тысяче, и за тем одному городу Уфе никак пресечь невозможно, пока не огорожены будут другими городками.

Тептяри и бобыли двоякие: одни называютца припущенники, коих настоящие башкирцы приняли к себе на земли жить по записям и платить лисей или куней ясак, тот, кой и без них повинны

они башкирцы, сами отдавать в казну, и тако, сложа с себя на припущенников платеж, сами без ясаку живут; а инде уже называли и называют их якобы природныя башкиры, но ныне некоторый волости зачали таких припущенников объявлять собою в особой в казну тептярской оклад, однако ж вдруг никак в том принудить нельзя, и исподволь при добрых поступках могут и всех объявить. Другие тептяри и бобыли, кои живут у башкирцев по записям и без записей, нанимая земли, те в казну платят с себя тептерской и бобыльской оклад...» (104, III: 493).

Как видно, в данном «Изыяснении» термины тептяри и бобыли употреблены в одинаковом значении, что еще более затрудняет выяснение происхождения тептярей. Следует особо подчеркнуть, что, по мнению И. К. Кириллова, только часть тептярей и бобылей называлась припущенниками. Отсюда возникает вопрос о соотношении понятий тептяр и припущенник. Башкирский историк У. Х. Рахматуллин к припущенникам относит припущенных вотчинниками безземельных людей края и пришлых крестьян, в том числе татар, чувашей, марийцев, удмуртов, русских и др. (143: 44–45). С. М. Васильев категорию припущенников приравнивает к тептярско-бобыльскому населению (42: 132–137). Характеризуемые С. М. Васильевым три группы тептярей (примеры взяты им также из «Материалов...», ч. III) не что иное, как различные типы припущенников (ясачные татары, тептяри, служилые татары, мурзы, башкиры, русские и др.), оформивших тем или иным путем свой припуск (см. об этом выше)¹. Между тем в «Материалах...» только четыре документа отражают припуск тептярей (№ 116, 285, 365 и 376). По С. М. Васильеву, любой человек, оформивший припускную запись, становится тептярем. Однако это мнение не находит своего подтверждения в архивных источниках. Например, подъячий Каракулинской приказной избы С. К. Арзамасцев, Бирский толмач Л. Г. Кондаков или служилый мещеряк мурза Тимка Утешев²,

¹ См. сноски № 1, 2 на стр. 136, № 1–7 на стр. 137, № 1–3 на стр. 138 указанного труда С. М. Васильева.

² Имена приведены из документов, указанных С. М. Васильевым в сносках на вышеуказанных страницах его труда.

хотя и стали припущенниками, все же они не являлись тептярями. Следует учесть, что припускные записи, когда-то предназначенные для определения и узаконения землепользования безземельным человеком на какой-либо вотчине, к началу XVIII в. уже стали служить методом юридического оформления купли-продажи, являлись одним из способов приобретения земельных участков.

Тептяри фигурируют в документах (например, в припускных записях, помещенных в «Материалах...», ч. III)¹ наравне с такими названиями, как «ясачные татары», «служилые татары», «мещеряки», «башкиры», «русские», «бобыли» и др. Относительно понятия «припущенники» термин тептяр находится в одном ряду с этими наименованиями как видовое понятие. Тептяри являются ясачными или окладными жителями соседних деревень, здесь налицо имущественное неравенство (104, III: 212, 290, 83, 301).

Таким образом, в доступных нам источниках, относящихся к XVII и началу XVIII в., хотя они и позволяют в какой-то мере проследить образование разряда бобылей, не раскрывается конкретное значение слова «тептяр».

Употребление термина тептяр в сословном значении начинается, как уже указали выше, с 40-х гг. XVIII в. Это, по всей вероятности, было связано с увеличением в крае пришлого населения, составлявшего к тому времени, по мнению исследователей, почти половину или более половины населения края. Видимо, пришлый элемент стал вытеснять вотчинников с их земельных и других угодий, о чем свидетельствует обилие жалоб со стороны вотчинников, тархан и др. (см. выше). Согласно «Изъяснению...» И. К. Кириллова, припущенники, устроившиеся на башкирских землях на основе припускных договоров с условием уплаты ясака вместо вотчинника в казну, стали называться «природныя башкирцы», но в некоторых волостях стали их «объявлять собою в особой в казну тептерской оклад». Видимо, значительная или некоторая часть таких «природных башкирцев» под названием тептяр и была вотчинниками «объявлена» русской администрации. Этому

¹ Этот том «Материалов...» охватывает припускные записи, относящиеся к I половине XVIII в., т. е., с 1700 по 1750 г.

способствовала и нужда царского правительства как в податных, так и в людских ресурсах, возникшая в связи с активизацией его политики и предпринятыми им мероприятиями по укреплению юго-восточных границ России.

Словом, с этого времени на исторической арене появляется разряд тептярей. Иными словами, начиная с 40-х годов XVIII в., в русских источниках под словом «тептяр» подразумевается лишь определенная категория податного сельскохозяйственного населения Оренбургского края. Тептярей, как и бобылей, начинают использовать в определенных видах работ. Например, в постройке г. Оренбурга (58, I: 63–78), перевозке соли (104, IV, ч. I: 398, примечание к док. № 287), восстановлении Табынска (104, V: 685) и т. д. Заводится специальная тептярская книга, где тептярям ведется отдельный счет. Сходцы, вновь прибывающие в Башкирию, но уже с разрешения и под контролем царской администрации, образуют другие категории населения края под названиями государственные крестьяне, ясачные татары, казанские татары и др. А это означало прекращение прилива новых пришельцев в разряд тептярей. В результате образуется самостоятельный изолированный в социальном отношении разряд (сословие) тептярей, предками которых являлись преимущественно переселенцы из Казанской губернии, успевшие устроиться в Башкирском крае до издания указа от января 1736 г.¹ и записавшиеся в 1734 г. в тептярскую книгу. Как показывают источники, самый решающий этап сложения тептярей связан с переселением народностей Поволжья после падения Казанского ханства. Основная роль в этом процессе принадлежала татарам: они доминировали количественно; татары как земледельцы стояли выше по своему хозяйственно-экономическому укладу. Формирование тептярей до начала XVIII века сопровождалось постоянным приливом новых сходцев: татар и др. народностей.

Наряду с выделением тептярей в особую категорию царским правительством ведется и другая политика – политика уравнивания прав тептярей с правами бобылей. Эти две категории населения

¹ Примерно такое же мнение высказано и А. Ш. Афлетуновым (15: 3).

в 30–40 гг. XVIII в. платили ясак в одинаковом размере, а именно куницу, т. е. 40 коп. и 4 коп. подымных, 5 коп. на выкуп пленных (43: 391). С этого времени термин тептяр в источниках часто употребляется параллельно со словом бобыль. Указом от января 1736 г. и от 11 мая 1747 г. тептяри и бобыли были освобождены от платы башкирам оброка взамен уплаты ясака в казну, т. е. «от подтверждения башкирского и оброков», «те земли, на которых они жили, им отданы были в свойство», ясак их был определен в размере 80 копеек с души на год (43: 425). Таким образом, государством было проведено уравнение социального положения этих двух некогда различных групп. Царская администрация принимала ряд мер с целью разграничения припущенников от вотчинников и углубления противоречия между ними: этим же указом от января 1736 г. были нарушены земельные права вотчинников в пользу пришлых (66: 408), припущенники использовались во время подавления восстаний (43: 429, 871) и т. д.

В литературе неоднократно указывается, что в имущественном отношении тептяри, как и другие сословия населения края, были неоднородными. Уже то, что они были ясачными или окладными, как отражено в письменных источниках, свидетельствует об имущественной дифференциации среди них. Е. С. Филимонов пишет: «... за особенно выдающиеся услуги они получали еще и жалованные грамоты от русских государей на вотчинное владение занимаемыми ими землями» (183: 54). Нами приводились выше примеры тептярей-вотчинников (ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, ед. хр. 147, л. 187 и т. д.). К концу XIX в. зафиксированы тептяри-вотчинники и тептяри-припущенники (183: 55). Р. Г. Кузеев также отмечает наличие среди тептярей богатых, которые, «увеличивая тем или иным путем свой надел», становились «башкирами» (93: 323).

Таким образом, в течение более двух веков шел процесс отмежевания группы земледельцев-крестьян, называемой тептярями, от других категорий земледельческого населения башкирского края. Этнические группы, входящие в состав тептярей, сохранили свою исконную духовную и материальную культуру, свой быт и свой исконный язык, что проявляется в существовании и в настоящее время

тептярей-татар, тептярей-удмуртов, тептярей-чуваши и др. Говор тептярей-татар (в дореволюционных работах они нередко именуется «тептярями-мухаммеданами») весьма близок к татарскому литературному языку. Однако взаимный контакт с башкирами в течение столь длительного времени наложил свой отпечаток: в их говоре имеются некоторые общие с башкирским языком особенности, в основном в области лексики, частично грамматики и фонетики.

В целом же говор тептярей идентичен с говорами татар, живущих по соседству с ними, и других групп татар, известных под различными названиями: казанские татары, казанцы, новобашкиры, башкиры, ясачные.

БАШКИРЫ

После падения Казанского ханства население Икско-Бельского междуречья оказывается в составе Башкирии, признавшей русское подданство. В генетическом отношении оно было далеко неоднородным и, конечно, не ограничивалось татарами и башкирами. Данный регион был местом, где могли укрыться недовольные политикой царского правительства представители всех народностей бывшего Казанского ханства.

Население Икско-Бельского междуречья, как и население всей Башкирии, сохранило старые порядки и под именем башкир было наделено правами вотчинников, которые, как известно, оказались в довольно привилегированном положении. Это послужило первой серьезной причиной, вызвавшей своеобразную ответную реакцию у сходцев Башкирии. Они различными путями стремились стать вотчинниками. И, как уже неоднократно подчеркивалось нами, они в определенной степени достигли своей цели. Условия присоединения Башкирии к Русскому государству, рассмотренные выше формы припуска, слабый контроль со стороны царской администрации, отсутствие учета населения, наличие свободных земель и, наконец, политика царского правительства в отношении беглых крестьян и др. способствовали проникновению сходцев в ряды вотчинников. Об этом ярко свидетельствуют многочисленные письменные документы, особенно второй половины XVII и I половины XVIII в., часть

которых рассмотрена нами в предыдущих разделах. В. Филоненко, который приводит целый список челобитных башкир разных дорог, жалующихся на захват пришельцами их угодий, указывает, что пришлые, особенно «мухамедане», старались избегать исполнения каких-либо обязанностей по отношению к вотчинникам, отказывались платить оброк и стремились стать вотчинниками, «войти в башкирское имя» (184: 43–44). Последнее продиктовалось как местными общественно-экономическими условиями, так и интересами самих сходцев. И. К. Кириллов в своем «Изъяснении» сообщает, что башкирцы припускают пришельцев с целью переложить на них ясак, «...а инде уже называли и называют их (т. е. припущенных. – *Д. Р.*) якобы природные башкирцы» (104, III: 493). В другом его «доношении» от августа 1735 г. читаем: башкиры «...год от году в лутчество и в силу пришли нечем иным, а попущением к ним из Казанского и других уездов беглецов селиться, коих назвали тептярями и бобылями: из которых **многие под свое имя башкирское вписали** (подчеркнуто нами. – *Д. Р.*), а воеводы ничего того не смотрели, только рачили иные ласкою, а больше озлобляя и разоряя, себя богатить...» (ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 109, л. 602).

Вхождение пришлых в «башкирское имя» для начала XVIII в. было очевидным, даже обыденным явлением. Поэтому-то в то время активно употреблялись выражения «природные башкирцы», «настоящие башкирцы» в отличие от «новых башкир».

Эти же факты нашли определенное отражение в численности населения Башкирии. Вопрос о численности башкир неоднократно затрагивался различными исследователями. Особое место занимает статья Р. Г. Кузеева, содержащая анализ численности башкир начиная с XVI по XX в. Она написана на основе огромного фактического материала, носит обобщающий характер. И, несомненно, имеет большую научную ценность (92: 327 и далее). Однако, на наш взгляд, при решении вопроса о численности башкир в XVI–XVII–XVIII вв., автором не учтены в достаточной степени несколько моментов. Во-первых, история башкир со времени присоединения их к русскому государству и до ликвидации кантонов в середине XIX в. развивается в своеобразных условиях, связанных

с соответствующей политикой царского правительства. За весь этот период башкиры находились в более привилегированном положении по сравнению с податными сословиями бывшего Казанского ханства, а также с бобылями, тептярями, ясачными Башкирского края, т. к. владели более крупными земельными угодьями. В результате башкирское сословие постоянно пополнялось за счет пришедших извне и выходцев из других нижестоящих категорий (см. об этом выше).

Р. Г. Кузеев прав в том, что в XIX в. происходила «инфильтрация в башкирскую этническую среду пришлого населения» (92: 347–348). Действительно, в начале XIX в., в связи с учреждением кантонов, произошел сильный наплыв в ряды башкирского сословия. Но наши архивные материалы показывают, что инфильтрация происходила не только в XIX в. Об этом красноречиво говорят многочисленные заявления, жалобы, челобитные и правительственные грамоты XVII и начала XVIII вв., которые недвусмысленно подтверждают о проникновении пришлых и других категорий в башкирское сословие.

Во-вторых, при исследовании численности башкир нужно учесть и то, что во II половине XVII в. демография населения Башкирии неоднократно нарушалась. Причины были различные. Как свидетельствуют исследования ряда авторов, письменные источники, легенды, в начальный период после присоединения региона к Русскому государству собственно башкиры мигрировали дальше на восток и юг. По мере активизации политики царского правительства, под его усиливающимся давлением передвигались их отдельными группами наблюдалось и позднее (133: 159–160–166: 89: 177, 194, 211, 216–217; 91: 28; 131: 675, 132а: 649). Уход собственно башкир в некоторой степени облегчал и устройство сходцев на вотчинных землях. Частые волнения и восстания, происходившие на территории Башкирии в течение почти полутора столетия, также приводили к определенным нарушениям динамики численности башкир (ЦГАДА, ф. 248, кн. 143, л. 504–507; кн. 169, л. 689–690; 169: 121; 123: 41–47; 104, I: 433, 466, 468–476; 164: 119; 170: 53; 171: 192; 66: 404 и мн. др.).

Однако, несмотря на все это, численность башкир увеличилась, что прежде всего было связано с переходом многих пришедших в башкиры. Приведем высказывания и некоторые сообщения царских чиновников и различных деятелей XVIII в. П. И. Рычков писал: башкиры, «...в сожительство свое набрав многих беглых иноверцев, сходцев из разных уездов, чрез недолгое время так усилились...» (149:4). Казанский губернатор А. П. Вольтер в своей «Записке о положении башкирского вопроса в Российской империи» от 1730 г. писал, что число башкир «время от времени неперестанно умножается и растет так, что чрез 20 прошедших лет не было прямых башкирцев больше 35 000 или по крайней мере 40 000, а ныне з беглецами стало больше 100 000, а имянно: казанские, сибирские, темниковские и протчих тамошних уездов яшашние татара, **большая половина в башкиры перешли**, к тому ж и **протчие иноверцы, мордва, чувашы, черемиса, вотяки целыми селами и деревьями с ясаков туда же перешли...** а ныне уже и русских немалое число от подушных податей беглецов в башкиры перешло...» (подчеркнуто нами. – *Д. Р.*; 66: 399).

В рукописи об Акаевском восстании (1735–1741 гг.) говорится: «...казанские чувашы, черемисы, мордовские и уржумские народы... Все они в книги записывались башкирами и поэтому никто из них к русским не возвращался. И теперь среди башкир их очень много, но, ввиду того, что они называют себя башкирами, потому их трудно узнать» (66: 402).

В записке П. Д. Аксакова от 23 мая 1743 г. также указывается на увеличение башкир за счет пришельцев: «И хотя их (т. е. башкир. – *Д. Р.*) пришло (в подданство. – *Д. Р.*) число невеликое, только от пришедших из Казанского и других уездов из-за Волги, Касимова, Свяжска, ис Синбирска и протчих тамо татар... так их умножилось, как видно из остатков после последнего их безпокойства, начавшаго с 735-га (1735 г. – *Д. Р.*) и продолжающегося по 741-й год (1741 г. – *Д. Р.*), как мужского полу было больше ста тысяч» (104, III: 526).

И. К. Кириллов писал в 1735 г.: «но к башкирцам для своего житья также по причине обширных и изобильных мест... набрело жить великое множество горных татар, черемис, чуваш,

вотяков, так что теперь этих пришельцев вдвое больше, чем башкирцев» (58: 10).

Мы отнюдь не считаем цифры 35 000 или 100 000 достоверными. Однако эти выдержки примечательны тем, что в них говорится о массовом переходе сходцев (не только мусульман, но и других народов) в башкиры. Это во-первых. Во-вторых, употребление выражения «прямые башкирцы» также свидетельствуют о существовании различных категорий башкир, в данном случае истинных или коренных, т. е. собственно башкир, и людей, перешедших в башкиры, т. е. в башкирское сословие, возможно, называвшихся порой «новыми башкирами»¹.

В различного рода донесениях I половины XVIII в. часто фигурируют выражения «природные башкирцы» (ЦГАДА, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 28, л. 11), «настоящие башкирцы» (104, III: 490), «счисляющихся башкирцами иноверцы» (104, III: 556), «неприродные башкирцы» (58: 11–85) и т. д. Ясно, что сама действительность подсказала эти выражения.

Исследователи, исходя из различных материалов, также неоднократно указывали на переход пришлых в башкирское сословие (197:132; 196; 184: 43–44; 127: 14, 234; 65: X; 79: 29–30; 104, I, III; 66; 147: 53–54; 93: 323). И. И. Неплюев и др., видимо, считали, что слово «башкирцы» исходит из административного названия Башкирия, что оно обозначает вообще население Башкирии,

¹ Некоторые авторы формирование группы новых башкир связывают с правительственными указами 1832 г. (18: 349) или 1863 г. (126: 4), т. е. со времен постепенного уравнивания положения башкирского сословия с сельскими крестьянами.

На наш взгляд, подобная трактовка вопроса является неубедительной.

А. А. Юлдашев новыми башкирами считает «тептярей, успевших перейти в башкиры» до всеобщей переписи тептярей (211: 5). По С. М. Васильеву, новыми башкирами являются тептяри, «входившие в башкирскую общину как равноправные члены» (42: 136). Это же мнение повторяется и в центральных изданиях (132а: 645).

Сохранившиеся среди населения легенды возникновения новых башкир объясняют почти так же: пришлые люди, чтобы упрочить свое положение на новом месте, старались оказаться в числе башкир или тем или иным путем увеличивали свои земельные угодья и записывались в башкиры-вотчинники. Эти легенды, как уже видели, подтверждаются и архивными источниками.

состоящие из мешеряков, вотяков, мордвы, черемис и чуваш (ПСЗ, т. XIII: 830; 108, т. I: 105, т. II: 81).

В. Н. Витебский пишет: «Желая уклониться от платежа за земли, многие тептяри даже из христиан принимали магометанство и, вопреки запрещению, стали называться башкирами» (43: 391).

Р. Г. Кузеев процесс перехода пришлых в башкиры характеризует следующим образом: «Земледельческие народы Волго-Камья... поселялись на башкирских землях в качестве припущенников, арендаторов и покупателей. Немало было и таких пришельцев, в том числе из татар, которые во имя приобретения башкирского «вотчинного» права переходили в «башкирское звание», женились на башкирках, выдавали дочерей замуж за башкир и в конечном итоге действительно ассимилировались. Те же процессы, но в меньших масштабах были характерны для взаимодействий башкир с чувашами и марийцами» (93: 164).

Р. Г. Кузеев совершенно справедливо указывает, что проникновение в башкирскую среду легче всего удавалось родственным по языку, культуре и религии татарам. Так, в составе бурзян, тангауров и усерган было зафиксировано 15 подразделений татар, мишар, казанцы (там же). Представители же других народностей (чуваш, мари и др.), чтобы «войти в башкирское имя», принимали магометанство («омусульманивались»), в обследованных нами населенных пунктах часто приходилось фиксировать семьи, предками которых считаются марийцы, удмурты, чуваш и др.

Факт перехода пришлого населения в башкиры отразился и в правительственных указах: «...а которые (беглецы. – Д. Р.) вошли в башкирское имя, о тех до времени умолчать» (66: 408). Видимо, до поры до времени, вернее до середины XVIII в., этот факт не затрагивал интересы царского правительства. Однако в дальнейшем Русское государство берет курс на выявление и строгий учет податных душ Башкирии. Уже во время II ревизии (1745 г.) были сделаны попытки учесть каждое сословие в отдельности, зафиксировать также вновь перешедших крестьян.

Мероприятия по укреплению южных и юго-восточных границ (создание укрепленных линий Оренбуржья, введение в Башкирии

военного управления и т. п.) вызвали в свою очередь новую волну перехода населения Башкирии в башкирское сословие. В материалах 5-й и 6-й ревизий содержатся многочисленные сообщения о перечислении различных людей в башкиры (ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 561, л. 1; оп. 2, ед. хр. 35, л. 1118; ф. 172, оп. 1, ед. хр. 45, л. 81; ед. хр. 101, л. 96) и в казачье войско (ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, ед. хр. 56, л. 53 об., 71 об., 75 об.) Приведем еще некоторые факты: Никольская станица, заселенная татарами, в 1815 г. была полностью переведена в башкиры (ГАОО, ф. 98, оп. 2, ед. хр. 25, л. 142), в «посемейном списке о перечисленных в башкирское войско тептярях Белебеевского уезда, проживающих на даче Уршакминской и Куркульминской волостей», зарегистрированы следующие дд.: Верхняя Имай-Карамалы, Бектемирова (Ново Карамалы), Ташлы Шарыпово, Давлеканово, Япарово (ныне Давлекановский район). Как видно из источника, имайкарамалинцы жили в нас. п. Сафарово, ташлышарыповцы – Сайраново, Серзикову, Чувалкипово, Аминево, Султанаево (ЦГА БАССР, ф. 172, оп. 1, ед. хр. 98, л. 96). В 1814 г. были причислены в «башкирское звание» новопереселенцы (мишари, ясачные татары, мещанины, купеческие дети Сеитовского посада, люди, «поступившие в военную службу», незаконнорожденные и т. д.) из деревень Буинской, Курмышевской, Карсунской округей Симбирской, Алабужской округи Вятской, Белебеевской округи Оренбургской, Нижегородской, Казанской губерний и других (ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1116, л. 5, 6). Архивные источники свидетельствуют, что сословие башкир имело весьма пестрый состав. Так, в это сословие записывались не только татары, но и выходцы из «киргиз-кайсацкой Орды» Аксерка Токтабаев и другие, всего 109 человек муж. пола (1816 г.). Они жили в Стерлитамакском у., были наделены льготами на десять лет (ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1246, л. 28–62). В 1813 г. были переведены в башкирское сословие «кондуоровские татары» – 26 душ муж. пола (ГАОО, ф. 98, оп. 2, ед. хр. 25, л. 128–133) и др.

Уже в 1782 г., потом в 1812 г. были изданы указы Правительствующего Сената, предписывающие запрещение перехода в башкиры из податного народа (ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 2, ед. хр. 561, л. 2).

Этими указами велено было не включать в башкиры и тех, которые из собственно башкир случайно оказывались в числе податных.

Вследствие этого прошения крестьян различных категорий, хатайствующих о переводе их в башкиры или в тептяри, получали отказ (ЦГА БАССР, ф.2, оп. 1, ед. хр. 561, л. 1, 3) даже в тех случаях, когда принадлежность некоторых из них к собственно башкирским родам доказывалась родословными шеджере и свидетелями (ГАОО, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 36, л. 1–7). Правительству выгоднее было увеличение податного земледельческого, а не более привилегированного служилого сословия, которое с укреплением восточных границ Русского государства, в середине XIX в., вообще было упразднена.

Указом от 1863 г. башкиры окончательно были приравнены к податным крестьянам (127: 35). Но те, которые перешли в свое время в «башкиры», сохранили за собой это название и по сей день. Все это очень хорошо сохранилось в памяти населения и весьма четко отражается в легендах о заселении края, об основании сел и т. д., записанных татарскими диалектологами во время многочисленных экспедиций, проводившихся ими в течение многих лет на территории западных районов Башкирии¹.

Таким образом, в определенный исторический период термин «башкиры», «башкирец» обозначал: а) этноним, б) сословие. Особое привилегированное положение башкирского сословия, их право на вотчинное владение своими землями, массовый наплыв сходцев и их стремление устроиться на новых землях привели к проникновению в башкирское сословие выходцев из Среднего Поволжья, среди которых самыми многочисленными были татары.

Итак, нами вкратце рассмотрены некоторые вопросы истории формирования татар на территории современной Западной Башкирии. Как показывает вышеизложенное, этнолингвистические процессы в указанном ареале чрезвычайно сложны и данную проблему нельзя считать исчерпанной.

¹ См. об этом в диалектологических фондах ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, а также 105, III: 195–230; 105, IV: 47–83, 91–95, 121–131; 218: 475–568; 27: 88–100.

Глава II

ТАТАРСКИЕ ГОВОРЫ, РАСПРОСТРАНЕННЫЕ В ЮГО-ЗАПАДНЫХ РАЙОНАХ БАШКИРИИ

Выше на основе анализа литературы по истории Башкирии и архивных источников были рассмотрены некоторые моменты, связанные со сложными общественно-историческими событиями, происходившими на территории современной Западной Башкирии.

Естественно, все это не могло не отразиться на языке татар указанного региона. Наличием генетических связей тюркского населения региона с предками татар Поволжья объясняется отсутствие в говорах татар Западной Башкирии специфичных черт башкирского языка: именно в тот период были заложены основы общности татарских говоров Западной Башкирии с татарским языком. События же, происходившие после падения Казанского ханства, привели к окончательному утверждению общности этих говоров с татарским языком.

Татарские говоры юго-западной Башкирии сформировались в ходе сложных этнолингвистических процессов, процесса взаимовлияния языков: местного, близкого к языку предков поволжских татар, и татарского (основных его диалектов – среднего и мишарского), сохранившего в новых условиях свою исконную самобытность.

Передвижение поволжских татар в сторону Урала шло в основном по прикамским землям на северо-запад Башкирии. Затем, судя по архивным источникам, в XVIII в. происходила миграция населения оттуда в южном, восточном, иногда северном направлениях. В результате образовался ряд говоров (мензелинский, бирский, байкибашевский, пермский, красноуфимский, ичкинский, нагайбакский, златоустовский, стерлитамакский, абдуллинский,

каргалинский и др.), которые формировались примерно в одинаковых социально-исторических и культурно-экономических условиях и которые имеют ряд общих черт, возникших в результате контактирования их с различными говорами башкирского языка.

БЕЛЕБЕЕВСКИЙ ПОДГОВОР МЕНЗЕЛИНСКОГО ГОВОРА СРЕДНЕГО ДИАЛЕКТА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Анализ языкового материала показывает, что говор среднего диалекта юго-западной Башкирии является продолжением мензелинского говора. Однако в нем имеются и некоторые незначительные отличия, связанные с особенностями этнического формирования его носителей (мишарский компонент, незавершенность нивелировки в некоторых узколокальных группах и т. д.). Кроме того, на исследуемой территории при продвижении на восток постепенно исчезают ведущие черты мензелинского говора, уступая место вариантам, характерным для татарского литературного языка. В то же время в восточной ее части появляются особенности, характеризующие соседний стерлитамакский говор мишарского диалекта.

Исходя из этого говор среднего диалекта юго-западной Башкирии определяется нами как один из подговоров мензелинского говора и условно назван белебеевским, т. к. территория его распространения почти совпадает с границами территории бывшего Белебеевского уезда.

Фонетические особенности

Гласные. Система гласных белебеевского подговора мензелинского говора, как и татарский литературный язык, характеризуется наличием десяти гласных: *a, ə, ый, и, у, о, ө, ы, э*. По их артикуляции и употреблению исследуемый подговор также не отличается от татарского литературного языка¹. Зафиксированные нами диалектные отклонения сводятся в основном к звуковым соответствиям и некоторым другим явлениям, связанным с фонетическими процессами общетюркского характера. Перейдем к их рассмотрению.

¹ См.: например, образцы текстов, записанные у носителей данного подговора (105, IV: 54–59).

Соответствия гласных. 1. В некоторых словах звуку *и* татарского литературного языка соответствует широкий гласный *э*: *бик*//*бэк* (литер. *бик*) – очень (также и в заказанских говорах среднего диалекта и в ряде говоров мишарского диалекта), *кэм* (*ким*) – меньше.

На востоке и юге исследуемой территории употребление данного соответствия несколько активизируется: *кэтмән* (литер. *китмән*) – кетмень, *кэртэ* (*киртэ*) – жердь, *кэбән* (*кибән*) – стог, *кэштэ* (*киштэ*) – полка. Но: *пилмин* (*пилмән*) – пельмень. Наличием такой особенности белебеевский подговор сближается с такими татарскими говорами уральского региона, испытавшими влияние башкирского языка (168: 617), как мензелинский, бирский, говор пермских татар и др. (108: 57–85; 141: 130–131). Аналогичное явление имеет место и в мишарском и восточном диалектах (175: 29; 110: 42–43).

2. Как и в мензелинском говоре (108: 64; 27: 140), в ряде слов *у/ү* литер. ~ *о/ө* или *ы/е*: *топса* (литер. *тупса*) – порог, *жэоқа* (*йука*) – тонкий, *ақбор* (*акбур*) – мел, *шөрләү* (*шүрләү*) – побаиваться, *төбэ* (*түбэ*) – крыша, *чөмälэ* (*чүмälэ*) – копна; *былыр* (*булыр*) – будет, *былышу* (*булышу*) – помогать, *тыплау* (*туплау*) – 1) собирать, 2) диал. лежбище, *суйасың*//*сыйасың* (*суйасың*) – зарежешь, *мынча* (*мунча*) – баня, *мыйын* (*муйын*) – шея; *чылпан* (*чулпан*) – Венера, *намыс* (*намус*) – честь и т. д. В позиции перед среднеязычным *й* гласному *ы* (< *у*) ~ *и*: *бийау* (литер. *буяу* > *бийау*) – краска, красить; *бийақ* (*буяқ*) – эта сторона, *бийына* (< *буйына*) – в продолжение, в течение, *бийыл* (< *быйыл*, *бу йыл*) – ныне, в этом году, *Тимазы* – *Туймаза*. Ср. также: *сийыр* (*сыйыр*) – корова; *тийак* (*тегеяк*) – та сторона.

3. Как и в ряде подговоров мензелинского говора (2: 139), в некоторых словах, особенно по соседству с *ч*, литер. *е* и *ы* ~ *и*: *ич* (литер. *эч*) – живот, *пичән* (*печән*) – сено, *ичке* (*эчке*) – 1) внутренний; 2) напиток, водка, *ичү* (*эчү*) – пить, *чиргән* (*чергән*) – гнилой; *чиршы*//*чыршы* (редко) – ель, *ичқыну* (*ычкыну*) – вырываться, отделяться; *чиллә* (*челлә*) – пора самой сильной жары и морозов, *пычқы*//*пичқы* – пила и т. д. Также: *жигерләү* (*жегерләү*) – прясть, *инә*//*энә* – иголка, *теге*//*тиге* – тот и др.

4. *а ~ ы, э ~ е* в глагольных формах на *-ыр/-ер, -ырга/-ергә*: *оторга* (литер. *отарга*) – выиграть, *сатырга* (*сатарга*) – продать, *күмерлар* (*күмәрләр*) – похоронят, *төзәтәргә* (*төзәтергә*) – исправить, *өзәргә* (*өзәргә*) – оторвать, *йагырга* (*йагарга*) – топить и т. д.

Оно отмечено как в говорах среднего, так и мишарского диалектов (230: 46; 11: 107, 201; 116: 18; 27: 42, 141; 174: 84); распространено в ряде тюркских языков (55: 148; 220: 12; 19: 36; 221: 159; 73: 52, 55; 20; 21: 99; 56: 99; 60: 177; 70: 303, 386), зафиксировано и в памятниках древнетюркской письменности (25: 178).

5. Замена задних гласных передними и, наоборот, передних – задними: *жөн* (*йон*) – шерсть, *йәбешү* (*йабышу*) – держаться, *сәленү* (*салыну*) – свеситься, *чәк* (*чак*) – еле, *әлсә* (*алайса*) – тогда, если так, *кечерткән//қычыртқан* – крапива, *чыган* (*чегән*) – цыган и т. д.

6. Вставка гласных: *қарышы* (литер. *каршы*) против, *йөрөми*¹ (*йөрми*) – не ходит, *күреше*² (*күрше*) – сосед.

7. Выпадение гласных в начале слова: *шану* (литер. *ышану*) – верить, *йәңке//өйәңке* (*өйәнке*) – ива.

8. Губная гармония гласных, как и в большинстве говоров среднего диалекта, не имеет отклонений от орфоэпических норм татарского литератур. языка (232: 29–30): *қоро* (литер. графич. *коры*) – сухой, *тормош* (*тормыш*) – жизнь, *төлкө* (*төлке*) – лиса и т. д.

9. В отдельных словах гласные *е/ы* лабиализуются: *мәң* (литер. *мең*) – тысяча, *дөбөт* (*дебет*) – пух, *өлтерәп* (*йелтерәп* – *жилтерәп*) – весело и легко (ходить) и т. д.

Дифтонги. По своим характерным особенностям. В области дифтонгов белебеевский подговор проявляет большую общность также с мензелинским говором (108: 65; 27: 143; 230: 39; 13: 336).

1. Дифтонгу *-өй* в определенной группе слов соответствует а) *ү*: *үрәнү* (литер. *өйрәнү*) – обучаться, научиться, *үрә* (*өйрә*) – постный суп, *сүрәү* (*сөйрәү*) – волочить, *сөйли//сүли* (*сөйли*) – рассказывает, *күрәү* (*көйрәү*) – загореться, тлеть; б) *ә*: *кәмә* (*көймә*) –

¹ Так и в мишарском диалекте, в говоре пермских татар и т. д. Ср.: *йоры* – ходить.

² Также и в мишарском диалекте (110: 106) и в говоре пермских татар (141: 133). Көриш – сосед (34, т. II: 148).

лодка; в) иногда *-ий*: *сийлау* (литер. *сөйләү*) – рассказывать, *өй//ий* – дом и т. д.

Во всех остальных случаях, как и в татарском литературном языке, употребляется дифтонг *-өй*.

2. Дифтонг *-ай/-эй* sporadически выступает в глаголах изъявительного и желательного наклонений, в местоимении *нидэй* (< *ниндэй* < *нинди*) – какой и систематически в словах *үгэй* (литер. *үги*), *жизнэй* – зять, *тәпэй* (*тәпи*) – ножка. В юго-восточной и восточной части территории распространения белебеевского подговора (нас. п. Баязитово, Курманайбаш, Анясево, Каркали, Таукай-Гайны Миякинского и Айдарали, Яшырган, Турмаево, Янгурча Стерлибашевского районов и др.) дифтонг *-ай/-эй* в глагольных формах не употребляется.

Употребление дифтонга *-ай/-эй*, кроме мензелинского, характерно для бирского (108: 68), касимовского (107: 152), нукратского (230: 36; 37: 32) говоров среднего диалекта, для говора подберезинских кряшен (35: 42; 11: 58) и восточного диалекта (175: 35), письменных памятников татарского языка. В башкирском языке этот вариант является литературной нормой (55: 145). Широкий вариант дифтонга был исторически общим для татарского и башкирского языков (108: 65).

3. В следующих случаях литер. *-ай/-эй* ~ *-ый/-ий*: а) в уменьшительно-ласкательных аффиксах в составе некоторых терминов родства: *туткай//туткий* – сестра (старшая), *инэкэй//инакий* – мама, *эткэй//аткий* – форма обращения к свекру; *әңкэй//әңкий* – форма обращения к свекрови; б) в аффиксе *-лай/-лэй*: *икенчелий* – вторично, *бүтәнчелий* – по-другому, иначе; в) в слове *бийәлий* (также в мишарском диалекте; литер. *биялэй*) – варежка; г) в сравнительном аффиксе *-дай/-дэй*: *айудый биш* – пляшет, как медведь и т. д.

Согласные. По составу согласных фонем рассматриваемый подговор отличается от татарского литературного языка лишь наличием в нем интердентального *d*, который sporadически употребляется вм. литер. *з*: *bed* (литер. *без*) – мы, *йаңышасыд* (*йалгышасыз*) – ошибаетесь, *қыдым* (*қызым*) – дочь моя, *абдый* (*абзый*) – дядя, брат; *әдерлә* (*әзерлә*) – готовить, *тирәдә* (*тәрәзә*) – окно;

тудан (*тузан*) – пыль; *бидгэк* (*бизгэк*) – малярия, *дәңгәр* (*зәңгәр*) – голубой и т. п.

Интердентальный *d* выступает иногда и вм. смычного переднеязычного *d* в начальной позиции перед гласным или между гласным и сонорным согласным; в интервокальной, изредка и в начальной, позиции может происходить и полная спирализация¹. Примеры: *өйдә* (литер. *өйдә*) – дома, *дару* (*дару*) – лекарство, *дидем* (*дидем*) – говорила (я), *қодагый//қодагый* (*кодагый*) – сваха, *дәвәт//зәвәт* (диал. *дәвәт*) – нагрудное украшение, надеваемое через левое плечо, *қадақ//қадақ//қазақ* (*кадак*) – гвоздь, *надан//надан//назан* (*надан*) – неграмотный, *Идел//Изел//Идел* (*Идел*) – Волга, Белая или вообще река и т. п. Однако в подавляющем большинстве нас. п. превалирует употребление литер. *з*. Активное употребление *d* наблюдается в тех нас. п., население которых называется тептярями (с. Сараево Альшеевского, с. Алатана, Верхние Услы – Стерлитамакского, Менеуз-Тамак, Курманайбаш Миякинского районов и др.).

Интердентальный *d* встречается редко или вообще отсутствует в нас. п., которые были основаны главным образом служилыми татарами и государственными крестьянами: Киска-Елга – Буздякского, Таукай-Гайны, Айдарали, Каныбек (когда-то были крещеными, потом вернулись в мусульманство) – Миякинского, Ст. Санны – Благоварского, Турмаево, Янгурча – Стерлибашевского, Казанлы-Тамак Белебеевского районов и др. (ЦГА БАССР, ф. 139, оп. 1, ед. хр. 144, л. 936; ед. хр. 167, л. 23–25 и т. д.).

В пределах Федоровского района, южной части Стерлибашевского района спирант *d* вообще отсутствует. Этот регион в основном был заселен татарами Сеитовский словоды (104, IV, ч. 1: 157, 104), которые являлись выходцами из Казанского уезда (ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, ед. хр. 2450, л. 23–89 об.).

Соответствия согласных. 1. Начальному *й* литературного языка нередко соответствует *ж*: *йәшел//жәшел* – (литер. *йәшел*, графич. *яшел*) – зеленый, *йаңгыр//жаңгыр* (*йаңгыр*, графич. *яңгыр*) –

¹ Изоглосса этого явления охватывает вес мензелинский, также и мамадышский (казанской группы говоров), параньгинский и нукратский говоры среднего диалекта (230: 38; 7: 146; 108: 61; 138: 339; 27: 131; 36: 108; 37: 28).

дождь, *йул//жул* (*йул*, графич. *юл*) – дорога и т. д. В середине сложных слов: *арҗақ//арйақ* (литер. *арйақ*, графич. *арьяк* – та сторона, *берҗулы//берйулы* (*берйулы*, графич. *берьюлы*) – сразу, *алиапқыч//алҗапқыч* (*алиапқыч*, графич. *альяпқыч*) – передник и т. д. Явление *ж//й* распространяется и на арабские и персидские заимствования с начальным *жс*: *жан//йан* (литер. *жан*) – душа, *жафа//йафа* (литер. *жәфа*) – мука, мучение, *жаван//йаван* (*жавап*) – ответ и др. *Ж* часто употребляется вм. *й* и в середине заимствованных слов: *мөрҗә //* (редко) *мөрийә* (литер. *морҗа*) – печь, дымоход; *дөнҗә//дөнья* (литер. *дөнья*) – мир, свет; *сабранйа//сабранҗә* – собрание; *варинҗә* – варенье, *фамильйа//фамилҗа* – фамилия и т. д.

Жоканье является характерной особенностью среднего диалекта (39: 11). Спорадический характер жоканья обусловлен, видимо, процессом взаимодействия говоров среднего и мишарского диалектов татарского языка, с одной стороны, и влиянием башкирского – с другой.

2. По употреблению согласных звуков *ч* и *с* исследуемый говор совпадает с татарским литературным языком: *чәч* – волосы, *сиңа* – тебе, *чәчкә* (литер. *чәчәк*) – цветок, *су* – вода и т. п.

В Туймазинском, Еремеевском и Белебеевском районах отмечены отдельные случаи употребления *с* вместо *ч* в слове *этәс* (литер. *этәч*, башк. *этәс*) – петух. Ср. также: в северо-западных районах БАССР (108: 63) и в некоторых мишарских говорах.

Соответствие *с ~ ч* имеет место в ряде говоров среднего диалекта: касимовском (107: 142), нурлато-кайбицком (139: 43; 11: 202), дубьязском (230: 21), также в отдельных мишарских населенных пунктах (110: 84).

3. Фарингальный *h* опускается в слове *уш* (< *һуш*) – сознание и спорадически в следующих словах: *һич* – нисколько, ничуть, никак, *аман ~ һаман* – все время, всегда; *әйбәт ~ һәйбәт* – хорошо, *өнәр ~ һөнәр* – промысел и т. д. В интервокальной позиции зияние восполняется сонорным *й*: *Фәйем* (< *Фәһим*), *Шуйан* (< *Шуһан*) – имена собственные и т. д.

4. Губно-зубной звук *в* в русских заимствованиях заменяется в говоре другими звуками, близкими по артикуляции, или же

вообще опускается. *в > w*: *сәwet* – совет, *пыхавай* – пуховый, *жәнwәлит* – инвалид, *wәйәнни* – военный; *в > б*: *пиннек*–*биннек* < веник, *эрбизийә* – ревизия, *кәмбирт* – конверт, *дийәблинжә* – заявление; *в > нуль* звука: *агус* – август.

Этими особенностями подговор наибольшее сходство обнаруживает с мензелинским говором (108: 62; 138: 343).

5. Лишь в ограниченном числе слов наблюдается соответствие *х ~ қ*: *waқыт*//*waхыт* – время, *хәдәр*//*қәдәр* – послелог «до»; *хатын*//*қатын* – жена, женщина.

6. Случаи озвончения или оглушения. *д ~ т*: *Маматыш* (литер. *Мамадыш*) – название нас. п.; *тары*//*дары* (*тары*) – просо, *тулқын* (*дулқын*) – волна; *г ~ к*: *гәпиә* (*кәпиә*) – трубчатый стебель; *чикә* (*чигә*) – висок; *көнжәлә* (*гөнжәлә*) – сверток шерсти; *тәлкәш* (*тәлгәш*) – кисть, гвоздь; *сеңкер* (диал. *сеңгер*) – жила; *с ~ з*: *жәиләз* (*жәиләс*) – прохладно.

7. *б ~ м*: *бәке* ~ *мәке* – прорубь, *бөрө* ~ *мөрө* – почка, *поши* ~ *мышый* – лось (последнее на всей территории распространения исследуемого подговора). Варианты с начальным *б* (*бәке*, *бөрө*) распространены в Туймазинском и Белебеевском районах. Их территория распространения совпадает с изоглоссой *әтәс*. К востоку и югу, т. е. в Миякинском и Альшеевском районах и далее на восток исследуемой территории, выступает вариант с начальным *м* (*мөрө*, *мәке*).

В татарских говорах наблюдается следующая картина: употребление *м* вм. литер. *б* имеет место, кроме мишарского диалекта (33: 99; 109: 130), в основном в таких говорах, которые сформировались в приуральском ареале (108: 68, 72; 218: 43, 184, 359; 138: 97; 27: 32).

8. *л ~ н*: *тешнәү*¹ (литер. *тешләү*) – кусать; *нәзәтле* – вкусный, доставляющий удовольствие; *қатнау* (*катлау*) – складывать слоями; *йондоз*//*йолдоз* (*йолдыз*) – звезда.

¹ Также в ичкинском, сафакульском говорах (218: 191, 362), и в говоре кряшен (27: 37) и пермских татар (138: 98).

9. Соответствия согласных, которые выступают в единичных примерах. *т ~ к*: *жәкәмеш*¹ (литер. *жәтәмеш*) – семьдесят; *ш ~ ч*: *ачаулық* (литер. *ашъяулык*) – скатерть; *н ~ р*: *үткер* (*үткен*, башк. *үткер*) – острый; *м ~ н*: *йавым//йавын* (литер. *йавым*, графич. *явым*) – осадки, *агым//агын* (*агым*) – течение, проточная (вода);

Большинство этих слов в таких же фонетических вариантах характерно для других татарских говоров.

Ассимиляция. 1. В следующих словах начальные переднеязычные *ч* и *с* подвергаются полной регрессивной ассимиляции: *чиш//шиш* – развяжи, *чимә//шимә* – ключ, родник, *чаршау//шаршау* – занавес, полог, *шишәмбе* (*сисәмбе*) – вторник и др. Ср.: также и в говорах среднего диалекта.

2. Звуки *л*, *н* в позиции перед согласными *к-г*, *қ-ғ* подвергаются частичной регрессивной ассимиляции, уподобляясь по месту образования: *жаңғыз* (литер. *ялғыз*) – одинокий, *жаңғыш* (*ялғыш*) – нечаянно, ошибка, *урманға* (*урманга*) – в лес, *килгәңгә күрә* (*килгәнгә*) – потому что пришел и т. д. В речи старшего поколения иногда *жаңғыз//жаңыз*, *жаңғыш//жаңыш*.

3. Полная регрессивная ассимиляция наблюдается при присоединении аффикса сказуемости I л. ед. ч. или частицы вопроса к словам, оканчивающимися на *н*: *баргаммын* (литер. *барганмын*) – оказывается я ходила, *симме* (*синме*) – ты что ли и т. д.

4. Переднеязычный *н* в позиции перед губно-губным *б* ассимилируется частично – по месту образования и переходит в *м*: *гәмбагыш* (*көнбагыш*) – подсолнух, *умбер* (*унбер*) – одиннадцать, *баргамбыз* (*барганбыз*) – оказывается ходили. Эти особенности совпадают с орфоэпическими нормами татарского литературного языка.

5. В словах *чүкеш*, *чөшлө*, *чешү* вм. литер. *чүкеч* – молоток, *шөшлө* – кочедык, *шешү* – опухать имеем случай частичной диссимиляции. Это явление носит в подговоре спорадический характер.

Все перечисленные особенности имеются также в других говорах среднего диалекта.

¹ Аналогичный вариант отмечен в нурлато-кайбицком (17: 196, 197), ичкинском (218: 191), мелекесском (110: 78) говорах.

Выпадение согласных. 1. Губно-губной смычный звук *б* в интервокальной позиции произносится с ослабленной смычкой и звучит как нечто среднее между *б* и губно-губным щелевым *w*: *тэб^wэш//тэбэш* – низко, низкий; *жиб^wэк//жибэк* – шелк и т. д.

В следующих словах *б^w* параллельно с *б* выступает вместо литер. *w*: *чоб^wан//чобан* (литер. *чуван*, графич. *чуан*) – чирей; *чоб^wар//чобар* (литер. *чувар*, графич. *чуар*) – пестрый, *жоб^wат//жобат* (литер. *йушат-*, графич. *юат-*) – утешать, унимать. Так же в мишарском диалекте и в говоре пермских, златоустовских татар среднего диалекта.

При образовании деепричастий на *-ып/-еп* спирантизируется конечный корневой *б* (< *-n*): *қавып* < литер. *кабып* от глагола *кап-*, *йавып* < *йабып* от глагола *йап-* и т. д. (что соотв. орфоэпическим нормам татарского литературного языка).

2. Выпадают согласные *з*, *г* в интервокальной позиции. При этом однородные гласные дают один долгий звук: *белмәңгә* (литер. *белмәгәңгә*) *күрә* потому что не знает; *чып//ч̄ып* (*чыгып*) – выходя; *те* (*теге*) – тот и т. д.; или, если соседние гласные различны, то между ними возникают сонанты *w* и *й*: *нийә* (литер. *нигә*) – почему, зачем, *түвөл* (*түгөл*) – не есть, *йуwalу* (*югалу*) – теряться и т. д.

3. Выпадает сонант *й* в интервокальной позиции вместе с последующим гласным: *тин* (< литер. *тийен*) – копейка, *жип бирде* (< *жийып* < *жыеп*) собрал и отдал, *сирчық* < *сийрчық* (< *сыерчык*) – скворец и т. д.

4. Выпадает в ряде слов звук *w* вместе с последующим гласным: *суқ//с̄уқ//сууық* (литер. *сууық*, графич. *суык*) – холодный; *қуш//қ̄уш//қууыш* (литер. *қууыш*, графич. *куыш*) – навес над погребом; *с̄унды//сунды//сууынды* – остыл и т. д.

5. Выпадение других согласных. *л*: *нишисең*, *нишетә*, *нишәп* (*ни эшләү*) – что делать; *көчәп* (*көчләп*) – насильно; *м*: *қапа-қаршы* (< *калма...*) – противоположный; *й*: *қасы* (< *кайсы*) – который; *қачы* (< *кайчы*) – ножницы; *н*: *асат* (< *ансат*) – легко, удобно; *нидәй//нинди* – какой; *мунча//муча* (редко) – баня; *т*: *тапау* (*таптау*) – растоптать.

6. Сокращение геминированных согласных. *нн>н*: *Зинур* (и. с.); *кигәнәр* (*кигәннәр*) – одевали и т. п.; *кк > к*: *чықан* (*чыккан*) – вышел и т. п., *тамақайым* (*тамаккайым*) – горлышко мое; *мм > м*: *қыймәт* (*қыйммәт*) – дорого; *сс>с*: *жаратмасыз* (*яратмассыз*) – не понравится вам; *лл>л*: *әлә* (*әллә*) – разве; *зз>з*: *нәзәтле* (*ләззәтле*) – сладостный, вкусный.

7. Выпадение звукосочетаний: *әлә* (*алайса*) – коли так; *иләшү* (литер. *ийәләшү*, графич. *ияләшү*) – привыкать.

Поскольку сокращение геминатов в татарском языке менее распространено, чем, например, в башкирском, казахском, киргизском и других языках, это явление следует рассматривать как результат влияния башкирского языка. См. также об этом: 228: 131.

Вставка согласных. 1) Как и в ряде говоров татарского языка, в конце послелогов и деепричастий на *-ганчы/-гәнче* добавляется согласный *к* или *қ*: *чақлық*, *тиклек*, *хәтлек* – послелогои, *киткәнчәк* – прежде чем уйти и т. д. В юго-западной части территории распространения исследуемого подговора это явление охватывает более широкий круг слов. Например: *лутчық* – лучше, *йалганчық* (литер. *ялганчы*) – обманщик, *ичмасақ* (*ичмаса/ичмасам*) – хоть бы, *тагын дақ* – опять, снова и т. д.¹

2) Вставка *р* (также и в мензелинском говоре: 230: 40; 7: 147; 108: 64; 138: 342) *шартлану* (литер. *шатлану*) – радоваться, *қортлау* – поздравлять, *себертке* – метла, *қычыртқан* – крапива и т. п. Это явление в Ермекеевском, Белебеевском районах не зафиксировано. Ср.: в говорах пермских татар (138: 108) и нагайбакских крышен (218: 52), в мишарском (11: 94–95) и восточном (230: 82) диалектах.

3) Вставка *з*, *г* в соседстве с глубокозаднеязычным *ң* в интервокальной позиции: *шуңынчы//шуңынчы* – до тех пор, *иңгелек* – прежде всего, *оңгай* (литер. *уңай* – удобный, направление и т. д.) – все время, постоянно. Ср. также: *жаңгыз//жәңыз* – один, одинокий; *жаңгыш//жәңыш* – ошибочно, ошибка; *жиңгәчәй//жиңгәчәй* – сноха.

¹ Ср. *шыртык* – спичка в говоре подберезинских крышен (11: 58) и т. д.; *тагыдак та* в ичинском говоре (218: пример на с. 280), *йазмыйчак* в говоре ставропольских татар (13: 74) и другие.

Наличием этой особенности белебеевский подговор обнаруживает сходство с такими говорами татарского языка, испытавшими влияние ногайского языка (110: 98), как заказанскими (230: 21; 36: 106), нагорными (35: 43), касимовским (107: 154), сергачским (110: 98). Ср. также и в бурзянском говоре башкирского языка (100: 87).

Элизия. 1. Если следующее слово начинается на гласный, то конечные согласные предыдущего слова озвончаются: *диб эйтте* – сказал, *ашамтыг эйбер* – пища, кушанье, *йуг эле* – нет еще и т. д.

2. Ассимиляции подвергаются и сонорные *м, н, ң*: *йамбашы* < *ян баш* – бедренная часть тела; *йалаң гына* – лишь степь; *мим бай түгел* – я не богат и т. д.

3. В словосочетании, где первое слово является деепричастием на *-ын/-еп*, а второе начинается на *б*, происходит регрессивная ассимиляция, причем сдвоенные *бб* сокращаются: *йарылыбеткән* < *йарылыб беткән* < литер. *йарылып беткән* – растрескался, *күтәрәбәрде* – поднял и ударил, *алыбетер* – заведи все и т. д. Также и в мишарском диалекте и в говорах, которые сформировались в соприкосновении с башкирскими говорами.

4. В сочетании с послелогом *ише* у местоимений выпадает окончание притяжательного падежа, *анише (аның ише)* – подобие его, *шунеше* – наподобие того, *монеше* – наподобие этого¹, что наблюдается и в заказанских говорах.

5. Изменения на стыке двух слов наблюдается в неопределенных местоимениях, образованных с частицей *әллә*: *әл нәмәрсә* < *әллә нәмәрсә* (< литер. *әллә нәрсә*) – что-то; *әләйшәп/әләйшләп* (*әллә ни эшләп*) – почему-то, *йәллә йеди/әлләйди* (< *әллә нинди*) – какой-то.

6. Происходит перестановка конечных звуков в слове *йегерме* (литер. *егерме*) в сочетании с числительными начинающимися на губно-губной *б*: *йегерембиш* – двадцать пять, *йегерембер* – двадцать один. Ср.: также в мишарском диалекте (110: 93; 11: 165, 166).

¹ Ср. казах, *менімен* – со мной, *онымен* – с ним, с ней, *сенімен* – с тобой (161: 230).

7. В местоимениях в сочетании с послелогом *кебек* иногда выпадает согласный *ң*: *моно кебек*. Эта особенность несколько активнее выступает в соседнем мишарском говоре. Она известна в говоре южной части Мордовии и в Кадомском районе Рязанской области (110–124).

Метатеза: *чәчкә* (литер. *чәчәк*) – цветок, *күгәлә* (*күләгә*) – тень; *чиккән* (*чикмән*) – чекмень, *торныша* (*торыпша*) – полог. Также и в башкирских говорах.

Ряд слов подговора отличается от своих эквивалентов в татарском литературном языке по фонетическому оформлению: *соңадан* (литер. *соңыннан*) – потом, *синиль* – *сирень*, *аңгарту* (мишарский вариант; литер. *аңлату*) – объяснить, *чәйгүн* (*чәйнек*) – чайник, *билдә* (*билге*) – знак, *дисбе* (*тәсбих*) – четки, *йаланча//йалангач* (*ялангач*) – голый и др. Большинство из этих слов употребляются в башкирском языке также с метатезой.

Таковы наиболее характерные фонетические особенности белебеевского подговора.

Грамматические особенности

Имя существительное. Категория числа, принадлежности и склонения имен существительных в данном подговоре выражается теми же средствами и способами, что и в татарском литературном языке. Имеются лишь следующие отклонения.

1. К именам существительным с аффиксом принадлежности I и II л. ед. ч. могут присоединяться аффиксы и кыпчакского, и огузского типов: *улымны//улымы* – моего сына, *чәчләреңне//чәчләреңе* – твоих волос, *алжапқычымны//алжапқычымы* – мой передник и т. д.

Это явление отмечено в различных говорах как среднего, так и мишарского диалектов.

2. Ласкательно-уменьшительная форма существительных, как и в литературном языке, образуется с помощью аффикса *-қай(-кәй)*: *балақайым* – деточка моя, *Бинирқайым* – Венерик мой и т. д.

Этот же аффикс может присоединиться к абстрактным существительным или существительным, выражающим неодушевлен-

ные предметы: Пичкә йактым, *йылықай* булсын – Затопила печку, чтобы было тепленько. *Хәтеркәйем* йуқ – Памяти у меня нет.

Указанная особенность является одной из характерных особенностей татарских говоров, распространенных на территории БАССР.

Аффикс *-кай/-кәй* при присоединении к словам, обозначающим в основном людей, и к местоимению *нәрсә* может утрачивать эмоционально-экспрессивную окраску: Теге *хатынқай* эйтмәгән – Та женщина не говорила. Ул *иркәй* зур кеше булган – Тот мужчина (тоже) был важным (человеком). Монау *қызықай* ыслақтан – Вот эта девушка из деревни Слак. *Нәстәкәй* эшлисең әле? – Что ты делаешь сейчас?

Изоглосса распространения этого явления начинается уже с восточных районов ТАССР (Материалы экспедиции в Агрызский район ТАССР; 27: 146).

Местоимения. По лексическому составу, семантике и употреблению местоимений исследуемый подговор также очень близок к татарскому литературному языку. Вместе с тем имеются и некоторые отклонения.

1. Личное местоимение *мин* в родительном падеже, параллельно с литературной формой *минем*, употребляется и в форме *минең*: *Минең* (литер. *минем*) *бала-чага* – Мои дети. *Минең* абзый – Мой старший брат. *Минең* эчәсе килми – Мне не хочется пить и т. д.

Вариант *минең* характерен для мишарского диалекта (110: 123; 202: 132), имеется в ряде говоров среднего диалекта, распространенных на Приуральском ареале (108: 76; 140: 100; 219: 117; 189: 89) и в восточном диалекте (175: 99, 101 и др.). Он зафиксирован в памятниках древнетатарской и древнетюркской письменностей (32: 206, 217, 260, 263; 3: 52), характерен также для большинства тюркских языков.

2. Дательно-направительной падеж личных местоимений I и II л. ед. ч. имеет несколько вариантов, *мийә//мийа//миңә; сийә//сийа//сиңә*. Доминирующей является *мийә, сийә*. Примеры: Син *мийә* эйт – Ты скажи мне. Шул вахытта *мийа* қыстыбый китерде –

Тогда (она) принесла мне кыстыбый. *Сийә* матур кызлар керткән нәр – К тебе поселили красивых девушек. *Сиңәме?* – Тебе, что ли? Аның бийанасы *миңә* туган – Ее свекровь мне родня. Ср.: *миа*, *сиа* в дубьязско-атнинском говоре заказанской группы говоров среднего диалекта (230: 20–21); *миңә//мийә* в говоре пермских татар (140: 100), ичкинском, сафакульском (218: 251, 405–406) и *мыйа*, *сыйа//сийә* в нагайбакском говорах (218: 80).

3. Имеет место двойное склонение личных местоимений в пространственных падежах: *мийәргә//миңәргә//миңарга*, *мийәрдән//миңәрдән// миңардан*, *мийәрдә//миңәрдә//миңарда*. *Миңардан* сорамагыз – Не спрашивайте меня. *Пичәт миңәрдәйе* – Печать была у меня. *Сиңәрдә* торсон – Пусть у тебя будет.

Такое явление характерно для бирского (108–68), златоустовского (189: 89) говоров среднего диалекта.

Указательные местоимения: *бу//бы*, *шул*, *теге*, *ул//у* (редко), *мондый*, *шундый*, *андый*, *тегендий*.

1. Местоимение *бу//бы* – этот при склонении иногда сохраняет начальное *б*: *буны* (литер. *моны*) – это, *бынан* – отсюда.

2. Характерной особенностью говора является наличие в нем указательных местоимений *анау//анаву//анавы//ана^у* (тат. литер. *әнә ул* – вон тот) и *монау//монаву//монавы//мона^у* (*менә ул*) – вот этот, восходящих к сочетанию указательных частиц *әнә*, *менә* с местоимением *у* (< *ул*): *Анау* (литер. *әнә ул* или *шул*) лафка кырында – Вон у той лавки. *Анавы* сөтне песәйгә бир – Вон то молоко дай кошке. *Анаву* жақ урамнар сафсим буш ийе – Вон та сторона улицы была совсем пустой. *Монавумы?* – Вот этот, что ли? *Монау* таудан – Вот с этой горы.

Местоимения *анау*, *монау* в белебеевском подговоре часто принимают аффиксы принадлежности, лица, падежа, встречаются в некоторых устойчивых выражениях и т. д.: *Монаусы* матур (литер. *монысы*) – Вот этот красивый. *Әнә усының* (*шунсының*) лампычкысы йүк – Вот у той нет лампочки. *Тарма мона улай* (*болай*) озон була – Конопля бывает вот такая высокая. *Бсзнең авыл* ана ундарак булган – Наша деревня была расположена несколько дальше (досл. вон там). *Менә монауда* (*монда*) урыс авылы – Вот

здесь русская деревня. *Монаулар (болар)* карайды – Эти почернели. *Монау арада (бу арада)* – на днях.

По своей семантике местоимения *анау, монау* выражают конкретность, указывают на более определенный предмет, что неоднократно отмечалось также и другими исследователями (218: 255).

Местоимения *анау, монау* употребляются преимущественно в таких говорах татарского языка, в формировании носителей которых участвовал ногайский компонент (168: 629, 110: 237 и др.), также и в восточном диалекте (175: 56). Они характерны в основном для кыпчакских языков (71: 247; 161: 234, 55: 100, 21:79 и др.).

Вопросительные местоимения: *кем, ний, нәрсә//нәрсәкәй//нәстә//нәстәкәй//нийәстә//нийәстәкәй//нәмәрсә//нәмәрсәкәй, ничә, ничек, кайсылай, нихәлле, ник, нигә//нәрсәкәйгә// нәмәрсәгә//нийәстәкәйгә* и т. д.; *күпме, кайа, қайан, қайчан//қачан, қайсы, нинди*. Примеры: *Нәрсәкәй сөйлләр, бич йаза барасыз* – Все, что рассказывают, записываете. *Нийәстәкәй сора, шуны бирә ул* – Что ты попросишь, все отдает он и т. д.

Употребление местоимения *нәрсә* и его вариантов с аффиксом *-қай/-кәй* характерно для говоров, контактирующих с башкирским языком. *Нәстә* – характерный вариант для мишарского диалекта, имеется и в говорах среднего диалекта. *Кайсылай* (литер. *ничек*) – каким образом, как: *Йазышасыз да йазышасыз, қайсылай эшкәртеп бетәрсез* – Пишете и пишете, как справитесь с обработкой. *Нихәлле* – как, каково, употребление ограничено: *Бы йагы нихәлле* – Как, какова эта сторона? *Бийыл бодай нихәлледер* инде – Неизвестно, какова будет в этом году пшеница. *Ул тәрәзәне ачсаң нихәлле булып?* – Как (каково) будет, если откроем то окно?

Вопросительное местоимение *қай* может принимать двойной аффикс принадлежности: *Қайсысын әйтәсең?* – Про которую говоришь? Также и в ряде говоров татарского языка (230: 57; 35: 40; 116: 145; 9: 218, 172).

Местоимения *шундый, нинди* с аффиксом *-ын* могут выражать восклицание, удивление и т. п.: *Шундыйын тирән су аға!* – Такая глубокая река течет. *Ниндийен йакшы кешеләр бар!* – Какие хорошие люди есть. Так же в мензелинском говоре среднего диалекта

(138: 367), в восточном диалекте (175: 61) и в некоторых говорах башкирского языка (221: 156).

По лексическому составу, семантическим функциям и грамматическим показателям определительных (*бары, һәр, һәрбер, һәммә, барлық, бөтөн*), возвратных (*үз* и др.), неопределенных (*әллә кем* и т. д.; *кемдер, нәрсәдер* и др.), отрицательных (*беркем, бернәстә, һичқайчан* и т. п.) местоимений белебеевский подговор не отличается от татарского литературного языка.

Глагол. Залоговые формы, способы образования аспектов и наклонений глагола те же, что и в литературном языке. Однако в подговоре и в категории глагола имеют место некоторые отклонения диалектного характера. Рассмотрим их.

Изъявительное наклонение. 1. I л. ед. ч. настоящего времени изъявительного наклонения иногда имеет форму *-ыйым/-ийем*: Әл дә сүлийем эле мин әбигә – Я и теперь еще рассказываю бабушке. Сезде жаратып *жырлыйым* – Пою из любви к вам.

2. II л. мн. ч. настоящего и будущего времен изъявительного наклонения, а также прошедшего результативного времени в ряде нас. п. различных районов спорадически выражаются посредством сложного аффикса *-сыгыз/-сегез* вм. литер. *-сыз/-сез*. Примеры: Берегез генә *керәсегез* инде – Зайдет (букв. зайдете) только одна из вас. *Сусагансыгыд* икән – Оказывается, пить захотели. Бер әби жырлад(ы) эле дип *көлөрсегез* үзегез – (А) сами будете смеяться надо мной, мол, пела одна старуха. Мистедә ашығыз бар, йылытыб *эчәрсегез* – в кастрюле ваш суп, разогреете и скушаете. Сед асыл сайын *йорисегедме?* – Вы ездите по всем деревням, что ли?

Эта особенность встречается и в других говорах среднего диалекта (230: 31; 38а: 8; 168: 637; 231: 306, 371, 374), характерна в основном для кыпчакских языков (55: 145; 114: 133; 161: 328; 31: 19), имеет место и в языках огузской группы (154: 53).

3. Настоящее время изъявительного наклонения в I л. ед. ч., как и в литературном языке (177: 127, 128), имеет полную и усеченную формы: Мин аларны жақшы *беләмен* – Я их знаю хорошо. Иптәшемә *әйтәмен*, шында гына утырыйҥ эле димен – Говорю товарищу, давай-ка посидим здесь и т. д.

Это явление распространено в мишарском диалекте (110: 140; 168: 636–637) и в некоторых других татарских говорах (138: 356; 218: 54, 374–375; 174: 81; 225: 210; 168: 636–637).

4. Будущее время на *-ыр* в I л. ед. ч. употребляется как в полной, так и в усеченной форме. Примеры: Мин *үзем бэйләрем* – Я сама свяжу. Мин сезгә *курсәтермен* эле – Я вам покажу. Аларга кереп *чыгарым* – Зайду к ним. Кергәч *әйтерем* – Скажу, когда зайду.

После основ на согласный *p* выпадает показатель времени: Карлығаннап чэй *эчерем* дигән ийем мин сезне – Хотела я напоить вас чаем со смородиной. *Сатарым* – Продам. *Барым, барым, йарар* – Пойду, пойду, ладно. Эти явления широко распространены в говорах всех трех диалектов татарского языка (109: 139; 225: 213; 110: 144; 36: 112; 35: 56; 380: 11–12; 174: 81; 190: 14 и др.).

5. Прошедшее многократное время глаголов изъявительного наклонения в подговоре, как и в большинстве говоров среднего диалекта (168: 636), имеет три формы выражения.

а) *а- торган иде* (литер. форма): Элек бик шәп была *торган ийе* бездә читләвек – Раньше у нас (урожай) орехов бывало очень много; б) *-адыр -иде*: Әби-сәби дәвәт *кийәдер ийе* – Бывало, старушки носили перевязь; в) *-ыр -иде* (выражает обычный или регулярный характер действия): Жатып *жәқлар ийе* – Бывало, ляжет и поспит; Бөрәңге *чәчәр ийек* – Бывало, сажали картошку.

И н ф и н и т и в . Для белебеевского подговора характерна литературная форма инфинитива на *-ырга/-ергә*: *күрергә* – видеть, *алырга* – взять, брать и т. д.

В некоторых нас. п., в частности, в Нижн. Сардыке (Туймазинского района), Таукае-Гайны (Миякинского района), Кыска-Елга (Буздякского района) и др. В речи старшего поколения зафиксированы диалектные формы инфинитива на *-мак, -ма* и *-мага* в сочетании с модальным словом *кирәк*: Төбә ничек *буйамақ кирәк*, изән бийап күз тондо – Как можно красить потолок, пока пол красила, совсем устала. Аңа өй *житкермәгә кирәк* – Ему надо построить дом. Запасқа эпәй алып *чықма кирәк* – Нужно захватить с собой хлеба про запас и т. д.

Конструкция *-мак* плюс модальное слово *кирәк* особенно активно выступает в мензелинском говоре.

Инфинитив на *-ырга* сочетается с глаголами *башлау* (начинать), *белу* (уметь) и соответствует при этом деепричастию на *-а (-ә)/-ый* литературного языка. Примеры: *Белмим мин жырларга* – Я не умею петь. *Сигез йәштән башлылар укырга* – Учиться начинают с восьми лет.

Именная форма глагола, как и в литературном языке, передается формой на *-у/-ү*. В речи старшего поколения изредка наблюдается употребление и формы на *-ыш/-еш*: *Жирне карамыйчы ғына килеб утырыш булмай* – Не заселяются, пока не посмотрят место. *Мәйтәм, укымыш йүк, үз белдегем белән генә* – Говорю, грамоты нет, лишь самоучкой.

В образовании залоговых форм имеются лишь некоторые отклонения от норм татарского литературного языка. 1) Понудительный залог от глагола *мен-* подниматься имеет форму *мендер* (тат. литер. *менгез*, диал. *меңгер, менгер*): *Матча мендергәндә тастымал бэйлиләр* – Когда поднимают матицу, привязывают полотенце и т. д.; 2) Употребляются параллельно такие формы, как: *кигез//кидер//кигер* (от гл. *ки* – одевайся), *үткәр//үткәз* (от гл. *үт* – проходи и т. д.), *тигед(з)//тигер//тидер//тийер* (от гл. *ти* – касаться и т. д.), *йатқыз//йатқыр* (от гл. *ят* – лечь) и т. д.; 3) Определенная группа глаголов употребляется в иной, чем в татарском литературном языке, залоговой форме. *Бет* (литер. *бетер*): *Эшләрен эшләп беткәннәр* – (Они) закончили свои дела. *Улым иныститут бетте* – Мой сын закончил институт. *Йазышу (язу)* – писать, заниматься писаниной: *Әллә сез ашағанда да йазышыб утырасызмы?* – Или вы и во время еды пишете? *Очрау (очрату)*: *Теге тырактарисларны кайа очрадың* – Где (ты) встретил тех трактористов. *Пычрау (пычрату)*: *Пычрый да* – үземә тазартырға – Испачкается, и мне приходится чистить. *Суу (суыну)*: *Суып китмәс микән* – Не остынет ли. *Алдау (алдау)*: *Аман алдамып торалар* – Постоянно обманывают.

Аналогичного типа смещения в употреблении залоговых форм особенно характерны для татарских говоров уральского ареала,

имеются и в говоре нукратских татар, отмечаются также и в других тюркских языках (в башкирском, гагаузском, казахском, ойротском и др.).

Отличия в управлении глаголов. а) Глагол *атлану* управляет не направительным, как в литер. языке, а основным падежом: *ат атланып//ат менеп* (литер. *атка атланып*) верхом, *лисәпит атланып* – на велосипеде и т. д.

б) Глагол *утыру* управляет исходным падежом: *Утырыгыз урындықтан* (литер. *урындыкка утырыгыз*) – садитесь на стул.

в) При глаголах движения название пункта направления, в отличие от литературного языка, употребляется в основном падеже: Примеры: *Баләбәй китә* (литер. *Баләбәйгә*) – Уезжает в Белебей. *Чақмагыш барганмы?* – Ездил в Чекмагуш? *Гәйнәдән Ыслак китәсең* – Из Гайны едешь в Слак. *Шатман төшәсез* инде – Придется вам сойти в Шатмане. *Колоп мендеңме?* – В клуб ходил, что ли?

Это явление имеет место в мишарском диалекте (110: 114) и особенно активно выступает в тех татарских говорах, которые распространены на территории Приуралья и Зауралья.

Формы, выражающие желание, намерение. 1. I л. ед. ч. желательного наклонения изредка образуется при помощи аффикса *-ыйы/-ийе*, т. е. как и в мишарском диалекте: Мин бөтөннэй *апчыгийым* эле, үземә дә кирәгер – Возьму-ка все, и самой пригодится. Мин синең белә *барыйым*, *ди* – Пойду-ка я с тобой, говорит и т. д.

2. Наряду с формами литературного языка (*-асы кил-, -макчы бул-*), намерение сделать что-либо выражается и конструкцией инфитив на *-ырга/-ергә итү* (*булу, исәпләү, уйлау, йөрү*) и т. д.: Гуртка *барырга булдық* шулай – Как-то задумали ехать в город. Әллә *чыгарга (ә)йтәсезме?* – Вы хотите выйти, что ли? Энекәй калхуз эшенә *китергә йөри* – Брат собирается ехать на работу в колхозе.

3. Способы выражения желания, зависящего от какого-либо действия (*булса бирер идем*), сильного желания (*күрәсе иде, булсын иде, күрсә йарар иде*), желания с оттенком сожаления (*күрергә иде*), непроизвольного желания (*ашыйсы килә* – хочется есть), намерения сделать ч.-л. (*бармакчы булу* – намереваться пойти), учтвого

пожелания и совета (*аш эчеп чыгар идегез*) в исследуемом подговоре те же, что и в татарском литературном языке.

4. В речи старшего поколения спорадически наблюдается форма желательного наклонения, образованная с помощью архаичного аффикса *-гай/-гәй* от отрицательных глаголов. Она, как и в татарском литературном языке, выражает: а) опасение, предостережение: Куркам эле, берэр нэрсэкэй *әйтмәгәйе дин* – Боюсь, как бы (он) не сказал чего-нибудь (лишнего); б) индифферентность, безразличное отношение к действию, допущение действия: – Ачуланыр бит. *Ачуланмагайы!* – Рассердится ведь. Да пусть сердится!

Указанная форма в первом значении употребляется в говорах среднего диалекта (203: 359; 218: 63); во втором – в мишарских или испытывавших мишарское влияние говорах (35: 57; 109: 146; 168: 632; 218: 224) татарского языка.

Употребление указанной формы в белебеевском подговоре в обоих значениях, видимо, является результатом взаимовлияния говоров среднего и мишарского диалектов.

Для выражения тревожного опасения и предостережения в говоре применяется и другая диалектальная форма *-ыр* с показателем принадлежности плюс модальное слово *бар*. Примеры: Кеше килеп *керере бар* – Может войти кто-нибудь. Чит иллэрдэ эллэ кемгэ *очрарың бар* – На чужбине можешь столкнуться с разными людьми. Көннәшеп *китәре бар*, әйеме? – Приревновать может, правда ведь? и т. д.

Формы передачи характера протекания действия. Характер протекания действия, как и в татарском литературном языке, выражается с помощью аффиксов *-гала/-гәлә*, *-ыштыр/-ештер* и других. Однако необходимо отметить более широкое, чем в литературном языке, употребление аффикса *-ыңқыра/-еңкерә*, который, кстати, в большинстве случаев не подчиняется закону палатальной гармонии. Он выражает 1. Неполноту, недостаточность совершаемого действия: Быйыл *төчкөрөңқырай*, болай таза гына эшлидер ийе – В этом году что-то чихает, а так-то работал в добром здравии. Хэзер бит йул да *күчеңкери* ашлық чәчеп – Теперь ведь и дороги несколько передвигаются из-за посевов.

Бераз *катыңкерэгәчтен* таш белә бастырып куйасың сувы бетсенгә – После того, как (курут) немного затвердеет, его придавливают камнем, чтобы он подсох.

2. Обычность или повторяемость совершаемого действия. Жылқы майын даруға *эчеңкериләр* – Конское сало обычно пьют как лекарство. Усақ белә сөйәнне тақтага йарыңкериләр – Осину и липу обычно распиливают на доски.

3. Совершение действия в несколько большем объеме, чем нужно было: Қоймақ *ачыңқыраған* – Блинное тесто чуточку прокисло. Элгәре өйәңке *утыртыңқырилар* ийе, хәзер чаған – Раньше, бывало, больше сажали иву, а теперь – клен. Қайын *йарылың да қыри*, су да күтәрми – Береза склонна и к растрескиванию, и воды боится и т. д.

Употребление этого аффикса активизируется, на что справедливо указывает В. Н. Хангильдин (193: 168), в тех татарских говорах, которые в той или иной степени подверглись влиянию башкирского языка (15: 13; 190: 17; 218: 77, 241, 401). В говорах башкирского языка аффикс *-ыңқырал/-еңкерә* также имеет различную степень, распространения (100: 108). Имеется в казахском и других языках (161: 246).

Причастия. 1. Причастие будущего времени, как и в литературном языке, выражается тремя формами 1) *-ыр/-ар/-әр/-р/-ер*; 2) *-асы/-әсе/-ыйсы/-исе*; 3) *-ачақ/-әчәк/-йачақ/-йәчәк*. По семантике и употреблению этих причастных форм говор не отличается от литературного языка. Здесь необходимо отметить лишь более активное употребление формы на *-р*, которая может иметь оттенок долженствования, субстантивироваться и принимать аффиксы принадлежности и падежа: Қайчан туй *булырын* белеп китә – Он уезжает, узнав, когда должна состояться свадьба. Ничек *көтәрне* белә бит инде көтүче үзе – Пастух ведь сам знает, как пасти.

2. На западе исследуемой территории, т. е. в Туймазинском, Кандринском, частично в Благоварском и Белебеевском районах распространена форма причастия на *-малы/-мәле*, которая выражает постоянный, обычный признак. Она употребляется в составе сказуемого, т. е. с нагрузкой предикации и соответствует

причастиям на *-а- торган* или на *-арлық (түгел)* литературного языка. Примеры: Сырга болай гына *бэйләмәле*, чылбыр буладыр ийе асылымалы – Бывало, сырга (нашейное украшение с камнями) вот так подвязывали, а чылбыр (нашейное украшение с подвесками, состоящими из блях с камнями или монетами) вот такой висчий. Суқа инде кул белә *тотмалы* – А соху рукой придерживают (в отличие от плуга).

Данная форма в тех же значениях составляет характерную особенность мензелинского говора (108: 66; 229: 208; 7: 147; 138: 352) и нагорной группы говоров (231: 538; 35: 49–50; 11: 11, 27) среднего диалекта, имеет место в ичкинском говоре (219: 107). Ср. также: тат. литер. *асылмалы* лампа, *ачылмалы* тәрәзә.

3. В остальных нас. п. западной части исследуемой территории форме *-малы/-мәле* соответствует другая диалектная форма *-ышлы/-ешле*: Андағыларны сүләп *бетерешле* түгел – Что было там, не возможно пересказать. Тәртипле булган халык, *буйсынышлы* – Люди (букв. народ) были дисциплинированные, подчиняющиеся. Ақ чепкән *кийешле* ийе – Обычно носили белую чекмень.

Причастие на *-ышлы/-ешле* распространено в Заказанье (38: 36), в мензелинском говоре (231: 409; 229: 191; 138: 352), в говорах татар Оренбургской области¹.

4. Причастие на *-учан/-үчән*, как и в байкибашевском говоре (108: 75), употребляется довольно активно в функции сказуемого и выражает склонность к чему-либо, обыкновение делать что-либо: Бөтүне түбәтәйгә *тагучан* ийе, баш чирләгәнгә – Амулет обычно пришивали к тубетейке, от головной боли. Төмәннәр бер фамилийә белән *йөрүчән* – темниковцы обычно носят одну фамилию.

5. От именной формы глагола на *-у/-ү* путем присоединения аффикса *-лы/-ле* образуется форма пассивного причастия. Она употребляется лишь в функции сказуемого и соответствует результативному прошедшему времени на *-ган* литературного языка. Примеры: Ипийе *пешүле*, тукмачы *жәйүле* – Хлеб испечен, лапша раскатана. Йаттың исән урын *жәйүле* – Если захочешь ложиться, постель

¹ Материалы экспедиций под руководством З. Р. Садыковой в Оренбургскую область.

постелена. Эт *бэйләүле* – Собака привязана. Кер эйдә, ут *йанулы* – Заходи давай, свет включен и т. д.

Как известно, форма на *-улы/-үле* употребляется в качестве прилагательного в литературном языке: ср. *түләүле* уку и т. д. (160: 164), несколько шире в заказанских (38: 36), параньгинском говорах среднего диалекта (36: 110), а также тобольском говоре восточного диалекта (176: 344; 174: 92) и в некоторых тюркских языках кыпчакской группы (73: 15; 23: 444; 44: 10, 15).

Деепричастия. 1. Отрицательная форма деепричастия на *-п* имеет несколько вариантов.

-мый/-май, -ми /-мэй, -мыйынчы/-майынчы, -мийенче/-мэйенче, -мыйчы/-майчы, -миче/-мэйче, -мыйча/-мичә. Из них варианты с широким гласным составляют характерную особенность мензелинского говора; *-мый/ -мий, -мыйча/-мичә, -мыйчы/-миче* – литературные варианты, также широко распространены в мишарском диалекте (110: 186), в заказанских и других говорах среднего диалекта: *Кайтмыйча* 19 йыл тордоқ – в течение 19 лет не приезжали (букв. жили). *Икмәк тырышмайынчы* булмай – Если не будешь стараться, хлеб не уродится. *Кийенмэй* барса, салкын була – Если поедет не одевшись, будет холодно. *Күрмиче* киткән – уехал не повидав.

-мастан/-мәстән (распространен на юге и юго-востоке исследуемой территории): Элек салдатлар *хәбәр-хәтердә булмастан* хезмәт иткәннәр – Раньше солдаты служили не переписываясь; *Искәрмәстән* генә килеп чыга да қарап жөри утны – (Монтер) появляется внезапно и обходит (проверяет) счетчики (букв. электричество). Ундүрт йыл кеше қарыйм, бер йыл *қалмастан* – в течение четырнадцати лет ежегодно (букв. не пропуская ни одного года) содержу квартирантов (букв. людей). Форма *-мастан* в таком же значении имеется «в западной зоне мишарских говоров» (110: 182, 189), нагайбакском говоре (218: 67–68), в говорах татар Оренбургской области (151: 117) и в восточном диалекте (175: 84).

2. Наряду с формой на *-гач/-гәч* литературного языка в подговоре выступают и следующие ее варианты: а) *-гачтын/-гәчтен,*

-*гачыннан/-гэченнән*, -*гачын/-гэчен* (выражают причинно-следственные и временные отношения между процессами или действиями): Инәки нык чирле *булгачтын* эшкә чыкмадым – Так как мать была очень сильно больна, я не вышла на работу. Тәгәрмәчне йаса(п) *беткәчен* эченә тулка куйалар – После того, как доделают колесо, вбивают во внутрь втулку; б) -*ган(ның) соңонда/-гән(нең) соңонда*, -*ганнан соң/-гәннән соң* (выражают временные отношения между действиями или процессами; распространены преимущественно в говорах среднего диалекта): Аш *тәмам булган соңонда* ақча салып чығалар – После завершения трапезы кладут монеты. Ит *ашаганнан соң* бирнә тараталар – После того, как подают мясо, раздают подарки сватьев.

3. Деепричастие предела выражается в говоре следующими формами: а) -*ганчы/-гәнче* (литературная форма) // -*гынчы/-генче* (реже, в основном в тех нас. п., которые имели «мишарские концы»): Бәрәңгеләрен ашағыз *суwynганчы* – Ешьте картошку, пока не остыла. Жаңғыр *жауынганчы* бар – Пойди, пока дождь не пошел.

б) -*ганчыга/-гәнчегә* плюс послелог, выражающий предел во времени: Әрекмән *өлгөргәнчегә хәдәре* жиләк пешми – Прежде чем не зацветет репейник (досл. лопух), малина не поспевает.

в) -*ганчық/-гәнчек*, -*ганчақ/-гәнчәк*: Әрмийәгә *киткәнчәк* институт бетеп қайтты – До призыва в армию закончил институт и вернулся (сюда). Син *киткәнчәк* қайтып йитәлдеме соң – (Он) успел вернуться до твоего ухода?

г) -*мастан/-мәстән*: Голуховскийға *житмәстән* туқтый – (Автобус) останавливается не доезжая до Глуховского. Зийаратқа *барып житмәстән* бер өй тора – Не доходя до кладбища, стоит один дом. Мин *килмәстән* сигез йыл тордоғызмы? – (Вы) восемь лет жили до моего приезда?

Варианты -*мастан/-мәстән элек* зафиксированы на юге и юго-востоке исследуемой территории. Деепричастие на -*мастан* в различных значениях распространено в говорах мишарского диалекта (110: 189), в значении же предела имеет место в заказанской группе говоров, ичкинском, златоустовском (218: 231, 396; 18: 22) говорах и в говоре татар Пермской области (138: 174).

д) *-мастан элек* (*//элгәре//алда*). Қойаш чықмастан элек барасың, көтү қайтқачтын туқтыйсың – Бывало, до восхода солнца идешь (на работу), после того как пригонят скот, заканчиваешь (работу). Ср. *-мастан әввал* или *элек* в том же значении в мишарском диалекте (110: 190).

е) *-мас борон* (распространена во многих говорах татарского языка): Әрмийәгә *китмәс борон* өйләнде – До призыва в армию женился.

Имя числительное. По своему лексическому составу, изменениям и образованию, семантическим функциям имя числительное не отличается от числительных татарского литературного языка. Незначительное отклонение наблюдается в восточной части территории распространения подговора: при присоединении аффикса принадлежности *-сы/-се* к субстантивированным числительным вместо количественных выступают собирательные числительные. Например: Читтәләр ийе дә, *берәүсе* (литер. *берсе*) монда қайтты – Были на стороне да вот один (из них) вернулся. *Икәүсе* (литер. *икесе*) әрмийәдә – Двое (из них) в армии. *Бишәүсе* (*бишесе*) исән әле – Пятеро (из них) пока живы. Қызларым икәү, *берәүсе* Исламғолда, *берәүсе* Бәләбәйдә – Две дочери у меня, одна из них в дер. Исламгулово, одна – в Белебее.

Наречия. По основному лексическому составу и по способам образования категория наречия также не имеет резких отличий от татарского литературного языка.

1. Наречия образа действия от прилагательных образуются при помощи различных идентичных в семантическом отношении аффиксов и лексических средств: *-лай/-ләй*, *-лата/-ләтә*, *көйө//көйнә//көйгә*. Примеры: *йәш көйнә//йөш көйгә//йәшләй//йәшлий* – смолоду; *йомролай//йомролата* – в целом виде; *тере көйнә//тереләй//тереләтә* – живьем, заживо; *йәшелләй//йәшел көйнә (көйгә)* – в зеленом виде; *чи көйнә//чиләй//чиләтә* – в сыром виде и др.

Аффикс *-лай/-ләй* присоединяется к наречиям с окончанием *-ча/-чә* (в этом случае семантическая нагрузка его уменьшается!): Көтү көтте, бахырқайым, *бүтәнчәли* (*башкача*) нишләсен – Бедняжка стадо пас, что ему делать иначе. *Төрлөчәли* килә, әле

рафинад, әле шундый – (Сахар) поступает в различных видах: то рафинад, то такой (т. е. колотый).

2. Наречия образа действия могут быть образованы от существительных в основном при помощи аффикса *-лата/-ләтә*: *Ақчалата* түли – Платит деньгами. *Җода сарықлата* бирде – Сват запластил овцой; *Онната* сата – Продает в виде муки.

3. Наречия времени от слов, выражающих времена года и сутки, образуются: а) Лексико-семантическим способом: *Йад* (литер. *язын, яз көне*) өйләндем – Весной женился. *Баланны көдөрәк* жыйсаң тәмне була – Если соберешь калину ближе к осени, то она бывает вкусной.

б) С помощью аффикса *-ын/-ен*, как и в литературном языке, но в говоре употребляется немного шире, чем в последнем. Напр.: *Укыл бирделәр иртәсен, кичен, көндөзөн* (*иртән* или *иртә белән, көндөз*) – Укол делали утром, вечером и днем.

в) С помощью аффикса винительного падежа: *Җышны* икәүләп бергә эшләдек – Зимой работали вместе вдвоем. *Шул йадны* бед икмәк чәчтек – в ту весну мы посеяли хлеб. *Җикмеш* думы йанды бер *жәйне* – Однажды летом сгорело 70 домов. Также и в сергачском говоре, карсунской группе сел (Ульяновская область) мишарского диалекта (110: 213).

г) Путем присоединения аффикса абстрактности *-лык* к форме относительных прилагательных от вышеуказанных слов: *Төнгөлөк* (литер. *төнлә* или *төнлә белән*) салқын була – Ночью бывает холодно. *Кичкелек* (*кичен* или *кич белән*) тағы жыйылабыз – Вечером опять соберемся. Шулай асырыйлар ийе *жәйгелек, қышқылық* абзарда тора – Летом держат (скот) вот таким образом, а зимой они живут в хлеве.

Наречия типа *қышқылық, кичкелек* в форме местного падежа соответствуют наречиям *кышын, кичен* литературного языка: *жәйгелектә, кичкелектә* и т. д. Примеры: *Малайым жәйгелектә* (литер. *жәен* или *жәй көнө*) камбайында эшлидер ийе – Летом сын обычно работал на комбайне.

д) От слов, выражающих времена года, наречия времени могут образоваться и путем присоединения аффиксов *-лык* плюс пока-

затель местно-временного падежа: *қышлыкта, жәйлектә*: Көлнө *қышлыкта* (литер. *кышын, кыш көне*) жийалар ийе – Зола, бывало, собирали зимой. Умарталарны йаланга чыгаралар *жәйлектә (жәй көне, жәен)* – Улья обычно вывозят в поле летом.

Образование наречий времени при помощи аффикса абстрактности и падежных окончаний наблюдается во многих татарских (218: 88, 266; 33: 119; 138: 361; 168: 630, 110: 212; 151: 119) и башкирских говорах (73: 48; 100: 91).

е) Лексическими средствами: *Кич көнне* (литер. *кич белән* или *кичен*) кайта ул, печәнгә киткән ийе – Он вечером вернется, поехал за сеном. *Төш көнө* ут чыгып, ашыл йаны(б) беткән – в полдень возник пожар, сгорела вся деревня.

-гы/-ге, -қы/-ке- көнне: *Кышқы көнне* мәкәгә салғаннар – в зимний день (зимой) бросили в прорубь. *Жәйге көннө* май эреп кенә тора – Летом масло все тает и тает.

Кыш өстөндә: *Кыш өстөндә* қышлап булмый утынсыз – Зимой не прозимуешь без дров.

4. Наречия продолжительного времени образуются в основном средствами, характерными для татарского языка: *қыш буйы//қышның буйына, көн буйы//көннөң буйына//көннәр буйы, озон көн буйына* и т. д.

Кроме того, при помощи:

а) Аффикса *-луй/-лий*: *Кышлый* (литер. *кыш буге*) эшли торғаннар ийе Қазан тегүчеләре – Казанские портные всю зиму, бывало, работали (здесь).

Ср.: в цокающих говорах мишарского диалекта (230: 63; 208: 183; 110: 208) и в заказанских, и нагорных говорах (168: 631), в говоре пермских татар (138: 192) среднего диалекта татарского языка.

б) Предлога *белә* (сочетается со словом *төнө*): Кичәгенәк *төнө белә (төнө буге)* йүтәлләде – Вчера всю ночь кашлял. Ср. в говоре пермских татар и в восточном диалекте.

в) Слова *озон*: *Көн озонна (көн буге)* йава – Весь день идет (дождь).

Наречия продолжительного времени сопровождаются определенной интонацией, к ним могут присоединяться аффиксы

множественного числа, уменьшительно-ласкательные или же образуются особые обороты, сочетающиеся при помощи падежных окончаний: *төн буйықайларына, төннәр* (или *көннәр*) *буйына, озон көннөң буйына, қышлар озонона, қышның қыш буйы* и т. д.

5. Для подговора характерны следующие наречия, образованные с помощью падежных аффиксов, глагольных форм или путем лексикализации устойчивых и других словосочетаний: *кичәгенәк* – вчера; *иртәнчәк//иртәнчәген* – утром; *чамалы* – средненько, плоховато, маловато; *бетәсе йук* – очень много; *белеп түгел* – много: Анау печән белә булашты *белеп тә түгел* – С тем сеном возился очень долго (т. е. много усилий приложил); *йыштан-йыш* – часто, очень часто: *Йыштан йыш* балниста йатам – Очень часто лежу в больнице; *Иртәгә суңга* (литер. *берсе көнгә*) – послезавтра: *Иртәгә суңга* эшкә – Послезавтра на работу; *Алма-тилмә* (*алмаши-тилмәш*) – попеременно, поочередно, посменно: *Алма-тилмә* килеп тора қызлары – Дочери навещают поочередно; *Әвәлдән* – сначала, сперва: *Әвәлдән* өч ай балниста йаттым, сызлавы басылмады – Сначала три месяца лежала в больнице, (*но*) ломота не прошла. *Тәү//тәү башлап* – сначала, сперва: *Тәү* утадық, аннан күмдек – Сначала полади, потом окучивали.

Послелогои. 1. В подговоре употребительны следующие сравнительные послелогои: *төслө, шикелле, сыман//сымак, кебек//күбек//күвек//күүк//күк*.

2. В подговоре употребляются следующие послелогои, выражающие предел действия во времени или в пространстве: *чикле//чиклеге, чиңне//чәңне, хәтлем//хәтлеге//хәтлек, тикле//тиклек//тиклем, чақ//чақлы//чақлым//чақлық; тиңне//тиңенте(н)//тиңелтә//тигелтен*¹ и т. д. Примеры: *Өч бармағым киселде, сөйәккә чикле* – Три пальца порезались, до костей. *Арпаны өчкә чикле* имнисең – Ячмень заговаривают до трех раз. *Бәйрәкәгә тиңелте* йергә утқа йөргәннәр – За огнем ходили до (села) Байрака. *Питырауға чақ төшөрә торганнар ийе* (киленне) – Невесту, бывало, привозили в дом жениха до Петрова дня. *Туфырақ белә күмәсең изәнгә чәң-*

¹ Ср. *тигентен//тикле* в нагайбакском говоре (218: 92).

не – Засыпаешь (завалинку) землей до пола. Кунычка *чақлым* чобар була – Вплоть до голенища (валенок) бывает пестрым.

3. В Туймазинском районе полеслог *өчөн* принимает аффикс направительного падежа: Жалан аш пешермэйсең бер кеше *өчөнгә* – Не всегда готовишь суп для одного человека. Это явление имеет место в мензелинском (7: 151, 108: 67), мелекесском (110: 221) говорах татарского языка.

4. Послелог *түбән* соответствует послелогу *соң* татарского литературного языка: Моннан *түбән* балаларның балалары күрмәсен сугышны – Пусть в будущем (даже) дети наших детей не увидят войну.

5. *Тапқырында, тәңгәлендә* соответствуют *турысында* литературного языка и имеют пространственное значение: Машина *тапқырында* ғына өйө – Его дом как раз напротив машины. Кылуп *тәңгәлендә* генә тора – Живет как раз напротив клуба. *Қайсы тапқырда* – Где?

6. Послелог *ала* управляет исходным падежом, имеет пространственное и временное значение: Элгәре *тегеннән ала* ағыл булган – Раньше деревня начиналась от того места.

7. Послелог *бирле* в сочетании с формой на *-ган*, в отличие от литературного языка, управляет не исходным, а винительным падежом: *Қайтқанны бирле* пинсе ала – Со дня приезда получает пенсию.

8. Послелог *була*, отмеченный в ряде говоров, наблюдается и в белебеевском подговоре: а) в сочетании с существительными управляет направительным падежом и выражает причину, соответствует послелогу *хакына* (ради, из-за) литературного языка: Сийыр асырыйбыз *сөтөнә була* – Ради молока держим корову. Биг әйбәт жылға бар аста, *шуңа була* күчкәннәр – Внизу течет хорошая речка, ради нее (предки) перешли сюда.

б) в сочетании с инфинитивом выражает причину, цель и соответствует послелогу *өчен* литературного языка: – Бүген өйдә калды, әпәй *салырга була* – Чтобы испечь хлеб, сегодня осталась дома.

Послелог *була* исторически восходит к деепричастной форме на *-а* глагола *бул-*. Имеется и в других тюркских языках.

Союзы. 1. Союз *исә*, как и в ряде говоров татарского языка (37: 48; 138: 206, 368; 27: 188; 218: 95, 275; 190: 17), употребляется в сочетании с глаголами категорического прошедшего времени и выражает различные значения. Характерно, что союз *исә* в исследуемом нами подговоре принимает личные аффиксы. В некоторых же случаях личный аффикс присоединяется и к союзу и к глаголу. Сочетание *-ды + исә* выражает: а) Условные отношения между действиями или обстоятельствами и соответствует условному глаголу: *Йарат(ы) исәгез* ашагыз (литер. *яратсагыз*) – Если нравится, кушайте. *Кулыгызга кид(е) исәгез*, чәнечмәс ийе – Если бы надели на руки, то (крыжовник) не уколол бы.

б) Последовательность действий и соответствует Деепричастию *-гач/-гәч* или конструкторам типа *-у белән*, *-гач та* и т. д. Примеры: Наилне *күрд исәң* (литер. *күргәч тә* или *күрү белән*) эйт, ике кило ит калдырсын – Как только увидишь Наиля, скажи, пусть оставит два килограмма мяса.

Конструкция *-ды + исә* (ср. древнетатарское *-ды + ирсә*: 32: 47, 102, 227, 393, 406) особенно употребительна в первом значении. Присоединение личных аффиксов к союзу *исә* отмечается в мензелинском, ичкинском, сафакульском говорах, а также в некоторых башкирских говорах (19: 39).

2. В сочетании с рядом служебных слов союз *да/дә* тавтологически повторяется: Алар *ал дә дә* айырым – Они и теперь еще раздельно (живут). Элгәре *фурма белә килә туй хәзер дә дә* – Свадьбы и сейчас проводят по-старинному. Ср. в мензелинском, камско-устыинском, пермском говорах татарского языка.

Частицы. 1. Частица предположения *-дыр/-дер* в составе сказуемого во II л. ставится перед личными аффиксами: *Кандыраға барадырсыз* (литер. *барасыздыр*)? – В Кандры, наверное, поедете? *Алтмыш бишләрдә бардырсың эл?* – Тебе, наверное, уже лет 65? Такое же явление наблюдается в говоре татар Янаульского района БАССР (138: 379).

2. В подговоре употребляются следующие усилительные частицы. *Һәләк//һалак//һайлак//һәләк*: Кич белән дә *һәләк* кызу – Вечером даже очень жарко. Чийә чыбықлары аппак, чәчкәсә *һайлаг*

ийе – Вишневые ветви были белые-пребелые, цветов было очень много.

Харан: Мунчам бер үземә *харан* йарый – Баня моя для меня одной очень даже годится.

Тамаша: Тамаша кыйын заманнар булган – Удивительно трудные времена были.

Употребление модального слова *кирәк*. В речи старшего поколения иногда встречаются случаи присоединения глагольных аффиксов к модальному слову *кирәк*: Кила йарым *кирәгер* инде – Потребуется уж полтора килограмма. Ср.: *Кирәккән, кирәксә, кирәккәч* и т. д.

Как известно, эта особенность является одной из характерных черт мишарского диалекта (230: 111; 109: 146, 208: 178; 9: 183; 11: 254) и в исследуемый нами говор она, видимо, привнесена мишарями.

Некоторые синтаксические особенности. 1. Одной из характерных особенностей исследуемого подговора является оформление именного сказуемого личными аффиксами: Балалар өйдә *йүклар* – Детей нет дома. Мин *жылақмын* үзем бик – Я сама очень плаксивая. Иптәшләр *өчәүләр* ийек без – Нас, товарищей, было трое. *Ничәүсез* сез? – Сколько вас? Без алты бертуган, *исәмбез* әле – Нас шестеро родных, пока все живы.

Это явление характерно для других татарских говоров (108: 76; 7: 149; 138: 231, 378; 175: 78–80; 110: 140), имеет место в других тюркских языках, напр., в казахском, кумыкском, ойротском, якутском, гагаузском и др. (161: 136; 56: 45; 60: 93–94; 194: 93; 137: 151).

2. В предложениях, сказуемое которого выражено причастием на *-ган* в сочетании со словами *бар, юк* (минем *барганым бар*) или субъективного желания (*барасым килә*), связь субъекта со сказуемым осуществляется и без грамматических показателей: Сез (ли-тер. сезнең) *күргәнегез бардыр* инде чабатаны – Вам приходилось, наверно, видеть лапти. Чүперәкне безнең *эләсе килми* – Ситец мы не хотим вешать. Без ата қаз *асыраган йүк* – Нам не приходилось держать гусака. *Сүлгәнем йүк* мин – Мне не приходилось рассказывать.

Подобное явление распространено и в других говорах татарского языка.

3. Вопрос выражается в основном теми же средствами, что и в татарском литературном языке. Вместе с тем нужно отметить оформление вопросительного предложения а) при помощи частицы *әллә* и вопросительной интонации¹ или б) при помощи лишь одной интонации: *Әллә жийәү килдең?* – Пешком пришел, что ли? *Көтү қайта әллә?* – Или стадо возвращается? *Әллә хәдәйкәләр өйдә йук?* – Разве хозяек дома нет? *Сез Қазанның үзенеке?* – Вы из самой Казани? *Бүтән авылларны өйрәнмисез?* – Другие деревни не изучаете?

4. Зафиксированы случаи архаичного изафета: *Қайын ағачтан* (литер: *каен ағачыннан*) йасалған тырма – Грабля, сделанная из березы. *Ул Уфа қызлар бүген монда килмәкчеләр ийе* – Те уфимские девушки сегодня намеревались прийти сюда.

Выводы. Рассмотрение основных диалектных особенностей белебеевского подговора позволяет прийти к следующим выводам.

Звуковая система, артикуляционные и позиционные особенности звуков, основные показатели грамматических категорий, система словообразования и словоизменения подговора те же, что и в татарском литературном языке. Бросается в глаза близость подговора к татарскому литературному языку.

Подавляющее большинство анализированных диалектных особенностей сближает белебеевский подговор прежде всего с говорами среднего диалекта: глубокозаднеязычные *ç, ʒ, x*, огубленный *a*, жоканье, дифтонг *-ай/-эй*, интердентальный *d*, ряд соответствий и явлений ассимиляции звуков, сложный аффикс II л. мн. ч. у глаголов настоящего, будущего, прошедшего (результативного) времен изъявительного склонения (*-сығыз*), расширение функций союза *исә* и т. д.

Наличием формы родительного падежа личного местоимения I л. ед. ч. (*минен*), узкого варианта аффикса деепричастия на *-ғынчы*, формы инфинитива на *-ырга/-ергә*, оформления винительного падежа существительных с аффиксом принадлежности I и II л. ед. ч. и

¹ Ср. также и в мензелинском говоре и в мишарском диалекте (208: 192; 138: 374; 110: 252).

по огузском типу склонения, спряжения модального слова *кирәк* и др. подговор обнаруживает общность с мишарскими говорами.

Ряд диалектных особенностей подговора является общекрыпчакским: местоимения *анау*, *монау*, аффикс *-ыңқыра/-еңкерә*, колебание широкого и узкого вариантов глагольных окончаний на *-р* и т. д. Тесный многовековой контакт с башкирскими говорами способствовал сохранению этих особенностей в белебеевском подговоре. Влияние башкирского языка отражается также и в наличии в подговоре спирантизированного варианта смычного *б-бʷ* в определенной позиций (*табʷа*), в совпадении фонетического звучания ряда слов с их башкирскими эквивалентами (*аклан*, *билдә* и др.) и т. д.

Система диалектных особенностей белебеевского говора представляет собой несколько иной вариант диалектной системы мензелинского говора и может быть рассмотрен как отдельный его подговор.

СТЕРЛИТАМАКСКИЙ ГОВОР МИШАРСКОГО ДИАЛЕКТА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Мишари, миграция которых продолжалась в течение трех столетий, со времени своего переселения на исследуемую нами территорию вошли в тесный культурно-экономический и языковой контакт с представителями среднего диалекта и местным населением. Процесс взаимодействия и взаимовлияния в области языка происходил при ведущей роли среднего диалекта. Мишарские говоры восприняли ряд особенностей окружающего их говора и в то же время сохранили некоторые специфичные мишарские черты. Как показали наши наблюдения, степень проявления в говорах мишарей особенностей мишарского и среднего диалектов отражается в разных местностях по-разному, что непосредственно связано с количественным соотношением представителей этих двух диалектов; временем переселения и, следовательно, вступления в контакт; территорией, откуда мишари переселились в Башкирию.

На юго-западе Башкирии могут быть выделены три типа мишарских говоров. I тип, подвергшийся наиболее сильному влиянию среднего диалекта и сохранивший лишь спорадическое

произношение мишарских вариантов звуков *к, з, у, а* и некоторые другие. Носители этого типа мишарского говора составляют меньшинство в нас. п. Максютово, Имян-Купер, Кальшали Туймазинского, д. Ст. Сулли, Абдулкаримово Белебеевского районов. II тип – говор мишарей – переселенцев XVIII–XIX вв., живущих островками – по несколько деревень и потому хорошо сохранивших специфические черты мишарского диалекта (нас. п. Салихово, Н. Чуть Бавлинского района ТАССР, Слак, Мендяново, Аврюзтамак и Абдрашитово, Нигматулино Альшеевского, Бузат и его починки Мал. Бузат, Галей-Бузат, Карамалы Бузат Стерлибашевского, Шланлыккул, Буздяк, Верхние Каргалы Буздякского, Зайпакуль, Уршакбаш-Карамалы Миякинского районов БАССР и др.). III тип – говор потомков мишарей, переведенных в качестве служилых и затем мигрировавших в XVIII в. в южном направлении (Чишминский, Аургазинский регионы). Этот тип говора претерпел сильное изменение в сторону сближения с татарским литературным языком, ныне почти полностью стабилизировался.

Фонетические особенности

Гласные. По составу гласных фонем стерлитамакский говор не отличается от татарского литературного языка. В нем насчитывается десять гласных: *а, э, ый, и, у, ү, о, ө, ы, е*.

Гласный *а* имеет следующие артикуляционные особенности. В большинстве мишарских нас. п. II типа он – гласный заднего ряда нижнего подъема, негубной. Однако в ряде нас. п. (Бузат, Ст. Буздяк, Халикеево и Карагушево, Туктар-Абрашитова, Верхние Каргалы, Яушево, Новомусино) гласный *а* нередко приобретает сильно огубленный характер, порой приближаясь к *о* с оттенком *а: о^а*. Интересно, что в речи одного и того же носителя говора можно наблюдать и огубленный и неогубленный варианты гласного *а*. В мишарских говорах I типа открытый *а* спорадически выступает лишь в речи старшего поколения. В говорах III типа распространен преимущественно лабиализованный вариант гласного *а*.

Характерный для мишарского диалекта более передний, чем в литературном языке и в среднем диалекте, вариант (110: 33) глас-

ного *a* сохраняется в нас. п. преимущественно II типа (Баймурзино, Салихово и Н. Чуть, Былышлы, Шланлыкул, Верхние Каргалы).

Мишарский вариант фонемы *γ* (10: 34) сохранился преимущественно в нас. п. II типа (Бузат, Салихово и Н. Чуть, Шланлыкул, Верхние Каргалы, Баймурзино), также и III типов (Султанмуратово, Имай-Карамалы, Старотимошкино, Тукаево). В нас. п. Халикеево, Карагушево, Чуенчы, Аюханово, Буриказган, Аллагуат, Слак, Адзитарово он встречается в основном в речи старшего поколения, факультативно. В большинстве же мишарских нас. п. употребляется вариант *γ*, характерный для литературного языка и среднего диалекта.

В нас. п. Бузат, Шланлыкул, Буздяк, Верхние Каргалы в определенных словах зафиксирован более широкий, дифтонгоидный вариант звука *γ-γ^o*: *кγ^oпер* (литер. *күпер*) – мост, *кγ^oме//кγ^oпме//көпме* – сколько, *кγ^oп* (*күп*) – много; иногда преобладает оттенок *ø*: *кøп//көп*. Употребление дифтонгоида *γ* свойственно многим говорам мишарского диалекта (202: 95; 33: 94–95; 109: 134; 9: 105; 110: 35), имеет место и в говоре нукратских татар (37: 25).

Остальные особенности говора сводятся к звуковым соответствиям и другим явлениям. Перейдем к их рассмотрению.

Соответствия гласных. 1. *ə* – литер. *и* на западе исследуемой территории, как и вообще в некоторых мишарских говорах, отражается в единичных словах: *мәләш//миләш* – рябина, *бәк//бик* – очень, *кәм//ким* – неполный, недостаточный, *нәк* (литер. *ник*) – за чем; далее, на восток, например, в нас. п. бассейнов рек Уршак и Агидел это явление охватывает уже больший круг слов: *кәбән* (литер. *кибән*) – стог, *кәтмән* (*китмән*) – кетмень, *кәбәк* (*кибәк*) – мякина, *кәштә* (*киштә*) – полка, *кәртә* (*китртә*) – изгородь.

Аналогичную картину имеем и в мензелинском говоре, распространенном в пределах данного ареала.

В нас. п. II типа *ə* ~ *и* отмечено также и в слове *шәкәр//шикәр* – сахар (ср. то же в мишарском диалекте вообще).

В нас. п. II типа в русских заимствованиях вместо предупредительного звука *e*, в отличие от среднего диалекта и литературного языка, употребляется *ə*: *мәшәйт итә* (*мешать*) – мешает, *бәдовый* –

бедовый, *Гәрмән* – Германия, *эстәна* – стена, *пәсук* – песок и т. п. Иногда: *эчтина*, *пинук*, *писук* и т. п.

ә ~ *и*: *әпәй*//иногда *әпи* (ср. диал. *ипи*) – хлеб, урожай.

у ~ *и*: *күгәвен* (на востоке распространения говора; литер. *кигәвен*, миш. *күгәвен*, минз. *кагәвен*//*кигәвен*) – овод.

и ~ *ә*: *сибән* (редко: литер. *сәбән*) – причина, *әлбиттә* (литер. *әлбәттә*) – конечно, *жсийәү* (литер. *жәйәү*) – пешком, *жсилбизәк* (литер. *жсилбәзәк*) – блеск (украшение).

и ~ *э/е*. В словах *әнеч* (литер. *инеч*) – подкладка, *энде* (д. Буздяк), *энде*//*ынды* (д. Верхние Каргалы) – уже, уж, же, *чеңгерткә* (редко, литер. *чикерткә*) – кузнечик, *э/е/* выступает вм. литер. *и*. Кроме того, как известно, в словах, начинающихся на *й/жс*, начальному *жси* – литературного языка в мишарском диалекте (за исключением сергачского, лямбирского, хвалынского говоров) соответствует *йе* – или *йи* – *йемеш*//*йимеш*, *йел*//*йил* и т. д. (110: 50). В стерлитамакском говоре эта особенность носит спорадический характер, т. е. одно и то же слово даже в речи одного и того же носителя может произноситься двояко: *жсиде*//*йеде* – семь, *жсикмеш*//*йекмеш* – семьдесят, *жсимеш*//*йемеш* – фрукт, *йеңәчәй*//*жсиңи*//*жсиңгәчәй*//*жсеңә* – сноха и т. п.; в заимствованиях: *жсиһаз*//*йиһаз* – мебель, убранство и т. п.

е ~ *и* изредка выступает также и в позиции перед *й*: *кейем*//*кийем*//*ким* (литер. *кийем*, графич. *кием*) – одежда и др.

В следующих словах, как и в мензелинском говоре, *и* ~ *е*: *теге*//*тиге* (литер. *теге*) – тот, *печән*//*пичән* (*печән*) – сено, *сибер* (*себер*) – Сибирь, *йигерме*//*йегерме* – двадцать, *жси* (*жсен*) – нитка, *шиша*//*чиша* – бутылка, *тирмән* (*тегермән*) – мельница, *зилпе* (*зелпе*) – жимолость, *эйбир* (так же в мишарском диалекте, белебеевском подговоре; литер. *эйбер*; в говоре пермских татар *әрбир*) – вещь, предмет, *и* ~ *е* также в некоторых словах по соседству с *ч*: *печән*//*пичән* (литер. *печән*) – сено, *кичкенә*//*кечкенә* – маленький, *кечерткән*//*кичерткән* (литер. *кычиткан*) – крапива, *чирегән* (литер. *черегән*) – сгнил.

Как видно, в употреблении гласных *ә*, *и*, *э(е)* наиболее ярко отразился процесс формирования и развития стерлитамакского гово-

ра: хотя он в ряде случаев и сохраняет мишарские особенности, но нередко проявляет общность с соседним мензелинским говором.

2. *У/у – о/ө*. В определенной группе слов *о ~ у*: *осак* (литер. *усак*) – осина, *корчак* (*курчак*) – кукла, *орлау* (*урлау*) – красть, *олым//ылым* (*улым*) – мой сын (так же в мишарском диалекте); *сом* (*сум*) – рубль, *йока//жока* – тонкий, *молла* (литер. *мулла*) – мулла (в различных говорах татарского языка).

ө ~ ү: *бөгөн* (*бүген*) – сегодня, *төгөл* (*түгел*) – отрицание *не*, *мөк* (литер. *мүк*) – мох (так же в мишарском диалекте); *төбән* (литер. *түбән*) – низко, *бөкән* (литер. *бүкән*) – чурбан, колода (т. е. как и в соседних говорах).

Колебания в употреблении звуков *у/ү* и *о/ө* характерны для всех говоров татарского языка и охватывают различные слова, т. к. древнетюркские *о*, *ө*, в различных татарских говорах получили несколько отличное развитие (7: 145; 9: 50; 27: 42, 140; 37: 24–25; 108: 64, 73; 141: 130; 190: 6; 218: 35, 170, 345; 230: 17, 56, 84). По составу вышеприведенных примеров стерлитамакский говор совпадает с мишарским диалектом (109: 134–135; 33: 95; 9: 106–107, 154; 116: 30; 110: 44–47).

ү, у ~ о, ө: *укшау* (литер. *охшау*) – быть похожим, *үмер//гүмер* (так же в мишарском диалекте, литер. *гөмөр*, графич. *гомер*) – жизнь.

3. *у – ы, и*. В ряде слов, *ы ~ литер. у*: *мынча* (*мунча*) – баня, *сырыгу* (*сурьгу*) – немного подсохнуть, *шырна//шурна* – бульон, суп, *була//была* – будет, *шунсы//шынсы* – тот, *намыс* (*намус*) – честь и т. д.

Как и в соседнем мензелинском говоре, в позиции перед среднеязычным *й у > ы, и*: *бийына* (литер. *буйына*) – в продолжение, в течение; *тийына* (*туйына*) – на его свадьбу; *муйыл//мыйыл* – черемуха; *мыйын//мийын* (*муйын*) – шея; *Тиймазы* – Туймаза; *буйыл//бийыл//бийыл* (*бийыл*) – нынче, в этом году; *бийак* (*бу йак*) – эта сторона и т. д.

Ср. в мишарском диалекте: *шынсы, быйыл//бийыл*.

Большинство этих примеров характерно для мензелинского говора.

4. *a/ə – ы/e*. Наблюдается 1) в аффиксах *-ыр/-ер, -ар/-эр* различных глагольных форм: *йагырга//йагарга* (литер. *йагарга*) – топить, *төртәр//төртөр* – ткнет, *үлгәгә//үләргә* – умереть, *сатарбыз//сатырбыз* – продадим, *элер//эләр* – повесит, *өзөргә//өзәргә* – прервать и т. п. 2) в определенной группе слов: *йаңы*¹ (литер. *йаңа*) – новый, *мактәп* (*мактәп*) – школа, *мәрҗән* – коралл, *кагыз* (в д. Верхние Каргалы, литер. *кагазь*) – бумага и др.; 3) в аффиксе деепричастия на *-ганчы/-гәнче*: *баргынчы, килгәнче*.

Так же во всех мишарских говорах (110: 40).

В д. Шланлыкул: *барды ды* (литер. *барды да*) – пошел и...; *күренде де* – показался и... (ср. в мишарском диалекте случаи употребления союза *да* в форме *ды*; 110: 41).

ы ~ а в группе заимствованных слов: *рыстырата* – растрата, *сымувар* – самовар, *пыласа* (в говорах *паласа*) – полоса; *тыракан* – таракан, *кылакул* (диал. *калакул*) – колокол, *кырандас* (диал. *карын-дас*, литер. *тарантас*) – тарантас и др.

5. *о, ө – ы, е*. В большинстве нас. п. говора гласные *о, ө* по артикуляционной и позиционной характеристике не отличаются от соответствующих им звуков татарского литературного языка. В ряде нас. п. п. II типа (Бузат, Туктар-Абдрашитово, Нигматуллино, Шланлыкул, Верхние Каргалы, Аврюз-Тамак, Чуенчы, Аюханово) наблюдается делабиализация гласных *о, ө*, однако и в них в первом слоге иногда выступает несколько огубленный вариант их: *ы^о, е^о* > или даже *о, ө*. В нас. п. Аллагуат, Балыклыкул, Султанмурат, Старотимошкино, Имай-Карамалы, Тукай, Салих, Н. Чуть, Шабагиш, Уршакбаш-Карамалы, Зайпакуль, Старомустафино делабиализация гласных *о, ө* характерна для конечных открытых слов.

Основные говоры мишарского диалекта по употреблению гласных *о, ө* представляют собой довольно пеструю картину (110: 37). Стерлитамакский говор в этом отношении довольно близок к среднему диалекту. К тому же: *дөбөт* (литер. *дебет*) – пух, *мөң* (*мең*) – тысяча, *гөл* (литер. *гел*) – постоянно, все время; *тотош* (*тоташ*) – сплошь и др., т. е. как и в белебеевском подговоре.

¹ Также и во всех мишарских говорах, в памятниках древнетюркской письменности (110: 40).

6. Замена гласных переднего ряда гласными заднего ряда и, наоборот, заднего ряда – передними охватывает слова, характерные как для мензелинского говора (*этлек*, диал. *атлык* – щавель конский, *йәбешү* – прилипнуть, *теш//тыш* – зуб и др.), так и для мишарского диалекта (*йанаша*, литер. *янәшә* – рядом, *мый*, литер. *ми* – мозг, *сыр*, литер. *сер* – тайна, *хал* – состояние, *шыша//шиша* – бутылка, *әлсә*, литер. *алайса* – в таком случае, *сәленү* – свисать, *йыгырмы//йегерме* – двадцать, *чаука* – галка, *кишыр* – морковь, *йогора* – бежит, *йурый* – нарочно, *кукай* – яйцо, *чебелдек* – полог, *чәк* – еле, едва, чуть, *бәлчәк* – глина, *чәпчәк* – воробей, *кечерткән//кычырткан* – крапива, *читлавык//читләвек* – орех, *чәйкәү* – поло- скать и др. Также: *әлжү* – утомляться, *дәвәләнү* – лечиться, *кисәү- гач//кыйсаугач//кесәугач//кычаугач* – кочерга, *чиган (чегән)* – цыган, *жәң//жән* (литер. *йон*) – шерсть, *чиркау* – церковь, *әрзән* (литер. *арзан*) – дешево.

Протеза наблюдается как в собственно татарских словах, так и в заимствованиях: *өтөрү//этерү* (литер. *төрү*) – завернуть, *өтөргәк (төргәк)* – пачка, сверток, *өтөрмән* (литер. *төрмә*) – тюрьма, *эчерү* (литер. *черү*) – гнить и т. д.; *эрахәт//эрахат* (литер. *рахәт*) – блаженство, *ырай* (< *Ражетдин*) – и. с., *эрәт* – ряд, *эстәкер//эскә- тер* – скатерть.

Вставка гласных. а) в середине слова: *карышы* (литер. *кар- шы*) – против, *күреше (күрише)* – сосед, *чирегән (чергән)* – сгнил, *шытыган* (литер. *шыткан*) – пророс, *йере* (литер. *йөр*) – ходи; *илетү* (литер. *илтү*) – отнести, *керетү* (литер. *кертү*) – ввести, впускать и т. д.; б) в конце слова: *тапы* (литер. *тап*) – пятно, *базы (баз)* – яма; *акты* – акт, *тылы* – тыл.

Выпадение гласных. а) в начале слова: *өйәңке//жәңке//йәңке* (литер. *өянке*) – ива, *ийәрү//жәрү//йәрү (ияру)*¹ – следовать, увязаться за кем-либо; *йәрчән* (диал. *ийәрчән*, литер. *иярчен*) – сообщник, свита, спутник, *зан (ызан)* – межа, *шаныч* (литер. *ышаныч*) – дове- рие, *ләктем* (литер. *эләктем*) – попалась, *кус* < рус. укос; б) в конце слова: *кой* (литер. *койо*, графич. *кое*) – колодец.

¹ Ср. *йалды* (< *өй алды*) – сени в заказанских, мензелинском говорах среднего диалекта и *йәр (ийәр)* – седло в мишарском диалекте (110: 93).

Дифтонги. 1. В словах *үгәй* (литер. *үги*) – неродной, сводный, *песәй* (*песи*) – кошка, *тәпәй* (*тәпи*) – ножка, как и в белебеевском подговоре, постоянно употребляется дифтонг *-әй*.

В нас. п. Туктар-Абдрашиново, Балыклы кул, Зайпакуль, Семенкино, Старомустафино дифтонг *-әй/-ай* встречается и в глаголах и некоторых словах: *күрмәйенче* – не видя, *бармай* – не идет, *әнәй*, *әтәй* (литер. *әни*, *әти*) – мама, папа и т. д. Еще *андый//андай*, *мондый//мондай* в д. Старомустафино.

Указанные явления связаны с историей заселения данных нас. п. Так, напр., в д. Туктар-Абдрашиново с давних пор живет несколько башкирских семей. Половину д. Семенкино составляли тепляри, в говоре которых продолжало бытовать систематическое употребление дифтонга *-ай/-әй* вм. литер. *-ый/-и(й)*.

2. Дифтонг *-ый/-ий* ~ литер. *-ай/-әй*: а) в аффиксах сравнения: *айудый* – словно, как медведь, *көрәктий* сакал – борода лопатой и т. д.; б) в аффиксах наречий: *бушлый* – бесплатно, *булмастый* (*булмастай*) – несбыточный, *бердей* (литер. *бердәй*) – одинаковый, *йәшлий* – смолоду, *урталый* (литер. *урталай*) – попалам, *тирәлий* – кругом, *бутәнчәлий* – иначе, *терелий* – живьем и т. д.; в) в конце определенной группы слов: *малый*¹ (*малай*) – мальчик, *бийәлий* (*бийәләй*) – рукавицы.

ый ~ литер. *и* в словах, начинающихся с согласного *к* и имеющих в последующих слогах заднерядные гласные: *кыйндыраш* (*киндераш*) – конопля, *кишир//кыйшыр* (в говоре *кишыр*, литер. *кишер*) – морковь, *кыйна* – кино, *кылы //кыйло //койло* (редко) – кило, *кисаугач//кыйсаугач//кесәугач//кычаугач* (литер. *кисәү агачы*) – кочерга, *кыйтап* (*китап*) – книга, *кыйсап* (разг. *кисап*, литер. *килесап*) – ступа; также: *мый* (*ми*) – мозг, *хыйсап* (литер. *хисап*) – счет, учет, *пима//пыйма* – валенок, *тыкырыйк* (*тыкырык*) – переулок и т. д.

В ряде слов в позиции после согласных *с*, *ж*, *к* *ый* > *ий*: *кыйбат//кийбат* (литер. *кыйбат*) – дорого, *кыйаш//кийаш* – солнце, *кийу* (из письменных работ учащихся) – смелый, *сийыр* (*сыйыр*) – корова, *жый* (*жый*) – собери и т. д. Ср. в мишарском диалекте (110:

¹ В нас. п. Баймурзино, Салихово, Верхние Каргалы.

35). В конечной позиции или в открытом слоге наблюдаются случаи утраты дифтонгоидного характера звука *-ый*: *кары* (литер. *карий*) – смотрит, *Бары//Бари* – и. с., *кымылдау* (*кыймылдау*) – шевелиться, *кынап* (*кыйнап*) – деепричастие от глагола *кыйнау* – бить, *кыбат//кибат* (*кыйбат*) – дорого и т. д.

3. По характеру употребления дифтонга *-өй* стерлитамакский говор больше тяготеет к окружающему мензелинскому говору, нежели к мишарскому диалекту. В словах *сөйән* – липа, с которой снято лыко, *өйләнү* – жениться *-өй* выступает почти систематически; *-ү* вм. дифтонга *-өй*, как и в мензелинском говоре, выступает систематически лишь в определенной группе слов: *үрә* (*өйрә*) – похlebка, суп; *сүрәү* – волочить, *күрәү* – загораться, тлеть; в нас. п. II типа монофтонг *-ү* конкурирует с *-өй*: *сүвәк//сөйәк* – кость, *төймә//түмә* – бусы, *чөй//чү* – вешалка и т. п.; в д. Верхние Каргалы довольно устойчиво сохраняется монофтонгизация. Но: *ү//уй//үw* (*өй*) – дом; *түмә//темә* (литер. *төймә*) – пуговица, *сүли//сейли//сили* (литер. *сөйли*) – рассказывает.

В нас. п. III типа превалирует дифтонг *өй* (за исключением тех слов, где систематически *ү*: *үрә* – похlebка и т. д., также и в некоторых других словах).

В нас. п. II типа наблюдаются случаи соответствия литер. *-өй* ~ *-ий*. Так, в Бузате: *өй//ий, сийәк, кий, чий* и т. д.: в Быльшлы: *өй//ий//и* (*идән чыкты*), *төймә//түмә//тиймә*; *сөйли//сүли//сили*; в Слаке: *сүли//сөйли//сийли*; *көйөнә//кийенә* – в виде; в Тукае: *тейәү* – грузить; в Аллагуате: *сийәк, тейән*; в Шланлыкул: *сүләп//силәп, тейән//түwән, өй ий//үw//ү(гә)* – дом и т. д.; в Нигматуллино: *өй//ий, көйө//кийе, көйәнтә//күwәнтә//кийәнтә* – коромысло и т. д.

Ә ~ литер. *өй* систематически в слове *кәмә* (литер. *көймә*) – лодка. Однако: *көймә//күмә* – повозка. *Эрәнү* (основной вариант)//*үрәнү//изредка: өйрәнү* (миш. *өрәнү//эрәнү*, литер. *өйрәнү*) – учиться.

Употребление гласного *и* или дифтонгоида *ий* вм. литер. *-өй* характерно для касимовского, нукратского, дубьязского, камышлинского говоров и говора пермских татар среднего диалекта (168: 619). *ий* ~ литер. *өй* наблюдается в таких мишарских говорах, которые претерпели влияние среднего диалекта, а именно

в чистопольском (116: 43–46), дрожжановском (9: 109), байкибашевском (108: 74).

4. Характерная особенность мишарского диалекта – монофтонгизация дифтонгов *-өй, -ай, -эй, -уй, -уй, -ый* (168: 615; 110: 52–60) в стерлитамакском говоре претерпела значительное изменение также в сторону норм литературного языка. В нас. п. I и III типов (в последнем за исключением случаев *куйым* вм. литер. *куйыйм* – *положу, кийрок*, литер. *коерык* – *хвост, кынаган//кин'аган//кыйнаган* – *избил и некот. др.*) она отсутствует. В нас. п. II типа зафиксированы следующие примеры: *мун'//муйн'//муйын'//мыйын* (литер. *муен*) – *шея; ат'ә//әтә//әйтә* – *говорит; бәлә//бәйлә* – *завязжи; әләнә//әйләнә* – *кружится, бат'ак//байтак* – *изрядно, довольно много; кун'//куйн'//куйын* – *пазуха, ун'и//уйни//уйный* – *играет; Фатима//Фатыйма* – *имя собств.; кыбла/кыйбла* – *южная сторона; кырлачы* (в соседнем мензелинском говоре: *кырлайчы*) – *коробейник, әйрән//әйрән* – *пахта, кан'ий//ка^иный//ка^ини//кайный* (литер. *кайный*) – *кипит, Бари//Бары/Барый* – *имя собствен. и т. д.* Из письменных работ учащихся: *кию* (литер. *кью*) – *смелый, бәрәм (бәйрәм)* – *праздник и др.*

Слово *мун'* в составе названия *мун'тәңкә* (украшение из монет, надеваемое на шею) во всех нас. п. сохраняет мишарское звучание.

Качы (литер. *кайчы*) – *ножницы, т. е. как и в белебеевском подговоре.*

5. В абсолютном конце слова, в открытом слоге вм. гласных *у, ү* иногда произносится дифтонг *-ыw/-ew*: *бару//барыw* – *идти; су//сыw* – *вода; тегү//тегеш* – *шить; сызык* (литер. *сузык*; графич. *суык*) – *холодно; йешеш* (литер. *йүешеш*, графич. *юеш*) – *мокро; кымыш* (литер. *кумыш*, графич. *куыш*) – *дупло, полость, шалаш; кешәс* (в нас. п. II типа – *кывашна//кашна*, литер. *кушәс*, графич. *күәс*) – *квашня; эшәм//үшәм* (литер. *өшәм*, графич. *өям*) – *гружу, складываю; кываклык* (литер. *куваклык*, графич. *куаклык*) – *кустарник; дывадак//дувадак* – *гусыня, не выведшая гусят; йувача//йывача* – *сдобная булочка, испеченная в масле; йымын* – *умывайся и т. д.*

Данное явление наблюдается в мишарском диалекте (33: 97; 110: 92), в касимовском говоре среднего диалекта (107: 154), а так-

же в татарских говорах, распространенных на Приуралье (218: 38, 173, 347; 28: 9; 140: 133; 175: 58, 65, 70–72; 190: 8).

Согласные. Характерные особенности консонантизма мишарского диалекта¹ на исследуемой территории также подверглись довольно значительным изменениям в сторону приближения к консонантизму среднего диалекта и литературного языка.

Употребление заднеязычных *к, з, х* вм. литер. глубокозаднеязычных *қ, ҙ, җ* является одной из ведущих, специфических черт стерлитамакского говора. При медленном темпе речи, при логическом ударении и некоторых других произносится другой вариант этих согласных, обозначаемый нами через *к^х, з^з*. По месту образования звуки *к^х, з^з* находятся как бы между заднеязычными (*к, з*) и глубокозаднеязычными (*қ, ҙ*) согласными.

Эта особенность наблюдается в таких говорах татарского языка, носители которых формировались при смешении представителей двух диалектов (среднего и мишарского): в говорах татар д. Малые Чапурники (Волгоградская обл.), с. Адав-Тулумбаево и Карлы Татарской АССР (105, III: 139–140), с. Улькунды, Елантуб (БАССР), Шарлыкского района Оренбургской обл.²

В арабских и персидских словах, включая и имена собственные, часто употребляются, как и в литературном языке и среднем диалекте, глубокозаднеязычные *қ, ҙ*: *қәнәфер//канафер* – гвоздика, *сәгат/сәгат* – часы, *қабер//кабер* – могила, *Ғаптулла, Гайшә//Ғайшә* и т. д.

По произношению и употреблению звука *ч* говор не отличается от татарского литературного языка. Однако в д. Аюханово (заселена «алатырьцами»), в алатырской половине с. Тукаево в речи старшего поколения иногда употребляется *ч* с взрывным элементом: *э^мчен^мче* (литер. *өченче*) – третий, *мчага* – жалит, *мчалгы* – коса и т. п.

В речи старшего поколения д. Аюханово и представителей «алатырского конца» (нас. п. Аюханово, Старомустафино, Аврюз-тамак, Тукаево), также и в с. Слак вм. литер. *ч* спорадически

¹ Подробно о консонантизме мишарского диалекта см.: 110: 62 и далее.

² Материалы экспедиций в северо-восточные районы БАССР под руководством Т. Х. Хайрутдиновой и Оренбургскую область – З. Р. Садыковой.

выступают *с, тс, ц*. Примеры: *цавын* (литер. *чабын*) – деепричастие от гл. *чабу* – косить, *цыккынца* (*чыкканчы*) – деепричастие от гл. *чыгу* – выходить, *пытсак* (*пычак*) – нож, *нисэ* (*ничэ*) – сколько, *сак* (*чак*) – еле-еле, *өс* (*өч*) – три, *посмак* (*почмак*) – угол и т. д. Также и *чибагаш*//*сибагаш* – цепь.

Изучение исторической литературы показывает, что мишари большинства нас. п. бывшего Алатырского у. являлись «в основном выходцами из Кадомского уезда», в пределах которого и «на смежных с ним территориях Рязанской, Тамбовской областей и Мордовии до сих пор сохранились села, говоры которых, как и современный сергачский говор, характеризуются цоканьем» (110: 5–6, 64). Будучи более поздними переселенцами (начало XIX в. и позднее), они в некоторой мере сохранили специфическую особенность цокающего говора мишарского диалекта.

Остальные согласные говора по своей артикуляции не отличаются от тех же звуков татарского литературного языка.

Рассмотрим другие фонетические особенности говора.

Соответствия согласных. *п ~ б*. В начале определенной группы слов звонкий *б*, в результате уподобления глухим согласным, оглушается: *потак* (литер. *ботак*) – ветка, сук; *пот* (*бот*) – бедро; *пөтөрелү* (*бөтерелү*) – кружиться, вертеться; *петеренү* – худеть, истощиться; обеднеть, обнищать; *пет* – вошь; *пөти* – амулет, талисман; *петәшү* (*бетәшү*) – хиреть; *ит-пәлән* (литер. *ит-фәлән*) – мясо или что-нибудь такое. Также и *сеперү*//*себерү* (литер. *сөртү*) – вытирать; *Талпазы* (*Толпазы*) – назв. села; *пасма* – «мостик; еще *пумази* – бумазая и т. п.

Случаи обратного характера встречаются редко: *эч бошу* (литер. *эч пошу*) – грустить, *йәшерен-бышырын* (литер. *яшерен-пошырын*) – скрытно, исподтишка.

Оглушение в первой группе примеров характерно для цокающих говоров мишарского диалекта (9: 115; 116: 73; 108: 72; 109: 130; 110: 68). Почти аналогичные примеры отмечены в говорах подберезинских кряшен (9: 57), касимовском говоре (107: 138), у татар северо-западной (108: 63), северо-восточной (190: 10) Башкирии, Пермской области (138: 100).

Начальный *б*, как и в соседнем белебеевском подговоре, иногда произносится с элементом глухости: "бэйрэм – праздник, "белми – не знает, "бийә//бийә//нийә (бия) – кобыла; "бала//бала//пала (бала) – ребенок, дитя и т. д. Так же в башкирских говорах (73: 22; 227: 175; 100: 79).

п ~ ф: керпек//керфек – ресница, калпак//калфак – колпак, туйфырак//туйырак – земля, почва, т. е. sporadическое употребление этимологических *п – б*.

м ~ б: малан (в д. Гулум: балан//палан//малан; литер. балан) – калина; корман (корбан) – лещ; мәндә (бәндә) – человек; миндек//минек (ср. диал. миллек) – веник и т. д. (под воздействием регрессивной ассимиляции); также, мышый (литер. поши) – лось; мөрө (литер. бөрө) – почка, мәке¹ – прорубь; мукча – сумка, ранец; мөтлөк – мята, матис – батист и др.

Почти аналогичные примеры зафиксированы в мишарском диалекте (109: 130; 33: 99; 9: 116; 116: 69), нагорных говорах (35: 45, 62; 9: 57), говорах среднего диалекта Уральского региона (218: 43, 184; 108: 68, 27: 32; 229: 128; 108: 72; 138: 97); а также в ряде говоров башкирского языка (73: 21; 100: 80; 117: 147; 19: 17).

б ~ литер. м. гарбун//гарбун' – гармонь.

в ~ литер. б. В нас. п. II типа вәке//бәке – прорубь. Ср. вәке в хвалынском, кузнецком, лямбирском, вәке – чистопольском говорах мишарского диалекта (110: 72).

в ~ w. Употребление мишарского губно-зубного *в* весьма ограничено, встречается лишь в некоторых нас. п. II типа: ватан сугышы (литер. ватан..., графич. ватан...) – отечественная война; вәли (литер. вәли) – и. с., авыл (авыл) – деревня, вахыт (вакыт) – время; ватма (ватма) – не разбей; ак вәл (диал. вәл) – белая паутинка (платок), бырач//врач – врач; савит (диал. сабит//сәвит) – совет, ваты < рус. вот, ваны рус. вон и т. д.

б ~ w. В интервокальной позиции смычный *б* спирантизируется или заменяется сонорным *w*: кебек//кеб^wек//кевек – как, будто

¹ Так в нас. п.п. III типа. Кроме того: в нас. п. Баймурзино, Шланлыкул, Буздяк, Урняк – бөрө, балан, бәке, т. е. как и в литературном языке; Шабагиш – балан, бөрә, но мәке; Верхне-Каргалы, Салихово, Н. Чуть – балан, бөрө, но вәке.

бы; *таб^ва* – находит; *табын//таб^вын//тамын* – деепричастие от глагола *тап-* (находить), *кабын//каб^вын//камын* – деепричастие от глагола *кап-* (положить в рот) и т. д.

Варианты типа *камын*, *тамын* характерны для многих говоров татарского языка.

(*ы, о*) *б ~ /у/в:* *чобар//чыбар* (литер. *чувар*, графич. *чуар*) – пестрый; *чобан//чыбан//чубан* (*чуван*, графич. *чуан*) – прыщ (в таком же значении и в древнетюркском языке); *жобан-//йобан-* (литер. *йуван-*, графич. *юан-*) – утешиться; *чебэл//чобал* (литер. *чувал-*, графич. *чуал-*) – путаться. Так же в мишарском диалекте (110: 74) и говорах Приуральского региона (218: 264; 27: 136; 190: 10)¹, в кыпчакских языках. Напр., караим. *чыбар//цыбар*, ногай, каракалп., казах. *шубар*, кумык. *чубар*, башк. *сыбар* и т. д.

н ~ м: *сөйән* (лит. *сөям*) – липа, с которой снято лыко, *агын//агым* – течение; факультативно: *йавын//йавым* – осадки, *качтун – костюм* и др.

д ~ т. а) в позиции между гласным и сонорным: *каралды* (литер. *каралты*) – постройки, *сандый* – тупица, *мандымау* – не поправляться, *шылдырату* – звонить, брэнчать;

б) в сочетании *пт:* *абдырау* (литер. *аптырау*) – недоумевать; *Абдрахман* – и. с.

в) в начале слова: *дустак//тустак* – пиала;

т ~ д (в начале слова или слога): *тулкын* (литер. *дулкын*) – волна, *Маматыш* – Мамадыш.

к ~ г: *чикә* (*чигә*) – щека, *көнжәлә* – кудель, редко: *киндерә* (*киндерә*) – оборка лаптей.

т ~ литер. к: *читлавык//чиртлавык//читләвек* (литер. *чикләвек*) – орех (ср. миш.).

к ~ т: *келәнче* (литер. *теләнче*) – попрошайка, *келәнү* (литер. *теләнү*) – попрошайничать; *йекмеш* (литер. *жэитмеш*) – семьдесят, *кеш//киш//килә* (литер. *телә-*) в составе конструкции, выражающей произвольное желание. Так же и в мишарском диалекте.

¹ Также материалы экспедиции в Пермскую область под руководством автора.

з ~ ж: *кэзэ* (литер. *кэжэ*) – коза; *зиде* в с. Ст. Буздяк (литер. *жиде*) – семь.

з ~ с: *залэмэ* (литер. *салэмэ*) – рваный, старый, изношенный (об одежде).

с ~ ч: *тыскан* (литер. *тычкан*) – мышь в д. Салихово; *итлэс* (литер. *итлэч*) – мясистый, *жиденсе* (*жиденче*) – седьмой в д. Верхне-Каргалы, *этэс* (Н. Чуть; так же в мишарском диалекте, мензелинском говоре среднего диалекта; литер. *этэч*) – петух.

Явление с ~ ч имеется в касимовском, нагорном, пермском и др. говорах среднего диалекта и в ряде нас. п. п. мишарского диалекта.

ч ~ с: изредка *бачкыз* (литер. *баскыч*) – лестница.

ж ~ й. Йоканье – одна из характерных особенностей мишарского диалекта. В словах, в начале которых в литературном языке выступает среднеязычный й, в стерлитамакском говоре, параллельно употребляются ж и й: *жалан//йалан* – поляна, *йэшел//жэшел* – зеленый и т. д. Жоканье в нас. п. Гулум, Верхне-Каргалы, Сафарово, Слак, Аврюз Тамак, Ст. Тимошкино выступает гораздо умереннее, чем в остальных нас. п. говора, а в нас. п. Салихово, Н. Чуть – жоканье довольно редкое явление.

В словах, начинающихся в литературном языке на ж, йоканье, в отличие от мишарского диалекта, также довольно ограничено: *жэй – лето*, *жыр//йыр* – песня, *жэйәу* – пешком и т. д., в чем выразилось влияние мензелинского говора. Йоканье в данной позиции встречается в тех вышеперечисленных нас. п., где умеренное жоканье.

В середине слова ж//й: *кулжаулык//куйаулык* – носовой платок, *аржак//арйак* – та сторона. Так же и в окончаниях заимствованных слов: *варинжа//варинья* – варенье, *фамилийа//фамилжа* – фамилия, *милжын* – миллион, *фитжа* (литер. *фидия*) – посмертное пожертвование и т. д. В нас. п. II типа в данной позиции довольно систематически употребляется й: *зайавлиняд*, *пыраулиняд*, *ызданыы*, *сабраныы*, *угашиныы* – угощение и т. д.

д ~ з и д (редко) в подавляющем большинстве нас. п.: *хәдер* (литер. *хэзер*) – сейчас, *бодай* (*бодай*) – пшеница, *идән* (*идән*) – пол, *эдәпле* (литер. *эдәпле*) – воспитанный, *зөнья* (литер. *дөнья*) – мир и некоторые другие.

г ~ к в интервокальной позиции и в начале слова перед гласными постоянно и повсеместно в словах: *тугу* (литер. *туку*) – плести, ткать, *гарэз* (*карэз*) – соты, *гөпиш* (*көпиш*) – трубчатый стебель, *гемән*//*гөмән* (литер. *көмән*) – беременность, еще *тыгырык* (переулок) и *чигерткә* (стрекоза) в большинстве нас. п. говора и *чугыну*//*чукыну* – креститься в нас. п. Бузат, Буздяк, Шланлыкул, *угып* (< *укуп*) – деепричастие от глагола *уку* – учиться, читать, *герреге* – войдите в с. Буздяк и т. п. Также и в мишарском диалекте (110: 86).

к ~ г: *карэбә* (литер. *гарэбә*) – янтарные бусы; *закс* – *загс*; *чикә* (литер. *чигә*) – висок; изредка: *бэрәңке* (литер. *бэрәңге*) – картофель (оглушение г в аналогичной позиции характерно для соседнего тепекеевского говора).

х ~ к: *вахыт*//*вакыт* – время; *хадәр*//*хэдәр*//*кадәр* – до.

к ~ х: *катын*//реже *хатын* – женщина, жена; *акык*//*ахык* (литер. *ахак*) – агат.

h ~ x. В начале слова иногда $x > h$: *халык* (литер. *халык*) – народ, *хәтле* (*хәтле*) – до, *хәзер* (*хәзер*) – сейчас, сию минуту и т. д. Ср.: в письменных работах учащихся; *хәрби* (*хәрби*) – военный, *хәм* (*һәм*) – союз и т. д.

н ~ ң. а) в аффиксах родительного падежа местоимений и реже существительных; *синен* – твой, *безнен* – наш, *бэрәңгенен* – у картошки, *картларнын* – у стариков и др. (более активно выступают в нас. п. II типа); б) в аффиксе II л. ед. ч. глаголов настоящего времени изъявительного наклонения: *күрәсен* (литер. *күрәсең*) – видишь, *барасын* – идешь (в основном в речи старшего поколения; на всей территории); в) систематически в словах: *ин* – ширина, *мин* – родинка, также и *йанак* – щека (изредка в нас. п. Ст. Буздяк, Верхне-Каргалы).

Данное явление в местоимениях характерно для мишарского диалекта, а в окончании *-сың/-сең* – для многих говоров как среднего, так и мишарского диалектов.

й ~ нуль звука в начале слова: *йезу* (литер. *өзү*) – разорвать (в некоторых нас. п. II типа). Такая особенность в мишарском диалекте (110: 91) охватывает большой круг слов.

Соответствия согласных, имеющиеся в единичных примерах. *p ~ n*: *үткер* (*үткен*) – острый; *ч ~ ш*: *ачйаулыгы* (*ашъяулыгы*) – скатерть; *n ~ м*: *чиккән*//*чикмән* – чекмень; *жс ~ з*: *жсирек* (*зирек*) – ольха; *й ~ н*: *чалкай* (литер. *чалкан*) – на спину; *n~л*: *тешни* (литер. *тешли*) – кусает, *гыжнау* (литер. *гыжлау*) – издавать щипящие звуки; *з ~ с*: *жсилэз* (литер. *жсилэс*) – прохладный; *n ~ д*: алны (литер. *алды*) – перед, *ине* (на востоке распространения говора; литер. *иде*, башк. *ине*) – от вспомогательного глагола *и-*; *w ~ н*: *нэжэгэй*//*важэгай* (литер. *ажэгаган*, диал. *нэжэгэй*) – зарница; *к ~ w* или ноль звука: (мич) *казнак* – литер. *казна*; в говоре пермских татар *казнаw* – основание печи; *билдэле* (литер. *билгеле*) – известный.

Следует отметить, что большинством этих соответствий стерлитамакский говор проявляет общность с другими татарскими говорами Уральского региона, а явлениями *з ~ с*, *n ~ д* – с мишарским диалектом.

Выпадение согласных. 1. Как и в соседнем мензелинском говоре, фарингальный *h* систематически выпадает в словах *уш* (литер. *һуш*) – сознание, рассудок, *өнэр* (*һөнэр*) – мастерство, умение, профессия и спорадически: *awa*//*hawa* – воздух, *шээр*//*шәһәр* – город, *зиһен*//*зийен*//*зин* – сообразительность, разум и др.

Выпадение *h* активнее проявляется в именах собственных: *Жәңгир* (< *Жиһангир*), *Факийә* (< *Факиһә*), *Майжамал* (< *Маһи-жамал*) и др.

2. Начальный *й* выпадает систематически: *өлтөрәтү* (так же и в белебеевском подговоре; литер. *жсилтерәтү*) – тормозить, терзать; спорадически и преимущественно в нас. п. II типа: *эләк*//*йеләк*//*жселәк* (литер. *жсиләк*) – ягода, *элгәрү*//*йелгәрү*//*йелгәрү* (*жсилгәрү*) – везать, *иңәчэй*//*йеңәчэй*//*жсиңгәчэй* – жена старшего брата или дяди; в д. Шланлыкул: *ир*//*йир*//*жсир* – земля. Ср.: в мишарском диалекте.

3. В инфинитиве, личных формах настоящего и будущего времен изъявительного наклонения глаголов, корень которых оканчивается на *-р*, один из *-р* выпадает. Примеры: *керегә* (литер. *керергә*) – войти, *чыгарыга* – выпускать, *биребез* (литер. *бирербез*) – дадим, *барыбыз* – пойдем, *күресез* – увидите, *жсийыштырымын* –

уберу и т. д. Также: *үләгә* (литер. *үләргә*) – умереть, *карага* (*карарга*) – смотреть, анага (литер. *анарга*) – ему (видимо, по аналогии).

Так же и в белебеевском подговоре. Это явление распространено в ряде говоров как мишарского, так и среднего диалектов.

Выпадение *w* с последующим гласным в определенной группе слов: *кук* (литер. *кузык*, графич. *куык*) – пузырь, *куш* (литер. *кувыш*, графич. *куыш*) – 1) дупло, полость, 2) постройка над погребом; *сух* (литер. *сузык*, графич. *суык*) – холодно, *йүш* (литер. *йүвеш*, графич. *юеш*) – мокрый; *курган* (литер. *кувырган*, графич. *куырган*) – жареный, *жулгы* (диал. *жувылгы*) – тонкий прут, который жужжит при размахивании, *түн* (диал. *түвен*, литер. *төйөн*) – узел; *үлә//үүлә* (диал. *үвелә*, литер. *өлә*) – складывается, валится в кучу.

Выпадение *w* с последующим гласным в небольшой группе слов: *тин* (литер. *тийен*, графич. *тиен*) – 1) копейка, 2) белка; *ким* (литер. *кийем*, графич. *кием*) – одежда; *зинне* < *зийенне* < литер. *зиһенле* – сообразительный; *тиш* (литер. *тийеш*, графич. *тиеш*) – должен.

Аналогичное явление отмечено в мишарском диалекте (110: 61).

4. Заднеязычный согласный *z* в интервокальной позиции редуцируется и выпадает, при этом одинаковые гласные подвергаются стяжению: *йомал//жәма* (литер. *жәмга* – пятница), *сәт // изредка сәт // сагат//сәгат* (литер. *сәгать*) – часы, *теел//те* (*теге*) – тот, *кааз* (редко *кәгазь*) – бумага. Если один из гласных широкий, то зияние восполняется сонорными *й*, *w*: *нийә* (литер. *нигә*) – зачем, *тийак* (*теге як*) – та сторона, *йуwalган* (*югалган*) – пропал, *дийең* (*диген*) – говори, *түгел//түвел* (литер. *түгел*) – не.

5. Сокращаются геминированные согласные: *күлмәкә* (литер. *күлмәккә*) – на платье, *эсе* (*эссе*) – жарко, *ашыкмасын*, (*ашыкмасың*) – не будешь торопиться, *анан* (*аннан*) – от него, *шунан* (*шуннан*) – от того, *йасуwy* (литер. *йассуwy*) – шириной с ладонь, *маный* (литер. *манный*) – манная крупа; *имәnek* (литер. *имәнnek*) – дубняк, *Зинур* – и. с.; *читән* (литер. *читтән*) – со стороны; *йыгылгамын* (< *йыгылгаммын*, литер. *йыгылганмын*) – оказывается, я упал.

6. В некоторых словах опускаются целые слоги: *мәтәм* (*мин әйтәм*) – я говорю, *суннан* (*соңыннан*) – потом, после, *әлләйләр* (*әллә*

ниләр) – что угодно; *ишкәнем йук (ишеткәнем)* – не слышал; *әлсә (алайса)* – если так; *иләшү (ияләшү)* – привыкать; *тасмал // литер. тастымал* – полотенце; *нишәтим (ни эшләтим)* – что мне с ним делать.

Выпадение согласных в единичных случаях.

м: *капа-каршы (капма-каршы)* – противоположный;

л: *йугату* (литер. *йугалту*) – терять;

н: *беткечәк* – до тех пор, пока не кончилось, *үлгечәк* – до тех пор, пока не умер и т. д. (в аффиксе деепричастия); *мунча // муча* (литер. *мунча*) – баня; *белә // белән* – предлог *с*.

ш: *алма-тилмә (алмаш-тилмәш)* – попеременно.

Вставка согласных. 1. Вставка *к:* *ичмасак (ичмаса)* – хотя бы, по крайней мере; *тагы дак* – еще, опять, снова; *күрше-тирәк* – соседи; *байагынак* – давеча, *лутчык* – лучше; в конце послелогов: *хәтлек // хәтлеге, кадәрлеге, чаклыгы, чиклеге, тиклеге* в отрицательной форме деепричастия на *-ып/-еп*: *белмичәк, өзмичәк* и т. д.; в аффиксах деепричастия на *-ганчы*: *байыгынчак* и т. д.; в слове *кунакча* (литер. *кунача*) – насест; *аклан* (литер. *алан*) – поляна.

Это явление наблюдается и в речи носителей мензелинского говора исследуемой территории. Оно характерно для многих говоров и среднего и мишарского диалектов.

2. Вставка *г* после *ң* в интервокальной позиции: *жңгел* (литер. *жңгел*) – легко, *жңгеп (жңгеп)* – побеждая, *шуңгынча* (в говоре *шуңынчы*) – до тех пор, *аңарту // аңгарту* – разъяснять, *чеңгерткә // чигерткә // чеңерткә* (литер. *чикерткә*) – кузнечик, *моңгынча* (литер. *моңарчы*) – до сих пор и т. д.

Вставка *т* имеет место а) в конце слов и слогов после сонорного *р*: *чыбырткы*, литер. *чыбырки* – кнут (так в ряде говоров Приуральского региона); *арткыры*, литер. *аркылы* – поперек (ср. древнетюркское *аркуру*, мишарское *арткыры*, так же и в некоторых говорах Приуральского региона); *читлавык // чиртлавык* – орех, *кычыткан // кычырткан // кечерткән // кечеткән* – крапива, б) в конце заимствований после *н*: *крант* – кран, *пылант* (< *план*) – усадьба; *нагант* – наган (ср. *крант* в мишарском диалекте; в говоре татар Пермской области *керәнте* – помойка на глухой стороне дома

или чуланчик в сенях с небольшим оконцем в сторону помойки, используемый в качестве летней кухни, *флант* < *план* в бирском говоре и т. д.).

Вставка *p*: *шартлык* (литер. *шатлык*) – радость.

Метатеза также проявляется в двух группах слов, характерных а) для мишарского диалекта: *бүрке* (в нас. п. II типа и изредка III типа, литер. *бүрек*) – шапка, *борны*, *урны*, изредка *ирне* (литер. *борын*, *урын*, *ирен*) – нос, место, губа; *элке* (*элек*) – раньше, *абзар*//*абзар* – хлеб, *үрмәкчә* (*үрмәкүч*) – паук, *алын*//*алны* – перед, *бүскә* (литер. *бүксә*) – зоб у птиц; *чипкән*//*чикмән* (так же и в говоре пермских татар) – чекмень; *йегерембиш*, *йегерембер* (литер. *егерме биш*, *егерме бер*) – двадцать пять, двадцать один; б) для мензелинского говора (и других говоров Приуральского региона): *чәчкә* – цветок; *чорау* (литер. *очрау*) – встретиться.

Также: *марана* (литер. *манара*) – минарет.

Явления ассимиляции и диссимиляции. По особенностям проявления этих черт стерлитамакский говор также тяготеет к среднему диалекту и литературному языку, в то же время в нем имеют место и отклонения, характерные для мишарского диалекта.

При присоединении к основе или корню слова с конечными *м*, *н*, *ң* начальное *л* у аффиксов подвергается полной прогрессивной ассимиляции: *имәннек*//*имәнек* (литер. *имәнлек*) – дубняк, *йәмне* – красивый, прелестный, *аңны* – сознательный и т. д. Так же во всех трех диалектах и орфоэпических нормах татарского языка за исключением дубьязского говора заказанской группы говоров. Полная регрессивная ассимиляция наблюдается при присоединении к таким же словам аффикса исходного падежа: *аннан*//*анан* – оттуда, *миннән* – от меня, *казаннан* – из Казани и т. п. (т. е. не отличается от мишарского диалекта). В речи старшего поколения начальное *д* иногда может не подвергаться ассимиляции: *райундан*//*райуннан* – из района, *мөндән*//*меңнән* – от тысячи и т. п. Такое явление имеет место во многих говорах как среднего, так и мишарского диалектов татарского языка, а также в других тюркских языках.

При присоединении к глаголам, оканчивающимся на *н*, аффиксов с начальным *г* происходит полная прогрессивная ассимиляция.

Например: *мөрөләнән* (< *мөрөләнгән*) < *мөрөләнган* – набухла (почка у растений), *жаңнан* (< *йаңган*) < *йанган* – сгорел и др. Эти особенности характерны для говоров среднего диалекта и соответствуют орфоэпическим нормам татарского литературного языка.

На стыке основ на *н*, *м*, *ң* с личными аффиксами I л. обоих чисел происходит регрессивная ассимиляция: *йыгылгамын//йыгылганмын* – оказывается, я упала, *башлагамбыз* – оказывается, мы начали и т. п. В нас. п. II типа указанные явления выступают несколько ограниченно.

ч ~ *ш*. В словах *шишмә* (литер. *чшмә*) – ключ, родник, *шишен* (*чшишен*) – раздевайся, *шаршау* (*чаршау*) – полог, *чүкеш* (*чүкеч*) – молоток¹, как и в среднем диалекте, *ш* ~ *ч*. Однако в нас. п. II типа спорадически выступают мишарские варианты первых двух слов: *тишмә*, *тишен*.

Изредка наблюдается *ш* > *ч*, т. е. прогрессивная ассимиляция, в словах *чырчы* (литер. *чыршы*) – ель, *чичмә* (*чшмә*) – ключ, родник.

ч ~ *ш* и в словах *чиша//шиша* (литер. *шешә*) – бутылка; *чешү//шешү* (*шешү*) – опухать. Ср. в мензелинском говоре.

ч ~ *т*: *чөчө//чече//төче//төче* (литер. *төче*) – сладкий. Так же в мишарском, восточном диалектах и в ряде говоров Приуральского региона.

Особенности, возникающие на стыке двух слов. 1. Как известно, в мишарском диалекте в конце слов в позиции перед *й* и звонкими согласными следующего слова глухие *ч*, *ш*, *с* озвончаются. Единичные примеры этого явления отмечены нами в д. II типа. Например: Көн эйбәт *булгаж* йебәрделәр – Отпустили, так как погода стояла хорошая (Нигматуллино); Зайпакуль: *бижйыллык* – пятилетка; Бузат, Салихово: *нич башы//ниж башы* – лежанка; наиболее активно в нас. п. Верхне-Каргалы, Шланлыкүл, Буздяк: *аж йасау* – проводить вечеринку, *эж йыл* – три года, *нич башы//ниж башы//ни башы*, *киж житсә//ки житсә*; *из дерес түгел* – не

¹ В ряде нас. п. II типа слово *чүкеч* отсутствует. В них, как и в мишарском диалекте, употребляется заимствованное из русского языка слово *малатук* < *молоток*.

соображаю (букв. сознание неправильное), *житмеж биш йәш* – семьдесят пять лет и т. п.

2. В сочетании, первое слово которого деепричастие на *-ып*, а следующее слово начинается на *-б*, в результате регрессивной ассимиляции, как и в мензелинском говоре, возникает удвоенное *бб*, один из которых выпадает: *чере беткәнче* (< *череб беткәнче* < *череп беткәнче*) – пока не сгнил, *әче бетәр* (*әчеб бетәр* < *ачып бетәр*) – совсем скиснет и т. д. Озвончение конечного *n* перед звонким согласным следующего слова имеет место и в мишарском диалекте (110: 104).

3. Конечное *n* под влиянием начальных согласных *к, г* следующего слова подвергается частичной регрессивной ассимиляции. Примеры: *өрәңгән кеше* – привычный человек; в сочетаниях типа *эш беләң ңенә*, *шуның ңына* имеем случаи полной ассимиляции, характерные вообще для среднего диалекта.

4. Переднеязычный *n* в позиции перед губно-губными *б, м* факкультативно подвергается частичной или полной ассимиляции: *ум бала* (< *ун бала*) – десять детей, *унбер//умбер* (литер. *унбер*, по нормам орфоэпии татарского литературного языка: *умбер*) – одиннадцать; *гомбагыш//көнбагыш* – подсолнух, *йәшәгәмбез//йәшәгәнбез* – оказывается, мы жили и т. д. Однако в нас. п. Верхне-Каргалы: *йанбаш* – бок, бедренная часть тела; *йуван бы^от* – бедро, *көнбагыш, унбиш* – пятнадцать и т. п.

В заказанских и мензелинском говорах ассимиляция в указанной позиции носит систематический характер, а в литературном языке в определенной группе слов принята как орфоэпическая норма.

5. Стерлитамакский говор обнаруживает общность с окружающим мензелинским говором по употреблению и таких словосочетаний, как *берә йердә* (очевидно: *берәй йердә*, тат. литер. *берәр җирдә*) – где-то; *тийәлми* (*тийә алмый*) – не может касаться, *асты* (или *өсте*) *кат*, литер. *аскы* (или *өске*) *кат* – нижний (или верхний) слой, этаж и т. п.

Таковы фонетические особенности стерлитамакского говора.

Грамматические особенности

Основные грамматические категории, их оформление и семантические функции в стерлитамакском говоре те же, что и в татарском литературном языке. Отклонения же сводятся, в основном, к а) сохранившимся в отдельных островках мишарским специфическим особенностям или их контаминированным вариантам; б) диалектным явлениям, характерным для мензелинского говора обследованной нами территории.

Имя существительное. 1. В склонении имен существительных имеются следующие особенности.

У существительных с аффиксом принадлежности I и III л. ед. ч. окончание дательного-направительного падежа иногда имеет форму *-га/-гә*: Минем *улымга* (литер. *улыма*) алтмыш тулды – Моему сыну исполнилось 60 лет. *Балаларымга* авыр була дип эшләмәдем – Считаю, что моим детям придется туго, я не работала. *Атыга* – литер. *атына*. Баш *очыга* сала торган мендәр – Подушка, которую кладут под голову. Өченче *йәшегә* чыккач бозаулады – (Корова) отелилась на третьем году.

При склонении имен существительных с аффиксом принадлежности I и II л. ед. ч. в винительном падеже факультативно употребляется огузский тип аффиксов; *нәселеме* (литер. *нәселемне*) – мой род, *чәйеңе* (*чәйеңне*) – твой чай, *балаларымы* (*балаларымны*) – моих детей, *эйбиреңе* (*эйбереңне*) – твою вещь и т. д.

Это явление отмечено в говорах как среднего, так и мишарского диалектов.

Изредка выступает узкий вариант окончания исходного падежа; *баштан аяк* (литер. *баштан аяк*) – с ног до головы, *табактын* (*табактан*) – из чаши. Данное явление сохранилось в мишарском диалекте в песнях (110: 112), в единичных случаях имеет место в заказанских, нукратском говорах среднего диалекта и т. д.

2. Отличия в функциях падежей и глагольном управлении. а) Глагол *утыру*, как и в белебеевском подговоре, управляет исходным падежом: *Моннан утыр* (литер. *монда утыр*) – Садись сюда. *Утырыгыз сәкебездән* (сәкебезгә) – Садись на (наши) *нары*. Также и: 36: 116; 140: 114; 27: 62, 150; 110: 113 и др.

б) При глаголах движения наименование пункта направления, как и в соседнем мензелинском говоре (см. выше), часто имеет форму основного падежа. Примеры: *Ташкин китә* бер энем – Один мой младший брат уезжает в Ташкент. *Талбазы барып* кайткан ийе – (Он) съездил в Толбазы. *Әлишәй барам* дигән ийе. – (Он) говорил, что едет в Альшеевку. Мин *Бүздәк китәм* бит. – Я ведь уезжаю в Бүздәк. Также: *йалан йөрү* – ходить в лес; *базар чабу* – ездить на базар.

Эта особенность имеется как в мишарском (116: 142; 110: 114), так и в среднем диалектах татарского языка (37: 48–49; 218: 79, 248, 404; 27: 148–150). По степени активности данного явления стерлитамакский говор проявляет общность прежде всего с говорами Уральского региона.

в) в сочетании типа «*дүрт йыл артык*» форма основного падежа соответствует форме исходного падежа: *Йыл йарым* (литер. *ел ярымнан*) *артыгырак* балниста йаттым – Более полутора лет я лежала в больнице. *Йегерме артыграк* йорт – более двадцати хозяйств и т. п.

3. Значение ласкательности и уменьшительности в говоре передается теми же аффиксами, что и в литературном языке: *бозаукай* – теленок, *әбекәй* – бабушенька и т. д. В населенных пунктах II типа встречаются случаи нарушения, как и в мишарском диалекте, палатальной гармонии при присоединении ласкательного аффикса: *жизнекам* (литер. *жизнәкәем*) – мой милый зятек, *атекам* (*әтикәем*, *әткәм*) – мой милый отец, *Кинзекай* – и. с., *Әминәттәкай* – милая тетя Амина и т. п.

4. В нас. п. II типа, особенно в речи старшего поколения, как и в мишарском диалекте и говорах крещеных татар, наблюдается сокращение имен собственных: *Кәлук* (*Кәлимулла*), *Шамиуг* (*Шәмсетдин*), *Гилмуш* (*Гыймулла*), *Исмай* (*Йсмагыйль*), *Мөчти* (*Мөхәмәдиар*) и др.

5. В ряде нас. п. (Зайпакуль, Уршакбаш-Карамалы, Верхне-Каргалы, Новая Чуть, Салихово) употребляется двойной аффикс принадлежности: самавыр *парысы* (*самовар пары*) – пар от самовара; *өйалдысы* – сени. Сул кылагы бар, *уңысы* (*уңы*) йук – Левое

ухо есть, а правого нет. *Үз алнысыннан (үз алдына)* абзарлары йанды – Ни с того, ни с сего сгорели их хлева. Бер *улысы* кырык бишенче йылгы – Один из сыновей сорок пятого года рождения. Кура *жыләгесе* ашады, аннан арысы карлыган – Съел малину, затем смородину. *Бозавысы* үгез – Теленок (его) бычок. *Сыңарысы* жөри, *сыңарысы*, жугалды – Один из пары (ягнят) ходит (т. е. жив), один пропал. Бу *йулысы* ачамадым – На этот раз не открывала. Слова *урын*, *борын*, *ирен* произносятся так же, как и в мишарском диалекте: *урны*, *борны*, *ирне*; с аффиксом принадлежности: *урнысы*, *борнысы*, *ирнесе* и т. д.

6. Одной из отличительных особенностей стерлитамакского говора является оформление сказуемого, выраженного именными частями речи, личными окончаниями: Мона без *әзбес* – Вот нас мало. *Үзең кийәүсең*, *үзең улымсың* – Сам и сыном мне доводишься, и зятем. *Жегерембер йәштәмен* – Мне 21 год. Алтыны үстердем, *читталар* – Шестерых вырастила, (все) на стороне. *Тугызбыз шушы* (ы)збада – Нас девять (человек) в этой избе. *Сез укытучысыздыр* – Вы, наверно, учитель.

Аналогичное явление имеется в мишарском диалекте (110: 41), отмечено и в татарских говорах Приуральяского ареала (108: 76; 27: 162; 140: 112; 175: 80, 87), распространено во многих тюркских языках.

Местоимения. По лексическому составу местоимений, по их склонению стерлитамакский говор также имеет много общего с соседним мензелинским говором. Вместе с тем в нем продолжают бытовать некоторые особенности, общие с мишарским диалектом.

Личные местоимения. 1) Родительный падеж личного местоимения I л. ед. ч. имеет формы *минен// минең//минем*: *Минең* баш тийә, ишекмени бу – Разве это дверь, голова моя задевает. Алты ул асыраган *минен* инәйем – Моя мать родила шестерых сыновей.

2) в некоторых нас. п. II типа в речи старшего поколения (Верхне-Каргалы, Салихово, Н. Чуть и др.) родительный падеж личных местоимений имеет форму *-нын/-нен*: *Синен* бер йугалган быратың бар атә – У тебя, говорит, есть один пропавший брат. *Анын* ире белән ике туган баласы без – Мы с ее мужем двоюродные.

Также и в мишарском диалекте и говорах Заказанья.

В д. Шланлыкул: *безнен//безен//безнең//безең*: Пинзадан килгән *безен* бабайлар – Наши предки переселились из Пензенской губернии (букв. из Пензы). *Безнең* асыл зур – Наше село большое. *Безнен* халык – наш народ. Анда жамнар бар *безең* – Там у нас ямы есть.

3) в нас. п. Слак, Бузат, Салихово, Новая Чуть местоимения с аффиксом абстрактной принадлежности *-ныкы/-неке* часто выступают в роли определения: *Безнеке* сийыр кайа (литер. *безнең сыер*) – Где наша корова? Көндәдер *синеке* йал – У тебя каждый день, наверно, выходной. Инәсе үлде *аныкы* – Его мать умерла.

Эта особенность является характерной чертой мишарского диалекта (109: 147, 110: 109–110), говоров нукратских татар (37: 37–38), подберезинских крышен (9: 78–79), татар Пермской области (140: 98), восточного диалекта (175: 37).

4) Дательно-направительный падеж личных местоимений I и II л. ед. ч. имеет формы *миңа//миңә//мийә, сиңа//сиңә//сийә*: *Мийә* хәдәр алтмыш дүрт йыл торган ул ызба – Та изба стояла до меня 64 года. Әйтерсең *миңә* – Скажешь мне. *Сиңа да, миңа да* сүләмәгән – Ни тебе, ни мне не рассказывал. *Сийә* кушамы, *мийә* кушамы? – Тебе велит или мне велит? и т. п. В нас. п. II типа преобладает литературный вариант, т. с. *миңа, сиңа*.

5) Пространственные падежи личного местоимения III л. образуются при помощи сложных аффиксов: Чэчкап куш куриклы була, *анарга* тәңкә тезэләр – Наносное украшение бывает с двумя «хвостами», к нему пришивают монеты. Малай хәзер кайта, *анага* (*анарга*) урын кирәк – Скоро вернется сын, ему нужна усадьба. *Анарда* күптер әле боронгы жырлар – У нее много, наверно, старинных песен.

В нас. п. III типа *анарга //аңа*, изредка *аңардан, аңарда*.

6) Наблюдаются случаи употребления усеченного варианта аффикса родительного падежа *-ны/-не*: *Мине* белән генә киңәшәп булмас – Нельзя, наверно, советоваться лишь со мной. Белмим, *безне* йакта бар микән – Не знаю, есть ли на нашей стороне. *Аны* үзенә йук – у нее у самой нет. *Мине* жылгылар гына инәләре – (Ее) ро-

дители (букв. матери) мне только ровесники. *Безне белән – с нами, шуны белә – с ним.*

Аналогичное явление имеет место в мишарских говорах, распространенных на территории современного Кадомского района Рязанской области и южной части Мордовии (110: 124; 105, вып. 3: 35–36). Таким образом, наличием еще одной особенности стерлитамакский говор проявляет общность с мишарскими говорами определенного региона. Усеченная форма родительного падежа ныступает и в говоре мордвы-каратаев (9: 171), кряшен Нижнего Прикамья (27: 66), присуща некоторым тюркским языкам кыпчакского типа (56: 78; 185: 28; 161: 230, 86: 91; 98: 10).

Указательные местоимения: *бу, шул, тегел//тигел//туйе//тее, ул, анау//анавы//анавы, монау//монаву//монавы.*

1. Местоимение *бу* в косвенных падежах и с аффиксом принадлежности иногда сохраняет корневое *б*: *Буның агасы бар – У этого есть старший брат. Боно эзерэг аңный ул – Он немного понимает это. Бунысы үземә охшаган – Этот похож на меня самого. Бының улы Уфада – У этого сын в Уфе. Рәхмәт, туганым, буның өчен – Спасибо, родной, за это.*

2. В указательных местоимениях также наблюдается усеченный вариант родительного падежа: *Шуны тесле пумази – Бумазея такого цвета, как этот. Анисеме – его имя. Анише (< аның ише) кешегә күрсәтмәскә йе – Такому человеку не надо было показывать. Ср. в среднем диалекте: анише, монише, шунише и т. д.*

3. Местно-временные падежи указательных местоимений оформляются, как и в мишарском диалекте, с помощью сложных аффиксов *-нарда/-нәрдә, -нарга/-нәргә, -нардан/-нәрдән*: *Шынарга башкыда йебәрийек – К той свата пошлем. Балам, аны монарга күрсәтмә – Дитя мое, то не показывай ему. Алабыз тегенәрдән – Возьмем у того.*

4. Местоимения *анаву, монау* в западной части распространения стерлитамакского говора отсутствуют (например, в нас. п. п. Баймурзино, Салихово, Н. Чуть). По мере продвижения к востоку употребление этих местоимений активизируется. Примеры: *Монавы эстәл хәдәре – Величиной вот с этот стол. Монау күкәйләрен*

эпэй белә ашагыз – Ешьте вот эти яйца с хлебом. *Анау* чынайакны тэрэзә төбенә куй – Вон то блюдец поставь на подоконник. *Анавы* суда катыкмы ул? – Вон в той воде катык, что ли?

Как и в соседнем мензелинском говоре, местоимения *анау*, *монау* могут склоняться по падежам, принимать различные словообразующие и другие аффиксы. Примеры: Кичә *монауның* улы килде – Вчера пришел вот ее сын. *Монаулайтен* учмарлап кем буйына ур эле син – Ты попробуй-ка жни целый день вот таким образом. *Монаусы* да шау чәчкә генә ийе – Вот и этот был весь в цветах. *Анауда* дилбегә калган – Вон у него остались вожжи. *Монау* арада – На днях.

Местоимения *анау*, *монау* с послелогоми сочетаются в форме основного падежа. Например: *Анау* хәдәрлеге – Величиной вон с то. *Анау* кебек – Вон как тот. *Монау* төслө – Как вот этот.

Как было сказано выше, местоимения *анау*, *монау* употребляются в цокающих говорах (кроме байкибашевского) мишарского диалекта (110: 237), нагорных говорах (168: 620), восточном диалекте (175: 56), присущи кыпчакским языкам (71: 247; 161: 234; 55: 100; 21: 79 и др.).

Вопросительно-относительные местоимения: *кем*, *нии*, *нәрсә* и его варианты, *ниндий*, *кайсы* (и его варианты), *качан*, *ничә*, *ничек*, *нихәлле*, *кайсылай*, *ник*, *нигә* и др.

1. Местоимение *нәрсә*, как и в соседнем (мензелинском) говоре, имеет несколько вариантов: *нәстә*//*нәстәкәй*//*нәрсә*//*нәсә*//*нәрсәкәй*//*нәмәстә*// *нәмәстәкәй*//*нийәрсә*//*нийәрсәкәй*. Из них варианты *нәстә*//*нәмәстә* доминируют. Аффикс *-кәй* в данном случае не имеет эмоционально-экспрессивной окраски. Примеры: Мыны *нийәрсәкәйгә* тикшерәсез? – Для чего вы это проверяете? *Нәстәкәй* эшләрсен инде? – Что же будешь делать? *Нийәстәкәй*? – Что?

2. Местоимение *кайсы* имеет варианты *кайсы*//*касы*// *ка^исы*/реже *кайсысы*. *Касысы* йылый? – Который плачет? *Кайсынарда* ут бар? – У кого (букв. у которого) есть свет? Ср. в мишарском диалекте: *кас'ы*//*касы*, *качан* и др. (110: 128).

3. *Нихәлле* – как, каково: Кызы *нихәлле* икән соң? – Каково же состояние ее дочери?

4. *Кайсылай* – как: *Кайсылай* йазарга да белмиләр – Не знают как писать.

Ср. башк. *кайһылай*.

Неопределенные местоимения, образованные от слов *нинди* и *нәрсә* в сочетании со словом *әллә* претерпевают значительные фонетические изменения: *әләйди//әләйеди* (< *әллә нинди*) – какой-то, *әлләмәстә* (< *әллә нәмәстә* < *әллә нәрсә*) – что-то и др.

В нас. п. II типа встречаются неопределенные местоимения, характерные для мишарского диалекта. *Кайа булса* – где-нибудь: Йаланда үләрсең дә *кайа булса*, тапмабыз үзеңне – Умрешь где-нибудь в поле и не найдем тебя. *Ни булса* – что-нибудь: Бер мәлне *ни булса* килеп чыгар – Однажды что-нибудь да получится. *Кайчан* когда-нибудь, иногда: Кәрәз Бегелмәдә *кайчан* була – Соты иногда бывают в Бугульме.

Отрицательные местоимения образуются так же, как и в литературном языке и в соседнем мензелинском говоре: *беркем//ничкем* – никто, *һични//берни* – ничто, *бернәрсә//һичнәрсә* – ничего, ничто, *бернинди//һичнинди* никакой, *берничек//һичничек* – никак, *беркайа* – никуда, *беркачан* – никогда и т. п. Зафиксированы случаи употребления вопросительных местоимений в роли отрицательных: Йуг аның *кеме дә* – У него нет никого. *Ни дә* әтәлми – Ничего не может сказать. Так же в мишарском диалекте.

По составу и употреблению возвратного и определительных местоимений стерлитамакский говор, как и соседний мензелинский, не имеет отличий от татарского литературного языка: *үз, бары(сы), барлык, һәр, һәммә, һәрбер, бөтен//бөтөн//бетен* и т. д.

Имя числительное. Наблюдается употребление собирательных числительных вместо количественных при присоединении аффиксов принадлежности: *Икәүсе* Салаватта, берсе монда – Двое из них в Салавате, один здесь. *Бишәүсе* исән әле, *икәүсе* үлдә. – Пятеро из них живы еще, двое умерли. *Берәүсе* капчык күтәргән – Один из них взвалил на себя мешок. *Берәүсе* кайтмаса да кыйын – Тяжело, если даже один из них не вернется. Бу *икәүсен* былтыр апкайткан ийем – Этих двоих привез в прошлом году.

Такое же явление имеет место в златоустовском говоре¹, отмечено в кизильском говоре башкирского языка (73: 43), зафиксировано в «Огузнаме»: *Андан соң учагусу таң сарига бардылар* – И затем трое из них пошли по направлению восхода (209: 59).

Глагол. Особенности в употреблении залоговых форм. Ряд глаголов, в отличие от татарского литературного языка, употребляются в форме основного залога: *сүләү* (литер. *сөйләшү*) – обговорить: *Балны сүлиләр, фэлән хадәре бал* – (Во время сватовства) договариваются насчет меда, столько-то меда (так же и в мишарском диалекте). *Асылу* – литер. асылыну (отмечено в мишарском диалекте и в говоре пермских татар).

бетү (литер. *бетерү*) – кончать (так же во всех говорах Уральского региона): *Улыбыз бич кашыкларны ваты(п) беткән* – Сын наш все ложки поломал. *Көнөнә бер ситнир онно пешере(б) бетәм* – За день выпекаю из одного центнера муки. *Баш балам быйыл унны бетте* – Мой старший в этом году окончил десять классов.

Некоторые глаголы, наоборот, употребляются в каких-либо залоговых формах. *Алдату* (литер. *алдау*) – обманывать (так же в говорах Уральского региона): *Аның жирен алдатып байлар сатыб алган* – Богатые путем обмана присвоили его землю.

айазыту (*аязу*) – проясниться: *Көннәр айазытын китте* – Погода прояснилась.

йазышу (литер. *язу*) – писать: *Алар ашаган жирдә дә йазышалар* – Они и во время еды пишут.

итетү (*илтү*) – отнести: *Өч ситниргә тутырмыйчы итетмибез* – Пока не наберем три центнера, не понесем.

йыгыту (литер. *егү*) – повалить, свалить: *Йил йыгыта аларны гыруз белә кайтканда* – Ветер их сдувает, когда они (пчелы) возвращаются с грузом (т. е. с взятком).

В стерлитамакском говоре, как и в говоре пермских татар и восточном диалекте, несколько шире употребляется форма возвратного залога. Данная особенность связана с оттенком отвлеченности, обобщенности, с процессом, действием для себя вообще (178: 111,

¹ *Хайрутдинова Т. Х.* Говор златоустовских татар: дис. ... канд. филол. наук, Казань, 1979. С. 82.

215; 140: 106). При этом почти всегда отсутствует прямое дополнение: Мин *эшләнеб* алам акчаны – Я своим трудом зарабатываю деньги. *Уранып* кайтам – Пойду, прогуляюсь. Бу чичта су ичмаса, эрэхэтләнеп *тотонасың* – Эта вода хоть чистая, с удовольствием ею пользуешься. Эйбэт паласы бар, *тотонмаган* – (У нее) есть хороший палас, совершенно новый (букв. не бывший в употреблении).

Выражение характера протекания действия. 1. Кратность, повторяемость действия, как и в мензелинском говоре и литературном языке, передается при помощи аффиксов *-гала/-гәлә*, *-кала/-кәлә*, изредка *-штыр/-штер*.

2. В д. Салихово, Н. Чуть спорадически выступает мишарский вариант этого аффикса: Газитлар *укыкмыйбыз* – Газеты не читаем.

3. Употребляется аффикс *-ыңкыра/-еңкерә*, с теми же смысловыми оттенками, что и в белебеевском подговоре:

Менә эле аяклар *авыртыңкыри* – Вот ноги иногда побаливают. Ул кич белән эйрән *эчеңкери* – Он вечером обычно пьет айран. Монау күмәч *пешеңкырамаган* – Вот этот хлеб непеченный. Мин үзем *самавырны йаратынкырым* – Я сама предпочитаю самовар. Типтәрләр эй белә *сүләшеңкериләр* – Тепляри больше говорят на *-эй*.

В нас. п. II типа данный аффикс употребляется редко.

Изыъявительное наклонение. Парадигмой склонения данного наклонения говор мало отличается от татарского литературного языка.

Настоящее время. Положительный аспект.

I л.	<i>барам//барамын</i>	<i>барабыз</i>
II л.	<i>барасың//барасын</i>	<i>барасыз</i>
III л.	<i>бара</i>	<i>бара(лар).</i>

Отрицательный аспект.

I л.	<i>бармыйм//бармыймын</i>	<i>бармыйбыз</i>
II л.	<i>бармыйсың//бармыйсың</i>	<i>бармыйсыз</i>
III л.	<i>бармый</i>	<i>бармый(лар)</i>

Полный и краткий варианты в I л. (-м//*-мын*) характерны, в основном, для мишарского диалекта (208: 163; 168: 636–637; 110: 140) и тех говоров, которые сформировались в Приуральском ареале (138: 356; 218: 54, 374: 375; 174: 62).

Изъявительное наклонение от глаголов, основа которых на *-ый/-и/й/*, в I л. ед. ч. имеет формы *жырлым*, реже *жырлийым*: Мин ашны ниндийен дә иписез *ашийым* – Я суп, какой бы он ни был, ем без хлеба. Идән *буйамыйым*, мөржә генә агартам – Я пол не крашу, лишь печь белю.

Как известно, мишарский диалект, в отличие от среднего диалекта и литературного языка, характеризуется употреблением в III л. ед. ч. связки *-дыр/-дер*, восходящей к вспомогательному глаголу *-тор-* (110: 140–141). В стерлитамакском говоре данная особенность изредка встречается, в основном, в нас. п. II типа: Этәм, чэй пешмәгән әле, чэй *йуктыр* – Говорю, чай еще не заварился, чая нет. Сезде каралды *күптердер* – У вас, наверно, надворных построек много.

	Будущее время. Положительный аспект	
I л.	<i>барымын//барымын//барым</i>	<i>барырбыз//барыбыз</i> или <i>китәрмен//китәрем</i>
II л.	<i>барырысың//барысың</i>	<i>барырысыз//барысыз</i>
III л.	<i>барыр</i>	<i>барыр//барырлар</i>

Отрицательный аспект: *бармам//бармамын* и далее как в литературном языке.

Указанные особенности имеют место во многих говорах и мишарского и среднего диалектов.

Будущее категорическое время в говоре передается в основном, с помощью формы настоящего времени или лексическими средствами.

Форма на *-ачак/-әчәк*, как и в сергачском, чистопольском говорах (110: 145) мишарского диалекта, употребляется, в основном, в сочетании со словами *түгел*, *юк*, *булу* (в отрицательном аспекте): Минә *йөдәтәчәк булма* – Не смей меня беспокоить. Теләсәгез нишләгез, мин *куркачагым йук* – Делайте что хотите, (но) я никогда не буду бояться. Элекке заманны *мактыйачак түгелмен* – Никогда

не стану хвалить прежние времена. Однако в д. д. Шаймуратово, Бузат, Верхние Каргалы зафиксированы случаи употребления формы на *-ачак/-эчэк* от любой глагольной основы: Иртэгә *айаз булачак*, кыйаш айазга байый – Завтра непременно будет ясная погода, солнце садится за безоблачный горизонт. Салам башлар *бетэчэк* – Домов с соломенной крышей не будет.

Прошедшее время. 1. Употребление формы прошедшего – настоящего времени в значении прошедшего категорического времени. При этом форма глагола на *-ган* выражает действие, совершенное в неопределенном или далеком прошлом самим говорящим или при его участии. Например: Тоз күберэк *салгаммын*, бозолмасын дип – Соли побольше положила, чтобы не испортилось. Она мин бит чыбык *куйгаммын* куркытырга – Вон ведь я приготовила прут, чтобы пугать (гусака). Вулгага *йазылгаммын*, жәренгә миңә тийә – Записался в список для получения «Волги», на будущий год мне достанется. Кайан *килгәнсез сез?* – Откуда вы приехали? Эч кеше пич эченә *качканбыз* – (Мы) втроем спрятались в печи. Кереп кара, ишег алнына элп *куйганмын* – Зайди, посмотри, я повесила в сених. Аналогичное явление бытует в нагорных (35: 54–55; 9–75), ичкинском (218: 213), златоустовском (190: 13) говорах и в мишарском диалекте (33: 115; 208: 166; 225: 212; 9: 127; 110: 151)¹.

2. Прошедшее незаконченное время образуется: 1) путем сочетания основы настоящего времени плюс спрягаемая форма вспомогательного глагола *иде*. Параллельно с этой формой употребляется ее более древний вариант, т. е. *-адыр -ийе / -эдер -ийе* (мишарская огласовка вспомогательного глагола частично сохраняется в ряде деревень II типа: *иде//ийе*).

I л. *бара идем//барайдем//барайем//барайым//карадыр идем//барадыр ийем*

II л. *бара идең//барайдең//барайың//барайең//барадыр идең//барадыр ийең //барадырыйың*

III л. *бара иде//барайде//барайы //барадыр иде// барадырыйы*

¹ Махмутова Л.Т. Формы прошедшего времени в мишарском диалекте татарского языка // Советская тюркология. 1976. № 3. С. 20.

I л. *бара идек//барайык//барадыр идек//барадырыйык*
 II л. *бара идегез//барайыгыз//барадыр идегез//барадырыйыгыз*
 III л. *баралар иде//бара иделәр//баралар ийе //барадыр иде//*
барадырыйы

Примеры: Биг умарталарым күп *булайе* – Ульев у меня бывало много. Камзулларга тәңкә тезеп *чыгалар ийе* – На камзол бывало нашивали монеты. Көлтәне бик күп *бәли идем* инде – Я бывало много снопов вязала. Тее киленкәйне үзем *жаратадырыйым* – Ту невесту я сама любила. Кәләмперне баш эләнгәнгә *аши иделәр* – Гвоздику потребляли бывало от головокружения. Бәрәңге дә күп кенә *чәчә иделәр* – Бывало и картошки много сажали.

2) в говоре активно употребляется также форма прошедшего незаконченного времени на *-а торган иде*: Арчига *килә торганнар ийе* өчәр-дүртәр ат белә – Бывало приезжали в качестве арчи (Пары, сопровождающие невесту в дом жениха) на трех, на четырех лошадях. Эта форма характерна, в основном, для среднего диалекта и литературного языка, в мишарском диалекте употребляется редко.

3) Активно выступает форма на *-ыр -иде*, близкая по семантике к значению прошедшего незаконченного времени на *-а торган иде* (110: 156), употребляющаяся во время воспоминаний, выражающая регулярные, обычные действия, имевшие место в прошлом: Пажар дип куркыткачтын *куркар иде* дә бетә йе – Как закричишь «пожар», бывало (больная) пугалась и выздоравливала (от малярии). Бер дә өйдә *тормас ийе* – Никогда бывало не сидела дома.

Активное употребление формы на *-ыр -иде* в значении прошедшего времени имеет место, в основном, в говорах среднего диалекта (мензелинском, заказанских, в говоре пермских татар и т. д.).

4) в некоторых нас. п. II типа зафиксирована своеобразная форма прошедшего времени на *-а булган(нар)*, соответствующая форме на *-а торган булган* литературного языка и среднего диалекта: Арпа, борай бик *ишелә булган* йөктән – Ячмень, полба часто сваливались с телеги. Жиккән атлар арыса, менгән атларны жигеп *китә булганнар* – Если уставали запряженные лошади, то обычно запрягали верховых. В мишарском конце с. Семенкино употребляется несколько иной вариант данной конструкции, где основной глагол

имеет форму на *-ыр/-ер/-р*: Аның ире базарларда чабата *сатар булган* (литер. *сата торган булган*) – Ее муж обычно торговал на базаре лаптями. Этәсеннән соло *сатыб алар булган* – (Она) обычно покупала овес у своего же отца. Чабата тугыйсың алама йтеп дип теге *көләр булган* – Та обычно часто насмеялась над ним, говоря, что лапти некрасиво плетешь.

Повелительное наклонение. Повелительное наклонение в стерлитамакском говоре имеет те же формы и значения, что и в мишарском диалекте (110: 159–160).

I л.	<i>барыйым//барыйм</i>	<i>барыйк//барыйык</i>
II л.	<i>бар</i>	<i>барыгыз</i>
III л.	<i>барсын</i>	<i>барсын(нар)</i>

В некоторых нас. п. II типа (Шланлыкул, Семенкино, Верхне-Каргалы, Нигматуллино, Абдрашиново, Чуенчы, Аюхан, Баймурзино, Салихово, Н. Чуть) наблюдаются случаи употребления аффикса *-айым/-эйем, -айык/-эйек*: Баланы *бирмэйек* – Давай-ка не отдадим ребенка. Тыкмач *кисэйем эле* – Нарезу-ка лапшу. Килегез, утырыгыз, *ашайык* – Идите, садитесь, покушаем.

Это явление характерно для тех пунктов, население которых когда-то имело самые тесные контакты с башкирами. Так, в д. Абдрашиново, Шланлыкул и в настоящее время живут несколько башкирских семей. В с. Семенкино мишари населяют лишь половину села, во II половине живут тептяри, говору которых также присуще употребление дифтонга *-ай /-эй* вм. литер. *-ый/-ий* (графич. *и*).

В д. Салихово, Шаймуратово отмечены единичные случаи употребления архаичной формы повелительного наклонения на *-гын/-ген*, выражающей категоричность повеления: *Баргын* тизерек – Иди скорее. *Ашагын* – Ешь, ешь.

Инфинитив и другие формы. 1. В стерлитамакском говоре инфинитив представлен формой на *-ырга/-ергә, -рга/-ргә*, т. е. как и в литер. языке. Кайа нәрсә *чәчәргә*, кайа нәрсә *алырга*, бич белә – Где что сеять, где что растить (досл. алырга – взять), все знает. Кызны *сорарга* башкода килә – Просить руку девушки обычно приходит сват.

В сочетании со словами *белү, башлау* инфинитив соответствует деепричастию на *-а/-а*: *Укырга башлагач тәртипләнер* – Как начнет учиться, так станет дисциплинированным.

В остальных случаях функции и значения инфинитива совпадают с нормами литературного языка.

Инфинитив на *-ырга* в сочетании со словами *кирәк, бар, юк, тиеш, иде, бул-, ит-, тел-, туры кил-* и т. д. выражает множество различных модальных значений (110: 190–195), что прослеживается и в материалах по стерлитамакскому говору.

В сочетании со словом *бар* инфинитив на *-ырга*, как и в мишарском диалекте (110: 194), соответствует форме на *-асы/-әсе* литературного языка: *Ике оя чыгарга бар ийе* – Должны были выйти два вывода. *Үләндерегә малай бар*, *малайга ү салдырыга бар* – Сына предстоит женить, надо ему дом построить.

В некоторых нас. п. II типа инфинитив принимает личные аффиксы: *Кер йуваргам бар* – Мне надо (т. е. предстоит) стирать. *Пиж бурларгабыз бар* – Нам надо белить печь.

Аналогичное явление более активно выступает в сергачском говоре (110: 194).

Инфинитив на *-ырга/-ергә* с аффиксом принадлежности выступает в значении имени, выражающего название объекта действия: *Утыны, йагаргасы күп* – Дров, топлива у нее много. *Ашаргалары күб әле* – Еды у них много еще. *Кийәргәсе бар*, *белмим, укымыйм ди* – Одежда у него есть, (но) не знаю, говорит, что учиться не будет. *Тартыргаң беткән* – Курево у тебя кончилось.

Аналогичная особенность имеется в сергачском говоре мишарского диалекта (110: 194–195).

2. В говоре довольно активно употребляется характерная, в основном, для говоров среднего диалекта форма глагола на *-асы/-әсе*:

а) изредка в значении инфинитива (в нас. п. III типа): *Әллә тиз генә көлчә чөчөгә пешереб итәсе?* – Или быстренько испечь пресные лепешки и отнести (ей)?

б) в сочетании со словом *бар* выражает необходимость совершения действия, со словом *юк* – отсутствие необходимости его: *Сыласыгыз жүк, бурласыгыз жүк, нинди рәхат, әтәм* – Говорю, как

хорошо, не надо вам ни замазывать, ни белить. Карсагырак булган, астына *кыстырасы бар* – Низковато получилось, надо подложить снизу.

в) в сочетании со словом *икән* совпадает с конструкцией *-асы булган икән* татарского литературного языка и выражает сожаление, раскаяние с оттенком сомнения: Аш саласымын *икән* сиңә – Оказывается, нужно было тебе налить супу. Монау ипине *кисәс(е) икән* – Наверное, нужно было нарезать этот хлеб. Ашамас борон *барасыгыз икән* – Оказывается, нужно было пойти до того, как поели.

г) в сочетании со словом *микән* выражает предположение: Сөт базга төшөрөп *куйасы микән*, ачыр бит – Может быть, молоко следует поставить в погреб, прокиснет ведь.

д) в сочетании со словом *бул-* выражает категорическое должествование в прошлом: Бүздәккә *барасы булгач* йуды тырактырын – Поскольку нужно было ехать в Бүздяк, мыл трактор.

Данное сочетание служит синонимом сочетания *-ырга- бул-*: Ырымбурга барып *түләргә булган* налукны – Надо было ехать в Оренбург, чтобы уплатить ясак.

е) в сочетании с вспомогательным глаголом *иде* выражает сильное желание: Эй *тыңнатасыйы* сезне Фәриткә – Эх, послушал бы вас (т. е. ваши записи) Фәрит.

Сочетание *-ырга + иде* также выражает желание, но более умеренное: Кетү кайткынчык ашны *ашарга иде* – Надо бы поесть до возвращения стада. Былыт кабаргач кайтып *китәргә иде* аларга – Им бы уйти домой, когда поднялась туча.

3. Как известно, характерной особенностью мишарского диалекта является передача внутреннего непроизвольного желания при помощи формы *-гы/-ге, -кы/-ке/-к + келә- (телә-* «желать, хотеть»),

В стерлитамакском говоре данная форма сохранилась лишь в отдельных нас. п. II и III типов (Салихово, Н. Чуть, Былышлы, Сафарово, Бузатово, Верхние-Каргалы): Әни, *ашак кели* – Мама, есть хочется. Ызбага салкын *кереткесе келәми* – Не хочется остужать дом. Төрле телне инде сезнең *белгезем кели?* – Вам хочется знать разные наречия, что ли? Йәшләрнең *укыклары кели* – Молодым учиться хочется.

Наряду с формой *-кы/-ге + кели* употребляется и форма *-асы + килә*, характерная для среднего диалекта и татарского литературного языка: *Күрәсең килсә*, алып бирәм – Если хочешь посмотреть, дам (книгу). *Йәшләр бит алар, барасылары килә йыйынга* – Они ведь молодые, им хочется идти на сабантуй. *Житмеш икегә житкәндә аман сүләсе килми* – Когда приближаешься к 72 годам, не всегда хочется разговаривать. *Без инде чэй эчәсе килә иртүк* – Нам уж с утра хочется пить чай.

Естественно формы *-кы кели* и *-асы + килә* не могут существовать изолированно друг от друга и при взаимодействии возникли их контаминированные варианты.

-асы/-әсе + кели. Любопытно, что в отрицательном аспекте *-асы келәми//келми*: *Барасың келәсә бар* – Раз тебе хочется идти, (так) иди. *Түбәтэй аласы келәгәндер* – (Ему) наверно, хотелось купить тубетейку. *Алжапкычны буwasым келми* – Не хочется надевать передник. *Барасым келәми, шәһәр тормышын йаратмыйм* – Не хочется ехать, не люблю городскую жизнь.

-асы/-әле + кили: *Нәсел-ыруны күрәсе кили* – Хочется увидеть родню. *Минем кайтасым кили* – Мне хочется вернуться. *Йасыйм, эчәсегез киләсә* – Налю чаю, если вам хочется пить. *Үзенең китәсе киләми* – Самому не хочется уезжать.

-ыргасы ср. *-асы + кили*: *Ишетергәсе килеп кетәбез инде* – Хочется услышать (пение артиста), (потому) и ждем.

-ырга + кили: *Мин барыга киләсәм, йук барма, диләр* – Если я задумаю пойти, говорят, нет не ходи.

-ырга кели: *Укырга кели* – Хочет учиться.

4. *-ма/-мә* в сочетании со словом *кирәк*: *Чэй куйма кирәк* – Нужно поставить чай. *Чийәнә ашама кирәк* – Вишню нужно съесть. *Элгәреге тормошны кайсылай сүлә(п) бетмә кирәк?* – Как можно рассказать о всей прежней жизни.

Инфинитив на *-ма* наиболее активно употребляется в говорах нукратских татар (37: 39), подберезинских кряшен (9: 75), а также татар Пермской области (138: 156), в нурлато-кайбицком (35: 48; 9: 206), касимовском (110: 196), бастанском (105, в. 3: 39) говорах и «на западе распространения мишарских говоров, на территории

Рязанской и Тамбовской областей» (110: 195–196). По степени активности употребления этой формы стерлитамакский говор проявляет общность с байкибашевским (108: 75), чистопольским (116: 103) и др., в которых инфинитив на *-ма* сохраняется в основном в определенных оборотах или конструкциях. Форма на *-ма* активно выступает в чувашском (223: 56), имеет место также и в кумыкском (56: 126), караимском (119: 294) языках, зафиксирована в документах половецкого языка (2: 178).

5. Инфинитив на *-мак/-мэк* в сочетании со словом *кирэк*: Монау эсседэ нишлэп йөрмэк кирэк? – Зачем ходить вот в такую жару?

Аналогичная конструкция в таком же значении характерна для мензелинского, байкибашевского говоров и говора татар Куйбышевской области, Башкирской АССР и др. (2: 41–42; 108: 75; 225: 206; 7: 147; 138: 347; 27: 179; 188: 22).

Имя действия. В стерлитамакском говоре употребляются различные формы имени действия.

1. Основной и доминирующей являются форма на *-у/-ү* (также и в литературном языке и в обоих диалектах): Син килүгә матурландым – К твоему приходу принарядилась. Бәләшсез аш йасау йугийе безнең темәндә – У нас, у тюменцев, не принято было устраивать угощение без балиша. Безнең картларның килүвенә дүрт йөз йыл – (Прошло) четырехста лет с тех пор, как переселились наши деды (букв. приходу наших дедов).

2. *-ыш/-еш* (наблюдается спорадически): Жиде йөз йыллар диләр бу авылның утырышына – Говорят, что (уже) лет семьсот основании этой деревни. Форма на *-ыш/-еш* больше всего образуется от определенных основ (*әйтү*, *курку* и т. д.): *Куркышыннан тәгәрәп китәргә мөмкин* – От страха можно упасть (букв. покатиться). *Әйтеш буйынча, безнең бабайлар Ука су буйыннан килгән* – По преданиям, наши деды переселились с Оки. *Бабайлар әйтешенән иң тәү килгән кеше Ибрай булган* – По рассказам дедов, первым, кто поселился здесь, был Ибрай. *Әйтешкә караган вахытта...* – Если судить по легендам... *Бабайларның сүләве буйынча...* – По рассказам дедов...

Форма на *-ыш/-еш* распространена в основном в говорах среднего диалекта (230: 24; 36: 114–115; 37: 36; 9: 210–211; 138: 349;

27: 179). В мишарском диалекте она выступает в таких говорах, которые формировались в контакте со средним диалектом (225: 206; 208: 174–175; 110: 199). Справедливым нужно считать и мнение о роли ногайского языка (110: 199). Форма на *-ыш* имеется в ногайском (21: 89), балкарском (185: 76), турецком (49: 58) и др. языках. В башкирском языке *-ыш* «употребляется как пережиточный аффикс в ограниченном числе слов» (55: 71).

3. Зафиксированы редкие случаи употребления в именном значении формы на *-ыр/-ер/-р*: *Укырдан* кайткан (литер. *укудан*) – Возвратился с учебы.

Именная форма на *-ыр* выступает и в конструкциях типа *-увы + бар*, выражающих опасение: *Жаңгыш базга барып төшәрен бар* – Ты ведь нечаянно можешь упасть в погреб. *Мал чәйнәре бар*, тегендәрәк эл – Скотина может сжевать, повесь подальше.

4. В некоторых поговорках и сочетаниях некоторых глаголов с послелогоми встречается форма на *-мак/-мәк*. *Тумактан* калмаганы, *үлмәктән* калмабыз – Раз родились и смерть неминуема. *Мине сынамаг* өчен эйтте микән? – Или сказал, чтобы испытать меня? *Безнең йак бик бай ашамак* йагына – Наша сторона очень богата разными яствами.

Деепричастие. В употреблении различных форм деепричастий выступают особенности, характерные как для мензелинского говора и литературного языка, так и для мишарского диалекта.

1. Деепричастия на *-ып/-еп/-п* и на *-а/-ә, -ый/-и(й)*: *Калдырып* китим сийә – Уйду-ка, оставив тебе. *Каз өмәсендә* белен ашыйлар ийе *маным* – Во время помочи по ошипыванию гусей бывало ели блины макая (в гусяное сало). *Келә-келә* йыгырды – Смеясь побежал. *Агач китереб* актардым – Привез и свалил лес.

Вместе с тем сохраняется и характерное для мишарского диалекта употребление деепричастий на *-а/-ә, -ый /-и(й)* вм. деепричастия на *-ып/-еп/-п* в сочетании с глаголами движения: *Син сораша* йер инде эләсә – в таком случае ты уж ходи и спрашивай. *Кайа башкыдалый* барасың? – Куда идешь сватом? *Кулларын жууа* керә ахырысы – Кажется, идет (букв, входит) вымыв руки. Также: *Кырыг* эшем *кырыла* йата – Так много работы (досл. сорок дел

лежат рассыпавшись). *Куна йатып эшлиләр* – Работают с ночевкой (букв. ночуя).

Отрицательный аспект деепричастия на *-ып/-еп/-п* имеет в говоре следующие варианты.

-мый/-ми, -мыйча /-мичә – характерны и для литературного языка, в говоре доминируют: Син *күрми* калгансындыр – Ты, наверно, не заметил. Мин бер дә *алдамыйча* сүлим – Я говорю несколько не обманывая.

Другие варианты встречаются гораздо реже, *-мыйчы/-миче*: Бэрәңгене *арчымыйчы* пешерә идек – Картошку бывало варили не очистив.

-мыйнчы/-минче: Самавырын утырткан ут *салмыйнчы* – Поставила самовар не зажигая.

-мыйчак/-мичәк: Эстенә *кимичәк* чыккан – Вышла не одевшись. Капка төбәндә торам инде нишлэргә *белмичәк* – Стою у ворот, не зная что делать.

-мыйчан/-мичән: Мин шуңа күрә *курыкмыйчан* булышам – Я поэтому помогаю безбоязненно (букв. не боясь).

-мыйынчы/-мийенче: Төшкә *кайтмыйынчы* урак урадырыйык – Бывало жали не приходя на обед.

-мастан/-мәстән: Бер кәстәме *алмастан* кайттым да киттем – Ушла домой, не взяв ничего из вещей.

Деепричастие на *-мастан* в сочетании со словами *элек, элгәре, әвәл* выступает и в функции деепричастия на *-ганчы*: Әбийегезне *алмастан* өч йыл *элек* читтә эшләдем – Прежде чем жениться на вашей бабушке, три года работал на стороне. Мин *тумастан элгәре* чуваш булган бер ике нәсел – До моего рождения (в деревне) были два рода чувашей. Карт *үлмәстән* бер йыл *әвәл* булган ийе – (Это) произошло за год до смерти моего мужа (досл. старика).

Аналогичное явление характерно для мишарского диалекта (110: 189), имеет место и в заказанской группе говоров, ичкинском (218: 231, 396), златоустовском (188: 22) говорах и в говоре татар Пермской области (138: 174), имеется и в нас. п. белебеевского подговора, расположенных на востоке и юго-востоке исследуемой территории.

2. По семантической функции деепричастия на *-ганчы/-гәнче* говор не отличается от литературного языка. Нами зафиксированы следующие его фонетические варианты.

-гынчы/ -генче (самый распространенный вариант): Сабан туйын уздыралар ийе сабанга төшкенче – Сабантуй устраивали бывало до начала пахоты.

-кенчегә/-кынчыга, -генчегә /-гынчыга: *Күчкенчегә* житсә йарар ийе – Хорошо было бы, если бы хватило (дров) до переезда (в новый дом).

-генчек/-гынчык, -кенчек/-кынчык: *Үлгенчек* акыл кирәк – Ум нужен до самой смерти. *Үлән чыккынчык* тазартам йортны – Прежде чем появится трава (до появления травы), двор я очищаю.

-гы(н)чак/-ге(н)чәк: Теге чичла *беткечәк* жауды – Дождь шел до конца того месяца. *Китмә чәй эчкенчәк* – Не уходи, пока не выпьем чаю.

-кенчегә/-кынчыкка, -гынчыга/-гынчыкка... + послелог: *Үзе туйып житкенчегә хәдәре* имезгән дә имезгән – Кормила и кормила грудью, пока сам ребенок не насытился. *Кеннәр суwyтканчыкка хадәр* кары була карбазының – До наступления холодов в погребе сохраняется снег.

-гынча/-генчә, -кынча/-кенчә (также употребляется весьма активно): Таң *аткынча* сөйли ул – Он будет рассказывать до рассвета. Анда барып *әйләнгенчә* ике сәгат вахыт үтәр – Пока обернешься оттуда, пройдет два часа.

-кинча/-гинча: Таң *аткинча* утырдык тегенең белә – Сидели с ним до рассвета (до тех пор, пока не наступил рассвет). Теш *авыш-кинча* да жерим, эж булганда – Если есть работа, хожу до тех пор, пока не перевалит за полдень.

-кинчы/-гинчы: Магазин *ачкинчы* тордом – Стояла до тех пор, пока не открыли магазин.

Как и в татарском литературном языке и в диалектах, в говоре часто выступает и другая форма, синонимичная деепричастию на *-ганчы, -мас + борон*: Без *тумас борон* ук Тукай булган инде ул – (Деревня) Тукаево была еще до нашего рождения. *Йетмәс борон* шәмәхә була, йеткәч кап-кара була кара бөрлегән –

Ежевика, пока не поспеет, бывает фиолетовой, а когда поспевает – черной.

3. Деепричастие на *-гач/-гәч* имеет также несколько вариантов: *-гач/-гәч*, *-гачтын /-гәчтен*, *-гачтан/гәчтән*, *-гачтин /-гәчтин* (редко), *-гачын/-гәчен*, *-гачыннан/-гәченнән*.

Семантические функции вышеуказанных форм такие же, что и в татарском литературном языке (177: 154), в мишарском диалекте (110: 183–185) и мензелинском говоре.

Так, деепричастие на *-гач...* выражает время основного действия: *Кайткачтан* бичә алдым – После того как вернулся, женился. *Үлгәчтен* йөз йылга барыр макталуың – Слава твоя будет жить еще сто лет и после твоей смерти. Кич *булгачтын* безне тезделәр дә алып киттеләр – Как повечерело, нас построили и повели. Олом берсе *тугач* та үлдә – Один из моих сыновей умер как только родился.

Указанное значение деепричастия на *-гач/...* может передаваться и причастной формой на *-ган* в форме родительного или исходного падежа в сочетании со словами *соңыннан* и *соң*. Например: Кырык йыл *эшләгәннән соң* пинсийәгә чыктым – После того как проработала сорок лет, вышла на пенсию. Чимийә *таралганның соңонда* өчәү генә калдык – После того как разъехалась семья, остались только втроем.

Время и причина основного действия: Ушлары киткән алама ат алынга килеп *чыккач* – Удивились, когда плохая лошадь оказалась впереди (на сабантуе). Үлән үсеп китә, машина *көрмәгәч* йортка – Если во двор не заезжают машины, он зарастает травой. Бездә чәчкә күп, урман зур *булгач* – Цветов у нас много, поскольку лес большой. Жыш барабыз кунакка, кызыбыз *булгачтын* – Часто ездим в гости, т. к. наша дочь (там).

Условие основного действия: Мәләш кырау *тешкәч* тәмнеләнә. – Рябина становится вкусной после заморозков.

Причастие. 1. Стерлитамакскому говору присущи те же причастия, что и литературному языку и среднему и мишарскому диалектам. Однако в говоре наблюдаются и некоторые отличительные нюансы.

а) Как и в мишарском диалекте и в соседнем мензелинском говоре, причастие будущего времени на *-ыр/-ер/-р*, кроме своего основного значения («признак предмета в плане будущего или настоящего времени...»), 110: 179), может выражать необходимость, долженствование: *Әрмийәгә китәр жылыны камбайда эшләде – в год, когда он должен был идти в армию, работал на комбайне.*

б) Однако более активной формой причастия является форма на *-асы/-әсе*, характерная в основном для среднего диалекта: *Ана шул киләсе улларыма наски бәйлим – Вот для тех сыновей, которые должны прийти, вяжу носки. Әллә тиз китәсе кунактарсыз? – Или вы (такие) гости, которые должны скоро уехать?*

Как видно из примеров, причастие на *-асы/-әсе* в говоре имеет в основном два смысловых оттенка: признак предмета в плане будущего и модальный оттенок долженствования и необходимости.

в) в качестве причастия, выражающего долженствование, может выступать и глагольная форма на *-ырга/-ергә*: *Туй килергә көннә этәй аркамны сыйпап-сыйпап йылы – в день, когда должна была состояться свадьба, отец плакал, поглаживая мою спину.*

г) Форма на *-учан/-үчән* (193: 105) выражает, как и в байкибашевском говоре¹, «постоянное свойство, характер кого-, чего-либо, склонность к чему-либо», выступает, в основном, в функции сказуемого, реже – определения: *Ахирәтемнең сөңдесе беләзек кийүчән – Младшая сестра моей подруги обычно носит браслет. Без ашны төшкә пешерүчәнбез – Мы суп обычно готовим к обеду. Анда жыланнар бала жанына бишеккә кереп *жәтучан* булган – Там змеи имели обыкновение заползать в люльку к ребенку (из легенды о заселении села).*

Форма на *-учан* наблюдается в селах, расположенных по обеим берегам среднего течения р. Уршак, заселенных потомками служилых мешеряков бывшей Осинской дороги, мигрировавших оттуда в XVIII в. в южном направлении.

д) Причастная форма на *-улы/-үле* также близка по своим функциям к причастию. Она выступает чаще всего в функции сказуемого,

¹ Еще Л. Т. Махмутова отметила, что эта форма «по своей специфике, пожалуй, ближе к причастиям» (108: 75).

иногда – определения: Торуларына эпэй *пешүле*, мал *караулы*, чай *кайнаулы* – Когда они встают, хлеб испечен, скот ухожен, чай вскипячен. Тэрэз *корулы*, кич утырсалар – Если (девушки) на посиделках, (то) окна обычно занавешивают. *Тегүле* күлмәкләр саталар – Продают готовые платья.

Указанная особенность наблюдается в заказанских говорах среднего (в функции определения – 26: 110; 38: 36), в тобольском говоре восточного диалектов (в функции сказуемого – 114: 92); имеется в ряде тюркских языков кыпчакского типа (башкирском, каракалпакском, казахском: 73: 15; 23: 444; 44: 10, 15).

Наречия. 1. Образование наречий образа и способа действия.

а) Аффикс *-лата/-ләтә* образует наречия образа действия в основном от существительных и реже прилагательных: Теләсәң *акчалата* бир – Если хочешь, отдавай деньгами. Май әйрәне тәмне була *чечеләтә* йазсак – Пахта бывает вкусной, если (масло) пахтать пока (сметана) не прокисла. Ипинекен *ачылатага* изәсен – Тесто, для хлеба ставишь кислое. *Бетеннәтә* пешерикме? – (Яйца) сварить в целом виде, что ли? Киндерне суга, карга жәйеп агарта митерләтә – Холст ткет, разложив на снегу, отбеливает в виде полотна (букв. метрами).

Аффикс *-лата/-ләтә* активно употребляется в мишарском диалекте (110: 205–206), характерен также и для среднего диалекта и татарского литературного языка

б) Послелог *көйе/көйгә/кийе/кигә/көйөнә/кейенә/күвенә* образует наречия образа действия от прилагательных: *Эсе көйө* салмый торогыз – Не наливай пока горячая (вода). Күкәй ашыйсызмы *йомро көйөнә* – Будете есть яйца в целом виде (букв. в круглом виде). Без үзөбез *шул кейгә* ашыйбыз, каймаклата – Мы сами едим в таком виде, в виде сметаны. *Йәшел күвенә* тызладым – (Помидоры) солила зелеными.

в) Аффикс *-лый/-лий, -ный/-ний, -лай/-ләй* – в мишарском диалекте, *-лай /-ләй* – в среднем и литературном языке образует наречие образа и способа действия преимущественно от слов *йәш, бөтен, кайнар, эссе, тере* и некоторых других: Безнең әткәй *йәшлий* үлде – Наш отец умер молодым. Ирдән бик *йәшлий* калды – Очень

рано овдовела. Бик *кайнарлы* ашамый ул – Он не ест в слишком горячем виде. *Башлы* алдым, йарты кила шикәр – Купила головкой полкило сахара.

Аффикс *-лы*, присоединяясь к наречиям с окончанием *-ча* (бүтәнчә, төрлечә), усиливает их значение: Төрле кеше *төрлөчәлий* була – Разные люди бывают разного характера. Шау үгез йанында эшләдем, шунан *бүтәнчәлий* урынга кермәдем мин – Все время работала с волами, на другое место я (так и) не перешла.

г) Аффикс *-ча/-чә* может присоединяться также к местоимениям и существительным, снабженным аффиксами абстрактной принадлежности или винительного падежа: Башкорт *үзләренекенчә* сүләшә – Башкиры говорят по-своему. Аннан *абзыйныкынча* эшләдем – Потом сделала, как у брата. Кодагы *нәстә сүләсә дә аныкынча* – Как скажет сваха, так и бывает. *Безнекенчә* кәзәнкә ул – По-нашему это – казенка.

2. Наречия времени от слов, обозначающих времена года и сутки, образуются при помощи: а) аффикса *-ны/-не*: *Кезне* бәрәннәгән – бүлтерек була – Ягненок, родившийся осенью, называется бүлтерек. *Ничә рәт үтеп* жерделәр, *кышны* үттеләр, *йазны* үттеләр, *кезне* үттеләр – (Белые) сколько раз проходили (здесь), зимой прошли, весной прошли, осенью прошли. *Тешне* пешерсәгез, *тешне* ашарга булыр – Если сварите в полдень, можно будет пообедать. Лимма *иртәне* ышкулга китте – Лемма утром ушла в школу. Кыйар тураган ийем *кичә кичне* – Вчера вечером нарезала огурцов.

б) в сочетании со словом *көне* (литературная форма): *Йаз көне* бува будык – Весной пруд прудили. *Йәй көнө* арба шунда йортта торган – Телега летом обычно стояла тут во дворе. Также: *Кич көне* керерсез безгә – Зайдете к нам вечером.

Спецификой говора является также уподобление слова *көне* ведущему слову *кыш* по линии небной гармонии: *Кыш кыннарны* башын да алмый эшли ул – Зимой он работает не поднимая головы. Жондан баскан пима була, *кыш кыны* кийэләр – Бывают валенки, валяные из шерсти, (их) зимой носят.

в) Наречия времени от слов, обозначающих времена года и сутки, могут быть образованы лексико-семантическим способом:

Йазырак эрлэгән ийем – Весной спряла. *Жәй* сузык була, *кыш* йылы була – Летом (в подвале) бывает прохладно, а зимой тепло.

г) Наречия времени от слов, обозначающих времена года и сутки, образуются при помощи аффикса абстрактности *-лык/-лек*, который нередко присоединяется после аффикса относительно (*кышлык//кышкылык, йазлык//йазгылык*). Такие образования употребляются обычно в сочетании с аффиксами местного, дательно-направительного, инструментального падежей: *Жәйлектә* шунда тора бәрәңге – Летом там хранится картошка. *Жәйгәлеккә* кош-корт асырарга ипле – Удобна для содержания летом домашней птицы. *Кышкылыкка кийын*, бураннарда су йук – Зимой трудно, во время буранов воды не бывает. *Кичкелеген* өйдә бул – Вечером будь дома. *Тәңгәлеген* караылда торабыз – Ночами стоим в карауле.

д) Наречия времени образуются, как и в литературном языке, при помощи аффикса инструментального падежа: *Кышын* эшләр беткәч барасын утырмага – Зимой, когда завершаются полевые работы, идешь на посиделки (этно. обычай, когда девушка продолжительное время гостит у родственников и занимается своим рукоделием). Эле шул кат'ты *йәйен* – Летом вот он приехал.

3. Образование наречий продолжительного времени. а) Активно выступает следующий основной способ: *кыш буйы//кыш буйына//кышның буйы//кышлар буйына; жәй буйы//жәй буйына//жәйнең буйы//жәйләр буйына; көн буйы//көн буйына//көннәр буйына//көннөң буйына*.

б) Употребляются различные лексические средства: *озон көнгә; төн озонына, кен ызынына//көннөң озонна, озон көн буйына, төнө белә//тене белә*.

4. Большинство диалектных наречий присуще как стерлитамакскому, так и соседнему мензелинскому говору.

Иртәнчәк (*иртәнге чак*) – утром: *Иртәнчәк* торасыларым килми – Утром не хочется вставать. *Әнкәй иртәнчәк* уят, үзем су ташырмын – Мама, разбуди утром, сама буду насыть воду.

Тәү, тәүбаш, тәwendә, тәүдә (литер. *башта*) – сначала;

¹ Это послеложное слово, как и в соседнем мензелинском говоре, нередко употребляется в виде *бийы, бийына* и т. д.

Иртәгә суңа (или соңга) – послезавтра: Безгә иртәгә суңга эшкә – Нам послезавтра на работу. *Иртәгә соңга* Дәүләкән бара-сыңмы? – Послезавтра ты едешь в Давлеканово?

Азак – потом: *Азак* йазарсын – Потом будешь писать.

Жива (рус.) – живо, быстренько, сразу: Кул белә чәчәбез дә *жива* тырмап ташлыйбыз – Сеем рукою и быстренько боронuem. Также в мишарском диалекте.

Говору характерны своеобразные усилительные наречия: Тәрзә төбә кызу *эштән чыккан* – Подоконник очень горячий. *Тамаша* кыйын заманнар булды бит – Ведь очень трудные времена были. Кич белән дә *һәләк* кызу – Даже вечером очень жарко.

Союзы. 1. Союз *исә*, выражающий условно-причинные или временные отношения между действиями, употребляется более активно, чем в литературном языке: Ыспас башланд[ы] *исә*, тотонабыз арыш чәчәргә – Как только начинается Спас, приступаем к севу ржи. Агус бетт[е] *исә*, китәләр – Как только кончается август, (они) уезжают. Жаңгыр жаумад[ы] *исә* килегез – Если дождя не будет, приходите.

При этом союз *исә* часто принимает аффиксы лица вместо основного глагола: Чак кына чирләд[е] *исәм*, Тапазыга барам – Стоит только немного приболеть, еду в Толбазы. Йаратт[ы] *исәгез*, әпекәйе белә ашагыз – Если нравится вам, ешьте с хлебом. Аффиксы лица могут присоединиться и к основному глаголу и к союзу *исә* одновременно: Йаттың *исәң* урын жәйүле – Если ложиться, то постель постелена. Аңа бирдем *исәм* бийәлийеме, туңам – Если ва-режки ей отдам, (сама) мерзну.

Употребление союза *исә* в сочетании с глаголами прошедшего категорического времени изъявительного наклонения активно выступает в говоре нукратских (37: 48), пермских (140: 109), златоустовских (190: 17) татар, нагайбакских (218: 95) кряшен, бытовала в татарских письменных источниках (32: 102, 227, 380, 393, 406 и т. д.). Присоединение аффиксов лица к союзу характерно, в основном, для говоров Приуральского ареала, включая и белебеевский подговор (218: 275, 420; 27: 93, 188; 7: 152), наблюдается в говорах башкирского языка (19: 39; 100: 104, 105; 73: 50).

2. В стерлитамакском говоре имеются союзы *атуисә//атуә, йугыйсә*: Мин үзем андыз эчеп торам, *атуә* аш үтми – Я сама пью девясил, иначе нет аппетита. Мал асыравы кыйын, *йугыйсә* тырмыш эйбәт – Скот содержать трудно, а так жизнь хорошая.

Послелогои. По составу, семантическим и грамматическим функциям послелогов стерлитамакский говор также близок к татарскому литературному языку, имеются и некоторые отличительные особенности.

1. Послелогои, управляющие основным падежом существительных и родительным падежом местоимений.

Послелог *өчөн* имеет более широкое употребление: он сочетается не только с личными глаголами на *-сын/-сен*, но и причастием на *-ыр* и именем действия на *-у* и образует синонимичные конструкции: Аны карга ташлыйсын *агарыр өчен* – Чтоб побелел, его (холст) держишь на снегу. Катък-сөт *утырту өчөн* кар базы йасый – Чтобы хранить (букв. ставить) молочные продукты, делает погреб.

В с. Баймурзино, как в белебеевском подговоре, употребляется послелог *өчөн//өчөнгә*: Күз чагылмасын *өчөнгә* абажур куйдык – Чтобы не слепило глаз, повесили абажур.

белән//белә//была (редко) – вместе с. Семантика данного послелога в стерлитамакском говоре шире. Так, он образует различные конструкции, выражающие причинные отношения между действиями: Бала-чагадан йәрдәм килүлек *белә* эйбәт тордом – Жила хорошо, потому что дети помогали. Су тирмәннәре бетү *белә* йылгалар кәми – С исчезновением водяных мельниц реки мелеют. Тел әзерәг үзгәреш бит, шуның *белән* алатыр атаганнар – Язык ведь немного отличается, вот поэтому назвали алатыр.

Бары – литер. *буге*: Гүмер *бары* печән чаптык – Всю жизнь сено косили.

Послелогои, выражающие сравнение, уподобление по качеству. Наиболее активно употребляются: *кебек* и его варианты; далее *төсле, ише, шикелле, сыман//сымак, сынны* < *сын* – стан, фигура; характерный послелог для мишарского диалекта (110: 222). Изредка встречаются *сыйфатлы, мисалында* и т. д. (как и в мензелинском говоре, *кебек//күшек//күк//күбек//күүк//кешек*): Минең карбаз ул

халадилник *кук* – Мой погреб, как холодильник он. Житеннең киндере йомшак була, пәжинекә *күрек* булмый – Льяной холст бывает мягким, а не такой, как конопляный. *Хастә* булайы, камыт *күбег* итеп кийәйек – Была перевязь, надевали бывало хомутом (наподобие хомута). Безнең анда пайит бар *кухнасымак* – Там у нас есть постройка, используется вместо кухни. Чагызак умарта корто *сымагырак* – Оса нападает пчелу. Үз аягым *төсле* түгел – Будто не свои ноги. Сәвәнәй *сынны* йөрмә – Не ходи как пугало. Үзең белмәгәч *әнә сынны* тиг утырасын – Раз сам не знаешь, сидишь как немой. Туйда бабырсак кәбән *шикелле* тора – На свадьбе баурсак стоит (на столе) как стог. Баса йомшак, йитен *сыйфатлыраг* ул – Посконь мягче, он немного напоминает лен. *Тач* пычак мисалында үзе, калын гына – Сам он точь-в-точь как нож, лишь толстый. Аның *ише* утынны жагасың инде булса – Такие дрова сжигаешь уж, если есть.

Сравнительные послелогии могут употребляться в функции модальных слов: Ике йөз йыл чамасы бар *шикелле* безнең килгәнгә – Кажется, уже лет 200, как мы (т. е. наши предки) сюда переселились. Киндерне карга жәйеп агарталар *төсле* – Холст отбеливают, кажется, на снегу.

Как показывают наши материалы, в модальной функции более активно выступает послелог *шикелле*, также *төслә*, *кебек*. Так же и в мишарском диалекте (110: 255).

Послелогии, выражающие сравнение, уподобление по количеству, размеру и величине.

тике//тәки//тәке//тиңне//тиңке//тигелтен//тигетен (т. е. так же, как и в мишарском диалекте). Тее кыз менә шулай мөржә тәкле – Та девушка вот (такая) высокая, как печь. Анасы барыбер корт *тәке* генә вет – Пчелиная матка все равно величиной ведь только с пчелу. Бөгелмәдә укыган кызым өрлөк *тәки* – Дочь, которая учится в Бугульме, (высокая) как матица. Мын *тәкене* ничек күтәрәп кайтасың?! – Как понесешь столько (такое количество)?!

чикле//чәке//чик//чике//чиклеге//чаклыгы//чакы – с, величиной с: Пыдаукасы ике бидыра сийышлы, шуның гына *чике* тыткасы була иде – в пудовку вмещается два ведра (зерна), у нее бывает ручка

лишь вот такой величины. Зур вет, өстэл *чике* – Большой ведь, величиной со стол.

хәтле//хәтлек//хәтлеге//хәбәрлеге//хәдәре//хәтлегә// хәтлем// хәдәре: Амбар хәдәрлеге – Величиной с амбар. Кала хәтле зур асыл – Деревня большая, с город.

2. Послелогои, управляющие дательным-направительным падежом (выражают предел во времени и пространстве).

тике//тәки//тәке//тиңне//тиңке//тигелгән//тигетен – до: Шушы вахытка *тике* эшләп килдем – До последнего (букв. этого) времени работала. Мин жиде бабага *тиңне* беләм – Я знаю предков (по мужской линии) до седьмого колена. Саша Таймасның бу йагына *тәке* – Шоссе до этой стороны (дер.) Таймасово.

чикле//чәке//чик//чике//чиклеге//чаклыгы//чакы – до: Элегә *чикле* йакмадым – До сих пор не топила (дом). Балына *чәке* китерәләр иде туйга – На свадьбу бывало привозили (со стороны жениха) вплоть до меда. Йаңгырга *чик* кайтып элгердегезме сың? – Успели, что ли, вернуться до дождя? Урта күпергә *чиклеге* в'аткылар санала – Те, кто живет до среднего моста, считаются (выходцами) из Вятки. Моңа *чаклыгы* булган хәлләр – События, происходившие до сих пор. Унга *чакы* мәктәп – Школа до десятого класса.

хәтле//хәтлек//хәтлеге//хәдәрлеге//хәдәре//хәдәре//кадәрлеге// хәдәрлеге//хәтлегә//хәтлем: Мийә *хәтле* ничә йыл үткән – До меня сколько лет прошло. Она йортта *нихәтлеге!* – Вон сколько во дворе! Шунда *хәтлеге* барып йетә – Доходит до того места.

Зафиксированы случаи, когда существительные с вышеуказанными послелогоми могут стоять в форме основного падежа: *Тәрәз тиңке* салалар өргәнә тышкы яктан – Завалинку снаружи делают до окон. *Йарты тигелтен* агартасыңмы? – Печь белишь до половины ее? Бөтенесендә булгы, *шул чикле* байлар – У всех «Волга», до такой степени богатые.

була/бола – ради, из-за: Башлап бөгөн калды, эпәй салырга *була* – Первый раз сегодня осталась (дома), чтобы хлеб испечь. Элек бит пәжийенә *була* чәчкәннәр киндерашны – Раньше ведь ради пакли сеяли коноплю. Сөтөнә *была* калдырасым кили

кәжәне – Ради молока хочу оставить козу. Теге балага *была* бәрәңге кыздырганыым – Ради того ребенка пожарила было картошку.

Послелог *була* имеет место во всех диалектах татарского языка, бытует и в башкирском, казахском и др. языках (74: 109; 221: 165; 161: 390).

3. Послелог и послеложные слова, управляющие исходным падежом.

бирле//бирлеге – с тех пор: Агустан *бирлеге* житмеш жиде белән барам – Начиная с августа мне идет семьдесят седьмой год.

Данный послелог в сочетании с формой на *-ган*, в отличие от литературного языка, управляет винительным падежом: Калхуз *чыкканны бирле* мал бырачы булыб эшлэгән ул – С тех пор, как организовали колхозы, он работал ветеринаром. Так же в мишарском диалекте (208: 185; 110: 232).

арысы, ары (литер. *соң*) – после того; Шунан *арысы* жийылышканнар, сүләшкәннәр – После этого они собрались, поговорили. Нәстә тели, шуны ашаттым, куражиләге ашады, аннан *арысы* карлыган – Что ему хотелось, то и давала ему есть, поел малины, смородины.

ала, литер. *алып* (< гл. *ал* – брать, взять) – по, с (выражает пространственное значение): Айагын кистеләр тездән *ала* – Отрезали ногу по колено. Эш турынан килдегезме шуннан *ала*? – По делам приехали, что ли, из такой дали?

Данный послелог отмечен в мензелинском говоре (27: 186), распространен в говорах башкирского языка (73: 56; 74: 109). Ср. в мишарском диалекте: *гәп*.

түбән (литер. *соң, ары*) – после: Мин монан *түбән* сине алып та төшмәм – в таком случае (букв. после этого) я тебя и не возьму с собой.

Так же в нагайбакском, мензелинском говорах.

Частицы. По их составу и употреблению говор совпадает с татарским литературным языком. Отмечены следующие отклонения.

В нас. п. II типа сохраняются мишарские варианты утвердительной частицы *бит*, а именно: *вем//wet* (тат. *бит*) < рус. *ведь*. Например: Тубык ваты *вет* инде – Вот ведь щиколотка. Безнен бабайлар ука сувы буйыннан килгәннәр *wet* – Наши предки ведь пришли с Оки.

Указательные частицы *әнә*, *менә* татарского литературного языка в стерлитамакском говоре употребляются в следующих вариантах:

әнә, *менә*//*wət* – в нас. п. I типа. Ср. также и в среднем диалекте и сергачском, чистопольском говорах мишарского диалекта (110: 236).

әнә//*она*//*ана*, *менә*//*мона*//*wam*//*wət* в нас. п. III типа. *Ана* теге урамга чыгарсыз – Выйдете вон на ту улицу. *Мона* безнең аwohl – Вот наша деревня. *Она* калын урман – Вон дремучий лес. Ср. *мона*, *ана* в среднем диалекте и цокающих говорах мишарского диалекта (110: 237).

вун'ы//*ван'ы*//*wan'e*//*ваны*//*ваны*//*ана*; *ваты*//*wаты*//*wət*//*wət*//*wət*//*монә*//*ватыкай* – в нас. п. II типа: *Ваны*, *ваны* болотка кереп китте – Вон, вон скрылся за тучами. *Вәте*, *вәте* бабасы – Вот, вот его дед. Салих бабайның *wət* йорт урнысы – Вот усадьба деда Салиха. *Wаты* кайыннык булган – Вот (там) был березняк. *Әби*, *ватыкай* пәке – Бабушка, вот ножик. Каз күп, *ване* урам тулы – Гусей много, вон полна улица. Тегеләре ырамнар *вун'ы* – Вон те рамы. *Ваты* килнемнен вынукасы – Вот внук моей снохи. *Wan'e* балан – Вон калина.

Эти варианты характерны для говоров мишарекого диалекта (за исключением чистопольского говора; 110: 236).

В нас. п. II типа изредка встречается присоединение вопросительной частицы *-мы/-ме* к тому слову, на которое падает логическое ударение: *Урамнан мени кайталар?* – Улицей, что ли, возвращаются? Салихта *озакмы* торасыз? – (Вы) долго будете в (деревне) Салихово? *Шифыр беләнме* йабасың? – Шифром, что ли, хочешь крыть?

Эта особенность, характерная черта мишарского диалекта, не отмечена лишь в чистопольском говоре его (110: 248).

Таким образом, в стерлитамакском говоре сохранились специфичные мишарские черты. Так, говору присущи открытый *a*, заднеязычные *k*, *g*, *x*, монофтонгизация дифтонга *-өй*, сокращение имен собственных, случаи употребления двойного аффикса принадлежности (*кура жыләгесе*, *самавыр* парысы), выпадение *-p* в инфинитиве и глаголах будущего времени с основой на *-p* в I и II лицах обоих чисел, употребление прошедшего – настоящего времени и

в значении прошедшего категорического времени (мин *барганмын* вм. литер. *бардым*), факультативное употребление вспомогательно-го глагола *иде* в мишарском звучании, оформление I л. ед. ч. повелительного наклонения (*барыйым* – пойду-ка), варианты аффиксов причастий и деепричастий, характерные для мишарского диалекта (*-гинча/-кинча*, *-гачтин* и др.), употребление деепричастия на *-а* вм. литер. *-ып* в сочетании с глаголами движения (*йогора йери*), варианты *-нын*, *-нен* или усеченные варианты *-ны*; *-не* родительного падежа местоимений (*мине белән*, *безнен*, *синен*), сложные аффиксы пространственных падежей местоимений (*анарга* и т. д.), ряд местоимений (*кеме дә*, *кайа булса*), послелогои *сынны*, *таке*, *чаке*, *чаки*, указательные частицы *ваны//...*, *ваты//...* и др.

В то же время под влиянием соседнего мензелинского говора в ряде особенностей, специфичных для мишарского диалекта, появились некоторые отклонения. Так, например, огубленность *a* в отдельных нас. п. II и III типов, наличие несколько озадненного варианта заднеязычных согласных *k*, *g*, *x*, ограниченность монофтонгизации дифтонгов *-ай*, *-эй*, *-өй*, *-ой*, *-уй*, *-үй* и употребление глагольных форм, выражающих непроизвольное желание (*-гы + кел-*), характер протекания действия (*-акла*) и т. п. Не отмечены формы прошедшего времени на *-ып/-еп*, желания *-гы + -иде*, *-гай + иде* и некоторые другие.

Наряду с этим, в результате контактирования с соседним мензелинским говором, в стерлитамакском говоре возникли особенности, нехарактерные для мишарского диалекта: случаи употребления дифтонга *-ай/-эй* вм. *-ый/-ий* (графич. *-и*), интердентального *й*, звуковые соответствия *и ~ у* (*бийына*, *тийына*), *э ~ и* (*кэбән*, *кэртә*), аффикс многократности действия *-ыңкыра* и т. д.

В ходе взаимодействия явлений, присущих среднему и мишарскому диалектам, возникли контаминированные варианты (*-асы келә*, *-асы кили* и т. д.), тенденция к смысловой дифференциации синонимичных форм (*-ырга- иде* – *-асы иде*) и т. д.

В итоге в стерлитамакском говоре сформировалась своеобразная система диалектных явлений, что нам дает основание рассматривать его как самостоятельный говор мишарского диалекта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Анализ языковых особенностей показал, что на территории современной юго-западной Башкирии распространены такие говоры татарского языка, которые по своему языковому и грамматическому строю, лексическому составу весьма близки к татарскому литературному языку. Основа такой общности находит свое объяснение в истории формирования этих говоров и их носителей.

Как показывают данные архивных источников и исследования по истории и археологии, пути этнического и культурного развития населения Волго-Камья и Приуралья были тесно переплетены еще в I половине 1 тысячелетия н. э. Продвижение на восток болгарских племен и племен, испытавших болгарское влияние, привело к возникновению генетической общности между тюркоязычным населением двух ареалов: Поволжья и Приуралья (в данном случае мы имеем в виду пределы современной Западной Башкирии). Эта общность продолжала углубляться и в последующие периоды – периоды Золотой Орды и Казанского ханства.

После падения Казанского ханства и присоединения Башкирии к Русскому государству произошло массовое и весьма интенсивное переселение поволжских татар в пределы современной Западной Башкирии, что еще более усилило как этнические, так и культурно-экономические связи между населением вышеуказанных двух ареалов. В конце XVI и в XVII в. правительством были переведены в пределы современной Западной Башкирии служилые мишари, в числе которых были (и немало) вольные. Они сыграли значительную роль в этнолингвистических процессах, происходивших в приуральском регионе.

Следующий этап массового переселения казанских татар и мишарей в эту же территорию относится к II половине XVIII и началу XIX в. Но оно уже происходило по разрешению правительства.

Архивные источники показывают, что существование татар современной Западной Башкирии под различными названиями, носящими в большинстве случаев сословный характер, связано не с этническим происхождением их, а со способами устройства на занятой ими земле. А это в свою очередь позволяет выяснить ход сложных социально-экономических процессов на территории западной Башкирии и подтверждает выводы языковедов об этническом единстве различных групп земледельческого населения исследуемого региона.

2. Сложность исторических судеб населения юго-западной Башкирии не отразилась на языке, т. к. носители среднего диалекта, известные под различными названиями («тептяри», «башкиры», «новобашкиры», «казанцы», «ясачные»), сохранили свои традиционные говоры среднего диалекта, а носители мишарского диалекта («тептяри», «тәмәннәр», «алатырцы», «башкиры», «мещане», «крестьяне» и др.) до сих пор сохранили (хотя в различной степени) свои мишарские говоры. Т. е. на рассматриваемой территории Башкирии до настоящего времени бытуют говоры двух основных диалектов татарского языка: среднего и мишарского. Говор представителей среднего диалекта по ведущим диалектным особенностям совпадает с мензелинским говором, однако имеет некоторые отклонения от него и может рассматриваться как отдельный его подговор – белебеевский. Говор мишарей, хотя и подвергся определенному влиянию мензелинского говора и татарского литературного языка, характеризуется целым рядом специфических мишарских черт. Это позволяет выделить его в качестве самостоятельного говора мишарского диалекта под названием «стерлитамакский».

В процессе формирования эти говоры взаимовлияли между собой (Ср., напр., *чобар*, *моно кебек*, спряжение модального слова *кирәк* и др. в белебеевском подговоре и случаи употребления спиранта *d*, дифтонга *-ай/-эй* вм. *-ый/-ий* и некоторые другие в стерлитамакском говоре).

Вместе с тем нельзя отрицать и некоторого влияния башкирского языка, проявляющегося в употреблении дифтонга *-эй* в словах *үгэй, тәпэй, җизнэй*, фонетических вариантов отдельных слов (*билдәле, ақлан* и т. п.), формы направительного падежа личных местоимений I и II лиц ед. ч. (*мийә//миңә, сийә//сиңә*) и т. п. Постоянный контакт с башкирским языком способствовал устойчивости некоторых особенностей общекрышчакского характера (причастие на *-улы* и т. п.).

В целом же лингвистический материал по татарским говорам современной юго-западной Башкирии представляет большой научный интерес не только для изучения истории их формирования, но и для исследования вопросов истории развития татарского языка.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АЭБ, I, II, III, IV – сб. «Археология и этнография Башкирии». Уфа, I, 1962; II, 1964; III, 1968; IV, 1971.

БД – сб. «Башкирская диалектология». Уфа, 1963.

БДС – сб. «Башкирский диалектологический сборник». Уфа, 1959.

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области (г. Оренбург).

ГАПО – Государственный архив Пермской области (г. Пермь).

ДАТЯ – Диалектологический атлас татарского языка.

ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при имп. Казанском университете.

ИСГТЯ – сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II, Морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1956.

МД – сб. «Материалы по диалектологии». Казань: Таткнигоиздат, 1955.

МТД, 2, 3, 4 – сб. «Материалы по татарской диалектологии», Казань, вып. 2, 1962; вып. 3, 1974; вып. 4, 1978.

ПСЗ – Полное собрание законов. Т. 1–45, СПб., 1830.

ЦГА БАССР – Центральный государственный архив Башкирской АССР (г. Уфа).

ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов (г. Москва).

букв. – буквально

вм. – вместо

графич. – графически

д. – деревня

дор. – дорога (административная единица)

ед. хр. – единица хранения

ж. – журнал

и. с. – имя собственное

л. – лист

литер. – литературный

назв. – название

нас. п. – населенный пункт

- р. – река
- с. – страница
- ср. – сравни
- т. – том
- у. – уезд
- ф. – фонд

В монографии применена упрощенная транскрипция на основе существующей татарской графики. Дополнительно введены следующие буквы и знаки:

- қ – глубоководнеязычный шумный глухой согласный (қар, қаз)
- ғ – глубоководнеязычный шумный звонкий согласный (бағана, қалған)
- d – межзубный вариант звука з.
- w – губно-губной щелевой согласный (вақыт, һауа)
- v – губно-зубной щелевой согласный звук
- йа, йә – я
- йу, йү – ю
- йы, йе – е
- ' – знак палатализации
- > – знак направления развития
- // – знак параллели и большой паузы
- / – знак паузы

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абдувалиев Ю. Фонетико-морфологические особенности ташкентского говора казахского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1967.
2. Абдуллин И. А. Армяно-кыпчакские рукописи и их отношение к диалектам татарского языка // МТД, 3. Казань, 1974. С. 166.
3. Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алма-Ата: Паука, 1971.
4. Акимова М. С. Этногенез башкир по данным антропологии // АЭБ, IV. Уфа, 1971. С. 38.
5. Алекторов А. История Оренбургской губернии. Оренбург, 1883.
6. Алишев С. Х. Татары Среднего Поволжья в пугачевском восстании. Казань: Таткнигоиздат, 1973.
7. Алмаз Ж. Башкортстанның Дүртили һәм Илеш районлары татарларының сөйләшенә карата // Уч. записки Казанского гос. университета. Т. 119, кн. 6. Казань, 1954.
8. Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // ж. «Живая старина», вып. III и IV. СПб, 1896.
9. Арсланов Л. Ш. Татарские говоры правобережных районов Татарской и Чувашской АССР: дис. ... канд. филол. наук, Казань, 1966.
10. Арсланов Л. Ш. Говор мордвы-каратаев. Татар теле һәм әдәбияты мәсьәләләре // Труды Казанского государственного педагогического института, Казань, 1965.
11. Арсланов Л. Ш. Татарские говоры правобережных районов Татарской и Чувашской АССР: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1966.
12. Арсланов Л. Ш. О влиянии ногайского языка на татарские говоры Ставропольского края // Советская тюркология. 1972. № 5.
13. Арсланов Л. Некоторые морфологические особенности говора ставропольских татар // Конференция по татарскому языкознанию, посвященная 50-летию СССР. Тезисы докладов. Казань, 1972.
14. Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962. I; 1964. II; 1968. III; 1971. IV.
15. Афлетунов А. Ш. Языковые особенности татар западной и юго-западной части БАССР: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1961.
16. Ахатов Г. Х. Диалект западно-сибирских татар, Уфа, 1963.

17. Ахмаров Г. О языке и народности мишарей // ИОАИЭ. Т. XIX, вып. 2, 1903.
18. Ахмаров Г. Н. Тептяри и их происхождение // ИОАИЭ. Т. 23, № 5, 1907.
19. Баева Н. Х. Говоры долины реки Ай. Фонетика и морфология // БДС. Уфа, 1959. С. 9.
20. Баишев Т. Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М.: Изд-во Москов. ун-та. 1955.
21. Баскаков Н. А. Ногайский язык и его диалекты. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
22. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М.: Высшая школа, 1969.
23. Баскаков Н. А. Каракалпакский язык, ч. II. Фонетика и морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
24. Батманов И. А. Северные диалекты киргизского языка. Вып. I. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1938.
25. Батманов И. А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1959.
26. Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III, ч. I. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
27. Баязитова Ф. С. Татар теленең Түбән Кама тирәсендә таралган сөйләшләрә: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1973.
28. Баязитова Ф. С. Татарские говоры Нижнего Прикамья: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань. 1973.
29. Бессонов А. Г. О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам // Журнал Министерства народного просвещения, ч. ССХVI. СПб., 1881.
30. Бикбулатов Н. В. Системы земледелия башкир в XIX – начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX и начале XX в. М.: Наука, 1979.
31. Борибаев А. Языковые особенности урдинских казахов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1966.
32. Борынгы татар әдәбияты. Казан.: Татар. кит. нәшр., 1963.
33. Борһанова Н. Б. Татар теленең Мордва АССР территориясендә таралган сөйләшләрә турында // МТД, 2. Казань, 1962. С. 93.
34. Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., I, 1869; II, 1871.
35. Бурганова Н. Б. Особенности говора татар нагорной стороны ТАССР // МД. Казань: Таткнигоиздат, 1955. С. 28.
36. Бурганова Н. Б. Из наблюдений над говором параньгинских татар // Известия КФАН СССР, сер. гум. наук, вып. I. Казань, 1955.
37. Бурганова Н. Б. Говор каринских и глазовских татар // МТД, 2. Казань, 1962. С. 19.

38. Бурганова Н. Б. О некоторых архаичных формах глагола в заказанских говорах // Тезисы докладов итоговой научной сессии за 1970 г. ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР. Казань, 1971.

38а. Бурганова Н. Б. О временных формах глаголов изъявительного наклонения в Заказанских говорах // МТД, 3. Казань, 1974. С. 7.

39. Бурганова Н. Б., Махмутова Л. Т. К вопросу об истории образования и изучения татарских диалектов и говоров // МТД, 2. Казань, 1962. С. 7.

40. Васильев С. М. Припущенники на башкирских землях в I половине XVIII в. (тептяро-бобыльское население Башкирии): дис. ... канд. филол. наук. М., 1950.

41. Васильев С. Башкорт йерендә припущенниктәр (XVIII быуаттын беренсе яртыһы) // Өзәби Башкортостан. 1951. № 2.

42. Васильев С. М. К вопросу о землепользовании пришлого нерусского населения в конце XVII – начале XVIII в. // Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству, Уфа, 1958.

43. Витебский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897.

44. Вопросы истории и диалектологии казахского языка. Вып. I. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1958.

45. Воробьев Н. И. Этнические группы татар Среднего Поволжья и Приуралья // Итоговая научная сессия Казанского института языка, литературы и истории АН СССР за 1963 год (краткое содержание докладов). Казань, 1964.

46. Всеволожский Н. С. Географическо-исторический словарь Российской империи. Т. II, 1823.

47. Генинг В. Ф. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии нашей эры // АЭБ, II. Уфа, 1964. С. 111.

48. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799.

49. Гордлевский В. А. Грамматика турецкого языка (морфология и синтаксис). М., 1928.

50. Городской. Устройство быта тептярей Красноуфимского уезда. СПб.; Пермские губернские ведомости, № 39, 1861.

51. Гурвич Н. А. Племенной состав населения Уфимской губернии и приблизительная численность его в 1878 г. // Уфимские губернские ведомости. 1880. № 21 и 22. Уфа: Изд-во Уфим. статистического комитета.

52. Даль В. Толковый словарь живаго великорусскаго языка. Т. I–IV. СПб., 1880–1882.

53. Ден В. Э. Население России по пятой ревизии. Т. I. М., 1902.

54. Дмитриев Н. К. Строй турецкого языка. Л., 1939.

55. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
56. Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М.-Л., 1940.
57. Дмитриев Н. К. О произношении общетюркского R // Строй тюркских языков. М: Изд-во вост. лит-ры, 1962.
58. Добросмыслов А. И. Материалы по истории России. Т. I, II. Оренбург, 1900.
59. Добросмыслов А. И. Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 гг. Оренбург, 1900.
60. Дырленкова Н. П. Грамматика ойротского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
61. Дырленкова Н. П. Грамматика хакасского языка. Абакан: Хакас. обл. нац. изд-во, 1948.
62. Ефремов В. А. Из истории Уфимского края // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа, 1913. № 1.
63. Закиев М. З. Татарское языкознание 70-х годов в свете достижений советской лингвистики // Проблемы типологии татарского и русского языков. Казань, 1980.
64. Игнатъев Р. Г. Названия вод, урочищ и проч., как памятники югров в Уфимской губернии // Записки Оренбургского отдела Русского географического общества, вып. 4. Оренбург, 1881.
65. Игнатъев Р. Г. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии: справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1873.
66. История Татарии в документах и материалах. М: Соцэкгиз, 1937.
67. История Татарской АССР. Казань: Таткнигоиздат, 1968.
68. Исторический очерк присоединения к России Оренбургского края и участие в этом местного казачества. Оренбург, 1891.
69. Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири. Фрунзе: Илим, 1966.
70. Исхаков Ф. Г., Пальмбаха А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961.
71. Исхаков Ф. Г. Местоимения // ИСГТЯ, ч. II, Морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
72. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. IV. Национальный состав населения СССР. М.: Статистика, 1973.
73. Ишбулатов Н. Х. Кизилский говор // БД. Уфа, 1963. С. 10.
74. Ишбулатов Н. Х. Морфологические особенности Казмашевского говора // БДС. Уфа, 1959. С. 89.
75. Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII – I половине XIX в. М.: Наука, 1971.
76. Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII – I половине XIX в. (По материалам ревизий). М.: Изд-во АН СССР, 1963.

77. Казаков Е. П. Танкеевский могильник (к вопросу об этнокультурных компонентах ранней Волжской Болгарии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1972.

78. Калмыкова С. А. О развитии ногайского литературного языка в советскую эпоху // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института, вып. 5, 1968.

79. Кармин М. Очерки из истории классовой борьбы в Башкирии в XVIII–XIX веках // Социалистическое хозяйство Башкирии. Уфа, 1934. № 3–4.

80. Катаев И., Левашов В., Сальников К., Венедиктов Л. В крепостную эпоху на Средней Волге. М.; Самара, 1934.

81. Катанов Н. Ф. Отчет о поездке, совершенной с 20 мая по 20 августа 1898 года в Белебеевский уезд Уфимской губернии // Уч. записки Императорского Казанского университета, год LXVII, кн. 7–8, июль–август. Казань, 1900.

82. Кеппен П. И. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб, 1861.

83. Кирбаев Ж. Г. Башқорт диалектэре һәм уларзың тарихенә қысқаса инеш // Ғилми язмалар. III сығарылыш. Башқорт филол. сер., № 2. Өфө, 1958.

84. Ключков М. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т. I. Переписи дворов и населения. СПб., 1911.

85. Комиссаренко А. И. Вятское крестьянство в 20–60-е гг. XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1966.

86. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

87. Кудрявцев В. Прикамский край, его памятники, легенды и предания // Всемирный путешественник. СПб., 1890. № 8.

88. Кузеев Р. Очерки исторической этнографии башкир. Ч. I. Уфа: Башкирское книгоиздат, 1957.

89. Кузеев Р. Г. Башкирские шежере. Уфа, 1960.

90. Кузеев Р. Г. Этнический состав, история расселения и происхождения башкирского народа: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. М., 1971.

91. Кузеев Р. Г. Урало-Аральские этнические связи в конце I тысячелетия н. э. и история формирования башкирской народности // АЭБ, IV. Уфа, 1971. С. 17.

92. Кузеев Р. Г. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI–XX вв. // АЭБ, III, Уфа, 1968, с. 327.

93. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М.: Наука, 1974.

94. Кузеев Р. Г., Юлдашбаев Б. Х. 400 лет вместе с русским народом. Уфа: Башкирское книгоиздат, 1957.

95. Кульязмалар тасвирламасы. XII сығарылыш. Татар әдипләре һәм ғалимнәренң кульязмалары. III бүлек / төзүчесе А. Фәтхиев. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1968.

96. Кульшарипов М. М. Из истории земельных отношений в Башкирии // Уч. записки Башкирского университета им. 50-летия Октября, вып. 59. сер. гум. наук, № 11. Уфа, 1971.

97. Кульшарипов М. М. Земельная политика царизма в Башкирии в конце XVIII – начале XIX в. // «Вестник Московского университета», серия 9. История, № 4, М., 1974.

98. Курышжанов А. Формы и значения падежей в языке Codex Cumanicus: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1956.

99. Мажитов Н. А. Происхождение башкир // АЭБ, IV, Уфа, 1971. С. 11.

100. Максютова Н. Х. Бурзянский говор // БД, Уфа, 1963, с. 68.

101. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951.

102. Малов С. Е. Уйгурский язык. Хамийское наречие. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.

103. Малов С. Е. Лобнорский язык. Фрунзе: Изд-во АН Киргиз ССР, 1956.

104. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. М.; Л., 1936; Ч. III. М.; Л., 1949; Т. IV. М., 1956; Т. V. М., 1960.

105. Материалы по татарской диалектологии. Казань, вып. 2, 1962; вып. 3, 1974; вып. 4, 1978.

106. Махмутова Л. Т. Описание грамматических особенностей касимовского говора татарского языка // Известия КФАН СССР, сер. гум. наук, вып. I. Казань, 1955.

107. Махмутова Л. Т. Фонетические особенности касимовского говора татарского языка // МД. Казань: Таткнигоиздат, 1955. С. 135.

108. Махмутова Л. Т. О татарских говорах северо-западных районов Башкирской АССР // МТД. 2. Казань, 1962. С. 57.

109. Махмутова Л. Т. Основные характерные черты мишарских говоров на территории Пензенской области // МТД, 2, Казань, 1962, с. 125.

110. Махмутова Л. Т. Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка. М.: Наука, 1978.

111. Махмутова Л. Т. Некоторые материалы по лексике мишарского диалекта татарского языка. (Тюркский пласт) // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1979.

112. Мельников П. И. Поездка в Кунгур // Москвитянин. Ч. III (№ 5–6). М., 1841.

113. Миллер Ф. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1776.

114. Милых М. К. Глагол ногойского языка // Труды Черкесского научно-исследовательского института», вып. II. Черкесск, 1954.

115. Мингажетдинов М. Х. Этногенетические мотивы в башкирских сказках // АЭБ, IV, Уфа, 1971. С. 301.

116. Мингулова (Шамгунова) Р. Р. Чистай сөйләшенен үзенчәлекләре: дис. ... канд. филол. наук. Казан, 1962.
117. Миржанова С. Ф. Кубалякский говор башкирского языка // БД. Уфа, 1963. С. 128.
118. Миржанова С. Ф. Этнолингвистические процессы на северо-западе Башкирской АССР // Развитие языков и культур народов СССР в их взаимосвязи и взаимодействии. Уфа, 1976.
119. Мусаяев К. М. Грамматика караимского языка. М.: Наука, 1964.
120. Народы европейской части СССР. Т. II. М.: Наука, 1964.
121. Небольсин П. Заметки о башкуртах // Отечественные записки. Т. LXXIII, 1850.
122. Небольсин П. Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский края // Вестник Императорского русского географического общества», кн. 1–2. СПб., 1852.
123. Несколько актов к истории башкирского бунта в царствование императрицы Анны Иоанновны // Памятная книжка Казанской губернии па 1861 и 1862 гг., отд. IV. Казань, 1862.
124. Нефедов Ф. В горах и степях Башкирии // Русская мысль. СПб., 1882. № 2, 5, 12.
125. Никитин М. Основные моменты колонизации Башкирии // Хозяйство Башкирии. Уфа, 1928. № 6–7.
126. Никольский Н. В. Сборник исторических материалов о народностях Поволжья. Казань, 1919.
127. Никольский Н. В. Народности Поволжья. Казань, 1920.
128. Новиков В. А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. СПб., 1879.
129. Новосельский А. А. Коллективные дворянские челобитные о сыске беглых крестьян и холопов во II половине XVII в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.: сб. М.: Наука, 1975.
130. О восстании башкир под руководством Акая сына Кусюма // История Татарии в документах и материалах. М.: Соцэкгиз, 1937.
131. Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV– начало XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
132. Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
- 132а. Очерки истории СССР. XVIII в., вторая четверть. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
133. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I, ч. 1. Уфа: Башкнигоиздат, 1956.
134. Паллас П. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Кн. I. СПб., 1788.

135. Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века (Очерки из истории колонизации края). Т. 2. Одесса, 1882.
136. Пистоленко В. Из прошлого Оренбургского края. Чкалов, 1939.
137. Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка. М.: Наука, 1964.
138. Рамазанова Д. Б. Татар теленен Урта Кама тирәсендә таралган сөйләшләр: дис. ... канд. филол. наук. Казан, 1968.
139. Рамазанова Д. Б. Фонетические особенности говора агрызских татар // Вопросы татарского языка и литературы. Кн. IV. Казань, 1969.
140. Рамазанова Д. Б. Грамматические особенности говора пермских татар // МТД, 3. Казань, 1974. С. 92.
141. Рамазанова Д. Б. Фонетические особенности говора пермских татар // Татар теле һәм әдәбияты. Кн. 5. Казан, 1976.
142. Рамазанова Д. Б. К вопросу о бобылях Башкирии XVII в. // Исследования по историографии Татарии. Казань, 1978.
143. Рахматуллин У. Х. Ясачные башкиры и башкирские припущенники в связи с колонизацией Башкирии XVIII в. // Вопросы социально-экономической и политической истории Среднего Поволжья и Приуралья периода феодализма. Научная сессия. Тезисы докладов. Чебоксары, 1973.
144. Рахматуллин У. Х. Заселение Башкирии (30–90-е годы XVIII в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.
145. Рахматуллин У. Х. Заселение Башкирии (30–90-е годы XVIII века): дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.
146. Руденко С. И. Башкиры. Л., 1925.
147. Руденко С. И. Башкиры. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
148. Рычков П. И. Топография Оренбургская. Ч. 1. СПб., 1792.
149. Рычков П. И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896.
150. Рязанов А. Ф. Оренбургский край. Исторический очерк. Оренбург, 1928.
151. Садыкова З. Р. Оренбург татарлары сөйләшенен кайбер морфологик үзенчәлекләре // МТД, 3. Казань, 1974. С. 113.
152. Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Бугульминский уезд. Т. 5. Самара, 1887.
153. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии, Т. III. Мензелинский уезд. Уфа, 1899; Т. IV, Белебеевский уезд. Уфа, 1898.
154. Севортян Э. В. Категория сказуемости // ИСГТЯ. Ч. II, Морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
155. Семенов-Тянь-Шанский В. П. Россия (полное географическое описание нашего отечества). Т. V. СПб., 1914.
156. Смирнов А. О возникновении государства волжских булгар // Вестник древней истории. № 2/3. М.: Изд-во АН СССР, 1938.
157. Смирнов А. П. Волжские булгары // Труды Государственного исторического музея. Вып. 19. М., 1951.

158. Смирнов А. Д Железный век Башкирии // Материалы и исследования по археологии СССР, № 58. М., 1957.
159. Советская историческая энциклопедия. № 2. М.: Советская энциклопедия, 1962.
160. Современный татарский литературный язык. Ч. 1. Лексикология, фонетика, морфология. М.: Наука, 1969.
161. Современный казахский язык. Алма-Ата: Изд-во АН Каз ССР, 1962.
162. Соколов Д. Н. Оренбургская губерния. М., 1916.
163. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Изд. 3-е, кн. 3 (т. XI–XV). СПб, б. г.
164. Списки населенных мест Оренбургской губернии с общими об ней сведениями. Оренбург, 1892.
165. Старостин П. Н. О романовских и именьковских памятниках // АЭБ, IV. Уфа, 1971. С. 148.
166. Степанов Р. Н. К вопросу о тарханах и о некоторых формах феодального землевладения // Сборник научных работ. Общественные и гуманитарные науки. Казань, 1966.
167. Татар теленең диалектологик атласын төзү өчен материал жыйнау программасы. Казан, 1959.
168. Татар теленең диалектологик сүзлеге. Казан, 1969.
169. Гатищев В. Н. Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской. Ч. I. СПб., 1793.
170. Типеев Ш. Очерки по истории Башкирии. Уфа: Башгиз 1930.
171. Типеев Ш. Национально-освободительное движение в Башкирии в 70–80-х гг. XIX в. // Историк-марксист. Кн. 5–6. М., 1939.
172. Тумашева Д. Г. Некоторые фонетические особенности тюменского диалекта татарского языка // МД. Казань: Таткнигоиздат, 1955. С. 158.
173. Тумашева Д. Г. Саз ягы татарлары сөйләше // Татар теле һәм әдәбияты. Вып. I. Казан, 1959.
174. Тумашева Д. Г. Тобол сөйләшенең үзенчәлекләре // Уч. записки Казанского гос. университета. Т. 119, кн. 6. Казань, 1959.
175. Тумашева Д. Г. Көнбатыш Себер татарлары теле. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1961.
176. Тумашева Д. Г. О некоторых синтаксических и лексических особенностях Тобольского говора (Восточный диалект татарского языка) // Памяти В. А. Богородицкого (к столетию со дня рождения)». Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1961.
177. Тумашева Д. Г. Хәзерге татар әдәби теле морфологиясе. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1964.
178. Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977.

179. Уйфальви К. Башкиры, мещеряки и тептяри // Известия Императорского русского географического общества. Т. XIII, вып. 2. СПб., 1877.

180. Усманов А. Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа: Башкнигоиздат, 1960.

181. Фасеев Ф. С. Краткий грамматический справочник татарского языка // Татарско-русский словарь. М., 1966.

182. Фахрутдинов Р. Г. К вопросу о болгаро-башкирских взаимоотношениях // АЭБ, IV. Уфа, 1971. С. 98.

183. Филимонов Е. С. Что такое тептяри // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. II. Пермь, 1893.

184. Филоненко В. Башкиры. Уфа, 1915.

185. Филоненко В. И. Грамматика балкарского языка. Фонетика и морфология. Нальчик, 1940.

186. Фирсов Н. Н. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань, 1866.

187. Фирсов Н. Н. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель. Казань, 1869.

188. Хайрутдинова Т. Х. БАССРның Салават һәм Кыйгы районнарында яшәүче татарлар сөйләшенен кайбер морфологик үзенчәлекләре // Тезисы докладов II научной конференции молодых ученых. Казань, 1971.

189. Хайрутдинова Т. Х. О взаимодействии татарского и башкирского языков // Конференция по татарскому языкознанию, посвященная 50-летию СССР. Тезисы докладов. Казань, 1972.

190. Хайрутдинова Т. Х. Говор златоустовских татар: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1980.

191. Халиков А. Х. Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья // АЭБ, IV. Уфа, 1971. С. 30.

192. Халикова Е. А. Общий компонент в составе населения башкирского Приуралья и Волжской Булгарии в VIII–X вв. (по материалам погребального обряда могильников) // АЭБ, IV. Уфа, 1971. С. 117.

193. Хангилдин В. Н. Татар теле грамматикасы. Казан, 1959.

194. Харитонов Л. Н. Современный якутский язык. Якутск: Якгиз, 1947.

195. Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-али Ахмеда бен Омар ибн-Даства. СПб., 1869.

196. Хроника достопамятных событий Уфимской губернии // Памятная книжка Уфимской губернии. Ч. II. Уфа, 1873.

197. Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859.

198. Чернышев Е. И. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.

199. 400 лет вместе с русским народом. Уфа, 1957.

200. Чоглоков П. Историческая заметка о крепостном населении Оренбургского края // Выбор статей из Оренбургских губернских ведомостей за 1859 г. Уфа, б. г.

201. Чулошников А. П. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания, XVII и I половины XVIII вв. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. М.; Л., 1936.

202. Шакирова Р. Ф. Фонетические особенности говора татар Краснооктябрьского района Горьковской области // МД. Казань: Таткнигоиздат, 1955. С. 89.

203. Шамгунова Р. Р. Некоторые глагольные формы параньгинского говора // Памяти В. А. Богородицкого (к 100-летию со дня рождения). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1961.

204. Шиле. Башкиры // Природа и люди. СПб., 1879. № 3.

205. Шитова Н. С. Народная одежда башкир // АЭБ, III. Уфа, 1968. С. 125.

206. Шитова Н. С. Этнокультурные связи башкир по данным материальной культуры и декоративно-прикладного искусства // АЭБ, IV. Уфа, 1971. С. 174.

207. Шпилевский С. М. Древние города и другие булгаротатарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.

208. Шәмгунова Р. Р. Чистай сөйләшенең морфологик һәм синтаксик үзенчәлекләре // МТД, 2. Казань, 1962. С. 163.

209. Щербак А. М. Огуз-наме – Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М.: Изд-во вост. литер., 1959.

210. Юлдашбаев Б. Х. История формирования башкирской нации. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1972.

211. Юлдашев А. А. Язык тептярей: дис. ... канд. филол. наук. М., 1950.

212. Юлдашев А. А. К проблеме формирования башкирского национального языка // Вопросы башкирской филологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

213. Юлдашев А. А. К изучению говоров башкир Туймазинского района БАССР // БДС. Уфа, 1959. С. 141.

214. Юлдашев А. А. Северо-западный диалект башкирского языка в его отношении к литературному языку // Вопросы диалектологии тюркских языков. Фрунзе: Илим, 1968.

215. Юсупов Г. В. Две надгробные надписи с древнего башкирского кладбища // Вопросы башкирской филологии. М.: Изд-во АН СССР. 1959.

216. Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

217. Юсупов Ф. Ю. Некоторые морфологические особенности ичкинского говора татарского языка // Тезисы докладов научной конференции молодых ученых. Казань, 1967.

218. Юсупов Ф. Ю. Татар теленең Көнъяк Урал һәм Урал арты (Чиләбе, Курган) өлкәләрендә таралган сөйләшләр: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1972.

219. Юсупов Ф. Ю. Көнъяк Урал һәм Урал арты сөйләшләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1979.

220. Юсупов Х. Г. Асинский говор башкирского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955.

221. Юсупов Х. Г. Из наблюдений над морфологической системой инзерского говора башкирского языка // БДС. Уфа, 1959. С. 151.

222. Юсупов Х. Г. Термины родства в башкирском языке (из наблюдений над лексикой башкирских говоров) // Вопросы башкирской диалектологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

223. Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М.: Наука, 1966.

224. Якупова Г. К. Из наблюдений над говорами татарских сел, расположенных по реке Заю // МД. Казань: Таткнигоиздат, 1955. С. 180.

225. Якупова Г. К. Некоторые морфологические особенности говора татар Куйбышевской области // МТД, 2. Казань, 1962. С. 202.

226. Янгузин Р. З. Этнические традиции в истории хозяйства населения северо-запада Башкирии // АЭБ, IV. Уфа, 1971. С. 219.

227. Ярулина У. М. Звуковой состав говора демских башкир // БДС. Уфа, 1959. Сс. 169.

228. Әфләтунов Ә. Ш. БАССРның көнбатыш һәм көнъяк-көнбатыш районнарында яшәүче татарлар сөйләшәндәге фонетик үзенчәлекләр // Уч. записки Казанского гос. университета. Т. 119, кн. 6. Казань, 1958.

229. Әфләтунов Ә. Ш. БАССРның көнбатыш, көнъяк-көнбатыш өлешендә яшәүче татарлар сөйләшенең тел үзенчәлекләре: дис. ... канд. филол. наук. Казан, 1960.

230. Жәләй Л. Татар диалектологиясе. Казан: Таткнигоиздат, 1947.

231. Жәләй Л. Татар теленең урта диалекты буенча монография: (докторская диссертация, хранится в архиве ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН СССР, ф. 5, оп. 23, ед. хр. 127, 128). Казан, 1954.

232. Жәләй Л. Татар теленең орфоэпик нигезләре. Казан: Гатгосиздат, 1953.

**Список населенных пунктов, обследованных автором и включенных во II том
Диалектологического атласа татарского языка (ДАТЯ)**

№ на карте ДАТЯ	Русское название нас. п.	Татарское название нас. п.	Область или автономная республика
304	Ильчымбетово	Илчәмбәт (Эчмәт)	Туймазинский р-н БАССР
306	Максотово	Максотово (Мәксәт)	Туймазинский р-н БАССР
311	Кызыльярово*	Кызыл Йар	Бавлинский р-н ТАССР
315	Ст. Шахово*	Иске Шак	Белебеевский р-н БАССР
316	Тат. Тумбарла*	Тат. Тумбарла	Бавлинский р-н ТАССР
317	Ст. Сулли	Сүллә	Белебеевский р-н БАССР
318	Салихово	Салих (Барку)	Бавлинский р-н ТАССР
319	Абдулкаримово*	Ғәлкәрим	Белебеевский р-н БАССР
320	Нов. Чуть*	Яна Чүти	Бавлинский р-н ТАССР
334	Нижние Карамалы	Түбән Карамал	Белебеевский р-н БАССР
337	Тарказы	Тарказы	Белебеевский р-н БАССР
358	Урзайбаш	Урзайбаш	Буздякский р-н БАССР
360	Тюменик*	Темәнәк	Туймазинский р-н БАССР
361	Бишкураево*	Бишкураз	Туймазинский р-н БАССР
362	Ст. Санны	Иске Сынны (Сынны Эчмәт)	Благоварский р-н БАССР
365	Ниж. Сардык*	Түбән Сәрдек	Туймазинский р-н БАССР
366	Шланлыкул*	Шланлыкул	Буздякский р-н БАССР

№ на карте ДАТЯ	Русское название нас. п.	Татарское название нас. п.	Область или автономная республика
367	Ст. Буздяк*	Иске Бүздәк	Буздякский р-н БАССР
368	Верх. Каргалы*	Каргалы (Беләбәй Каргалысы)	Благоварский р-н БАССР
369	Сафарово*	Сафар	Чишминский р-н БАССР
370	Ст. Кандры*	Кандра	Туймазинский р-н БАССР
371	Кискаелга*	Кыска Йылга	Буздякский р-н БАССР
372	Балышлы*	Балышлы	Благоварский р-н БАССР
374	Ниж. Тимкино*	Түбән Тимке	Кармаскалинский р-н БАССР
376	Сайраново	Сәрән	Туймазинский р-н БАССР
377	Ниж. Бишинде*	Түбән Бишинде	Туймазинский р-н БАССР
378	Кендек-Тамак*	Кендек	Туймазинский р-н БАССР
379	Ибрагимово	Ибраһим	Чишминский р-н БАССР
380	Тукаево*	Тукай (Такай)	Туймазинский р-н БАССР
381	Имян кулер	Имән күпер	Туймазинский р-н БАССР
383	Кальшали*	Кәлшәле	Туймазинский р-н БАССР
385	Адзитарово*	Атжитәр	Чишминский р-н БАССР
386	Имай-Карамалы*	Имай Карамалысы	Давлекановский р-н БАССР
387	Тукаево*	Тукай	Аургазинский р-н БАССР
388	Ст. Тимошкино*	Иске Тимешкә	Аургазинский р-н БАССР
389	Аюханово*	Айухан	Аургазинский р-н БАССР
390	Старо-Ибраево	Иске Ибрай	Давлекановский р-н БАССР
391	Исмагилово	Исмагил	Аургазинский р-н БАССР
392	Баймурзино*	Байморза	Белебеевский р-н БАССР
393	Урняк	Үрнәк	Белебеевский р-н БАССР
			Альшеевский р-н БАССР

№ на карте ДАТЯ	Русское название нас. п.	Татарское название нас. п.	Область или автономная республика
394	Казанлы Тамак*	Казанлы Тамак (Казанлык)	Белебеевский р-н БАССР
395	Трунтаишево*	Трунтаиш (Мәсәй)	Альшеевский р-н БАССР
396	Сараево*	Сарай	Альшеевский р-н БАССР
397	Чуюнчи	Чуйынчы	Давлекановский р-н БАССР
398	Султанмуратово*	Солтанморат	Аургазинский р-н БАССР
399	Новокарамалы*	Карамалы (Авыргазы Карамалысы)	Аургазинский р-н БАССР
400	Абдрашитово*	Әптерәшит (Тәүкил)	Альшеевский р-н БАССР
401	Нигматуллино	Мәләш	Альшеевский р-н БАССР
402	Балыклыкул*	Балыклы күл	Аургазинский р-н БАССР
404	Слак*	Слак	Альшеевский р-н БАССР
405	Аврюз Тамак*	Сура (Ташкичү)	Альшеевский р-н БАССР
406	Мендяново	Мәндән	Альшеевский р-н БАССР
407	Айдагулово	Айдагол	Альшеевский р-н БАССР
408	Нов. Тураево	Яна Турай	Альшеевский р-н БАССР
409	Менез-Москва*	Мәнәвез-Мәскәү	Белебеевский р-н БАССР
410	Уразметово	Уразмәт	Бижбулякский р-н БАССР
411	Семенкино	Семән	Альшеевский р-н БАССР
412	Мияки-Тамак*	Мийкә	Аургазинский р-н БАССР
413	Гайны Ямак*	Гәйнә Йамак.	Миякинский р-н БАССР
414	Нововасильевка*	Усак-Кечү	Миякинский р-н БАССР
415	Зайпакуль*	Зәйпәкул	Бижбулякский р-н БАССР
416	Верх. Услы*	Усылыбаш	Миякинский р-н БАССР
417	Буриказганово	Бүрәказган	Стерлитамакский р-н БАССР
			Стерлитамакский р-н БАССР

№ на карте ДАТЯ	Русское название нас. п.	Татарское название нас. п.	Область или автономная республика
418	Улуклево*	Олокул	Кармаскалинский р-н БАССР
419	Старошареево*	Иске Шәрәй	Кармаскалинский р-н БАССР
420	Бишляки (Шаймуратово)	Биштәкә (Шаймурат)	Кармаскалинский р-н БАССР
421	Новокишки*	Яна Кыйышкы	Кармаскалинский р-н БАССР
422	Тат. Нагадак*	Нугазак	Аургазинский р-н БАССР
423	Мустафино	Иске Мостафа	Аургазинский р-н БАССР
424	Алагана	Алагана	Стерлитамакский р-н БАССР
436	Исламбахино	Исламбахты	Белебеевский р-н БАССР
447	Менез-Тамак*	Менәвез Тамак	Миякинский р-н БАССР
448	Муродымово	Морадым	Бижбулякский р-н БАССР
449	Кенгер Менез*	Кыңгыр Менәвез	Бижбулякский р-н БАССР
450	Каныбеково*	Кәнбәк	Миякинский р-н БАССР
451	Уршакбаш-Карамалы*	Өршәкбаш Карамалысы	Миякинский р-н БАССР
452	Алга	Алга	Стерлитамакский р-н БАССР
453	Аняево	Әнәч	Миякинский р-н БАССР
454	Куганакбаш*	Куганакбаш	Стерлибашевский р-н БАССР
455	Ашкадар	Ашкадар	Стерлитамакский р-н БАССР
456	Курманайбаш	Корманай	Миякинский р-н БАССР
457	Янгурча	Яңгырча	Стерлибашевский р-н БАССР
458	Б. Гулумово*	Гөлөм (Моллагөлөм)	Стерлибашевский р-н БАССР
459	Б. Каркали*	Олы Кәркәле	Миякинский р-н БАССР
460	Турмаево*	Турмай (Кайраклы)	Стерлибашевский р-н БАССР
461	Аитово	Айыт (Дим Айыты)	Бижбулякский р-н БАССР

№ на карте ДАТЯ	Русское название нас. п.	Татарское название нас. п.	Область или автономная республика
462	Таукай-Гайны*	Тәүкәй-Гәйнә (Чабата Гәйнәсе)	Стерлибашевский р-н БАССР
463	Баязитово	Баязит	Миякинский р-н БАССР
464	Шатман-Тамак	Шатман Тамак	Миякинский р-н БАССР
465	Айдарали	Әйдәрәле	Стерлибашевский р-н БАССР
466	Старо-Халикеево*	Хәләкәй	Стерлибашевский р-н БАССР
467	Яшерганово*	Йашырган	Стерлибашевский р-н БАССР
469	Бузат*	Бузат	Стерлибашевский р-н БАССР
470	Карагушево*	Карагыш	Стерлибашевский р-н БАССР
473	Сухой Узак	Сухизәк	Федоровский р-н БАССР
474	Ст. Яушево	Йауыш	Федоровский р-н БАССР
475	Ижбуляк	Өчбүләк	Федоровский р-н БАССР
479	Ақбулатово	Ақбулат	Федоровский р-н БАССР
480	Балькылы*	Балькылы	Федоровский р-н БАССР
482	Денискино	Динис	Федоровский р-н БАССР
483	Юрматы*	Йурматы	Федоровский р-н БАССР
486	Зяк-Ишметово*	Зәк Ишмәт (Өзәк)	Кумертауский р-н БАССР
487	Ново Мусино*	Йаңа Муса	Кумертауский р-н БАССР
490	Шабагиш	Шабагыш	Кумертауский р-н БАССР
491	Абдулово	Абдул	Кумертауский р-н БАССР
493	Мал. Аллагуват*	Кече Аллагуат	Кумертауский р-н БАССР
494	Зирган	Жиргән	Стерлитамакский р-н БАССР
503	Ново-Мурапталово	Яна Мураптал	Мелеузовский р-н БАССР
			Кумертауский р-н БАССР

* Звездочкой отмечены населенные пункты, встречающиеся в извлеченных автором архивных источниках XVII–XVIII вв.

ОБРАЗЦЫ ТЕКСТОВ

Белебеевский подговор мензелинского говора среднего диалекта татарского языка

безнең бабайлар килгән вахытта чәрмәсэн буйыннан килгән-
нәр / болгар бабайлары булган // элгәре жиде баба килгәннәр //
каржаудыдан субханкул / рахманкул // субайыфларның тамыры
шулардан килә / типтәрләр алар // дилчемби / йапарби / сафарби /
качкын би / қәнзәфәр би // болары башқортлар / дистановлар шу-
лардан киткән // припушынный башқортлар болар / башқорт та
түгел / типтәр дә түгел // асаба¹ башқортлары бик күп жирле бул-
ганнар / мәсәлән қанны төркәй / қобавлар / (нас. п.) нәстәйашний
башқортлар алар / әтәмби² түгел // бүздәкләр бәләбәй мищәннәре //
қазанны кешеләре чуқындырудан качып килгәннәр / мең жиде йөз
йегерменче йылы килгән дип тә сүләйләр // қартлар жағыннан
қәрдәш инде күрәсең / бер тоқомнан // тимәбергә³ килеп керми /
үзеңке булганға килеп керә бит инде // қазан татарлары элек
төбәкәй⁴ чигеп / қалпақ чигеп / бар да өнәрле эштә булганнар жир
булмаганга күрә //

Записано в 1970 г. от З. Дистанова,
1888 года рождения, в селе Кыска-Елга
Будзякского района БАССР

Старинная свадьба

башқода булып бара ағайенесе // менә перимир миңә қыз кирәк
улыма // барып қарыйқ без шуна / ничег аның исәбе дип сүләшә-
без // бирегәме / бирмәскәме // баралар // минем улыма қыз ки-
рәк / менә шундый-шундый эш белән килдек диләр // сүләшәләр

¹ *Асаба* – здесь в значении вотчинник, крупный землевладелец.

² *Әтәмби* – здесь в значении неполноценный.

³ *Тимәбергә* – зря, без оснований, ни с того ни с сего.

⁴ *Төбәкәй* – тубетейка.

// тавар¹ салалар // жавлық / уқалы камзуллар / читег эржиңкә / журған / аңғарталар анда эчле / тышлымы бишмәт / бер пот ит / бер пот бал / чәйе / шикәр // күпме сум ақча салалар мәһәргә // килешеп тастымал / бийәләй биреп йебәрәләр // кода теге салынган таварларны итә бара // аны итә барғач тужы бирәләр үзенә тегеннән бирнә // тавар итә барған кешегә генә бирелә // туйға барыға жийыналар / күчтәнәч әзерлиләр / күмәч / пар қаз / бауырсақ // өч пар қода барса дүрт қаз алып барасың әле // қодалар күчтәнәче була / ачитқан бал // төп қодалар / ийәрчен қодалар була // қодаларға қаршы киләләр әле урамда // бал эчерәләр // кодағыларны күтәрәб алып керәләр // кийәw малай икенче йердә тороп қала // башта чәй / бәләш // әйберләр әзерләнгән була // чәйне эчкәч таралалар // аннан ашқа жийылалар // мулла килә ник'ах укырға // теге қазлар пешеп чыға // анда қартлар гына була // атай булған кешегә әйтә / мона улына хәләл жефетлеккә фәлән ағамның кызын риза булып алдыңмы // малайның атасы йаздыра йә бер бийә / йә бер бозаулы сыйыр // аңа шул ник'ах ашында гына бирнә [таратыла] // иртән ирләр генә була / анан ирләр таралғач хатыннарны жыйалар // малайның атасы белән инәсенә күлмәг ыштан / ийәрәп барған қодаларға да бирәләр // [бирнә] малай жағына да бара инде әзрәк // дүрт кич кунақ булалар да қодалар қайтып китәләр // [киленне] ат жигәләр дә алып киләләр / тужы аш килә туйға барғандағы күбек // жә қырандас / жә гардавай² чана көймәле / қыңғыраулар тағып // арчыйға³ киләләр / кызның ағасы / жиңгәсе // мөндәргә бастырған жирләр бар шикелле / бездә андый ғәдәтләр йүк // әйберне үзенә туғаннары әлә // чыбылдық / чаршав / пич алды чаршавы // әйберләрне әләләр дә ашшавлық жәйеп қотлысың әле / ақча салып / көндәз әби-бабайлар ашы // шуннан мичкә ачалар // [егет яғыннан] бер ир кеше тора да киләнгә бер сарығ әйтә / өстөндә дүрт митырдан да ким түгел пылатна / аққан кеше ала да биләнә бууа // хәзер су йулы

¹ *Tawar* (< рус.) – одежда и вещи, предназначенные для невесты со стороны жениха.

² *Gardawai* (< городской?) – кошовка.

³ *Арчий* – супружеская пара (обычно из близких родственников), сопровождающая невесту в дом жениха.

күрсәтү бик йук // мин йөрәмәгез өшөп килгән көйгә дидем / койом йортомда¹ дидем //

Записано в 1969 г. от Минсылу Ахметзяновой,
65 л., в д. Анясево Миякинского р-на БАССР.

минем түтэй түрэләп² килгән / туй белән // бирнәне қыз атасы йасый / ә тегеләр мал³ китерә / ит / бал / ақча бирә / тарту⁴ диләр ансын // түләб алалар бирнәне / ақча салып // [қызны] бирәсе килмәсә ақчаны / тарту ақчасын / зурырақ сала көчө житмәсен дип // ақлашалар⁵ / аннан баралар чақыруға⁶ қыз йағыннан / икене / қуналар / ике ир генә бара анда чақыруға // сандық / түшәкне дә малай атасыннан сорыйлар // қыз өшәнчег⁷ әзерли // чаршав / чыбылдык / кийез // сөлгө байрақларда умбиш пар була // менә минем түтэй китте умбиш пар сөлгө белә / ике чаршав белә / ике чыбылдык белә //

Записано в 1970 г. в селе Кендек-Тамак
Туймазинского района БАССР.

ул чакта очрашу бар мыни / бер дә күрмәйенче килдем // бийатай килде қодага // ул бер генә мәртәбә бармай инде / берничә мәртәбә барғалый // шуннан килешеп қуйалар әтәйләр-инәйләр // тартуы фәләне була инде / ақча бер қәдәре // сандоқны тегендә алдығ инде / жәтим ийе беднең қарт // бийатайға // бийанайға була инде күлмәг-ыштан минем жақтан / туйда бирәсең аны / бирнә диләр // бирнә ике йақтан инде ул // мим бер жыл тороп килдем // жәй көнө төштем // төрлөчә була / кайсысы фәлән жийында [төшә] / кайсысы қыш шунда // қызның чаршав-тастымаллар күп була инде ул // қыңғыраулар тагып алып китәләр // чәкчәкләр пешереп

¹ Йорт – двор.

² Түрәләп кийәүгә чыгу – выйти замуж, соблюдая все обычаи.

³ Мал – см. тавар.

⁴ Тарту – деньги, даваемые родственникам невесты со стороны жениха на свадебные расходы.

⁵ Ақлашу – сосватать невесту.

⁶ Чақыруға бару – обычай, связанный с приглашением на свадьбу родителей, родственников и т. п. жениха.

⁷ Өшәнчек – приданое невесты.

сондоқ тулы // күмәч / қад бара // қодағый кәкересе күмәч қырында була // сикереп төшәбез мендәргә // тайанчық¹ китерәләр / мона без Фәридәгә жиңгә булып бардык / сарык китереп бәйләделәр / тайанып төшәргә шунда // килгәч менә чәй эчәсең дә суға // суға барғанда көйәнтәңе күтәртмиләр / қайтқанда күтәртәләр // қайтқач күкерәкчә таратабыз // жанағаларың² булса бирәсең бийәләйләр //

Записано в 1970 г. от Хатимы Тухватуллиной,
72 г., в селе Бишкураево Туймазинского района БАССР.

Стерлитамакский говор мишарского диалекта татарского языка

безнен асылда читтән жыйылған халык // өч төрле / типтәр / алатыр / мишәр // тәwdә бер акланга утырганнар / Үзәнбаш ибрай булған асылның исеме / анарга бер өч йөз йыллар бар инде // без төмән халқыбыз // Улйәнәскидән [бывш. Симбирская губ.] Суксу дигән жирдән картатайның әтәсе килгән // йирсез кууылып килгән халык // тормошлар бик хөрт ийе / алама йы // жигерме йыл байда йөрөдем // бераз жирне тартып алғаннар да байларга сатқаннар // алатырның жире күберәк / душка дүрт дисәтинә // типтәргә өч әчменник кенә // мишәр типтәр белән бергә булған инде // ин тәw килгән кеше бабайларның әйтешәннән икәw булғаннар // Казан йагыннан алтын урдадан килгән ике кеше // Ибраһим / Йәңабай // икесе дә типтәрләр // жирләре төрөмбәт башқортларыныкы булған // шушы асылның утырышлары һәйбәт жәмне булгач / андан күчеп утырганнар // ике йөз илле йыллар чамасы бар [бу] асылның башлап утырушына // казан нисендә Алатыр дигән асылдан алатыр дигән халықлар килеп шушында утырык дип килеп кушылғаннар // ике йөз йыл элек // саратофтан саратески мишәрләре булған / соңгорак вахытларда килгәннәр //

Записано в 1972 г. в. д. Старообраево
Аургазинского района БАССР.

¹ *Тайанчық* – овца (или теленок), на которую опирается невеста, когда сходит со свадебной повозки.

² *Жанага* – младший брат мужа.

Сембердән / чукундырудан качып килгән халыклар монда // башлап Гаптулла бабай / анарга ийәрәп килгәннәр бабайлар инде тагын да // килеп бер казаннан ашаб жатканнар / шуннан Бүрказган булып киткән // чукундыру башлангач Казаннан килгәннәр // асыл башта асау йылгасы буйында булган // шушы турыда гына // анда жыланнар күп / бала жанына бишеккә кереп жатучан булган // элекке зиратлары да бар // аннан хәзерге урынга күчкәннәр / тав башына // чокорлар күп былган / сазламыклар // жирләрә Райыфка башкортыныкы // зимнәмир / йарып килгән дә / энә урманыбыз бар / шунда килеп туктаган // безнең халык балта алырга кайтып киткән // күчәрбай бабай бер ийәрлә айгыр биргән дә зимнәмир урманы читләтеп киткән // Этәмбәй дип йөрөттөләр / читгән килгән кеше дигән сүз // элек иркәм шул инде / шав иген белән / сука белән // игенче булганнар // дүрт бертуган булдык без // йул йөрөдек //

Записано в 1972 г. от Латыпова Талиба, 77 лет,
в селе Буриказаново Стерлитамакского района БАССР.

Султанморат асылның килүвенә дүрт йөз йыл чамасы / бабайлар сүләшенчә // баштан килгәннәр монда кыргыз бабайлар // ике чакырым чамасы тав кырына / су буйына утырганнар // аның үзенең агай-энесе жиде-сигез хужалыктан торган // агачлык шәп булган // көн битендәге йагында жиләк / тийагында чийә / шоморт / читлавык күп булган // кышын куйан күп былган // без белгәч бар ийе анда ташлар // йазу-фәләне йук // кыргызлы тавы // кыргызлы зираты / кыргызлы йылгасы дип сүлиләр әл дә-дә // уналты / унжиде йыл торганнан соң тагын бер кабилә татар килгән / алар фирма йанында утырган // алар килгәч кыргыз киткән // [ферма янында] тавның нәк түбәсендә утырганнар / иске асыл тавы // күперне чыккач та элек шав урманлык булган // татар бабайларының килешен бирескидан (нас. п.) дип ишеткәлэгән бар / Солтанморат исемле карт булган // алатырлар бакайлар (нас. п.) белән бер чорда килгәннәр / жирләрә эз // асыл халкын башкортлар мишәр дип йөртәләр // метрикәләрдә мишәр¹ // безнең бабайлар жирне сатыб

¹ Т. е. *мещеряк*. Нам и самим приходилось видеть такие записи в книгах метрик.

алып килеп утырмаган // ул вахытта бер кем дә булмаган / буш булган // сатыб алган дигәнне ишеткәнем йук / паружга¹ килеб утырганнар //

Записано в 1972 г. от Султана Латыпова, 66 лет,
в селе Султанмуратово Аургазинского района БАССР.

өч йөз йыл былса кирәк асылның килүвенә / чуваш карама-лысы кырыннан килгән асылның бер йартысы / чылатканнан // бер өлөше Нугадак асылынан // идел буйы белән йул / вайска булган // шул вайыскадан куркып бу йакка килгәннәр // Карамалыдан күчкән өчөн / аны иске диләр / безне Йәңә Карамалы диләр // безнең үзөбезнең нәсел Нугадактан килгән былырга кирәк // безне типтәр калыгы диләр // алатыр катырак сөйләй торган // дәнжа көтүчән / мукшысымагырак халыг инде // мишәр дигәннәре безнең сымаграк / түлке бармыйм / кайтмыйм дип сүләшә // без бармайым / кайтмайым дип сүләшәбез // мишәрнәре шәһәр халыгына тартымрак халык / әз жир биләгәннәр // соңорак килгән быларга кирәк // башкорт инде элекке жир хужалары // безнең асылда типтәр генә / башкорт та йук // карамалы типтәрләре дип йөртәләр ийе инде безне // бабайлар әвәлдән шунда йәшәгән булырга кирәк / уфа – ырымбур йулы шуннан йөргән //

Записано в 1973 г. от Масалима Амирханова, 84 года,
в д. Новокарамалы Аургазинского района БАССР.

безнең монда халык өч төрлө / башкорт / типтәр / алатыр // алатыр пажалуй казан йагынан килгән // алар гасударственный керәстийәннәр // типтәрләр элгәре умбиш-йегерме киламитыр тирәсе агыйдел йагына таба булганнар // байтак жыллар торганнар // пашкоф байары кырында булганнар // шуннан монда килгәннәр // кахулла утырган хәзер ул жиргә // равнинийе булып керәстийән жанына умбиш диктар йарым жир булган / жиде йарымын үсәчәк улларыгызга булыр дип асыраганнар // безнең асыл кешеләре дә биләштергән // [ул жирне] банкы аркылы байлар алган // эрбалүтсе чыккач безнең халык кабат алды ул жирне // башкортлар кызыл-

¹ Паруж < рус. порожний.

гы буйында үзләрәнә тийешле жирне кисеп алганнар / жәйләрдә торганнар // кыш безнең авылга квартирга килеп кереп / кыз алышып шунда / тороп киткәннәр / алар бер йегермеләп кеше булды микән // зимнәмир безнең авыл жиреннән аларга жир кисеп биргән // кызылгы буйындагы жирләрән сатканнар да бик күп итеп акчалар алганнар // капчык белән булган ди алтыннары // йаңа мо-стафа булып айырылып чыкканнар // татарлашып беткәннәр алар / йазуда башкорт дип йөрткәннәр үзләрән // мин белмим нәрсә раз-ниса булгандыр //

Записано в 1973 г. в д. Старомустафино
Аургазинского района БАССР.

Старинная свадьба

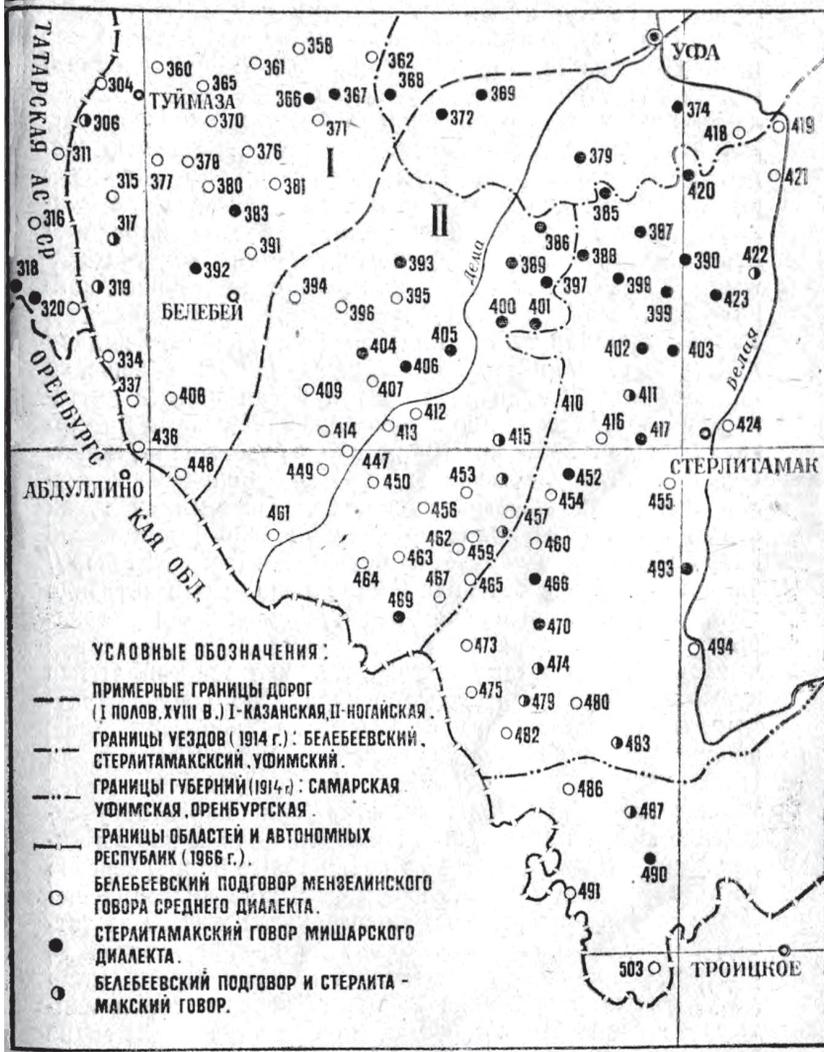
баш кода килд[е] инде // шуннан / баш кода килгәч / хәйер мин бит йәш инде // башкода килгәч / хәдер мине сораталар инде / шунда кәбәчкә // шунан этәй бирә / мин бармыйм дим инде // мин барыга димим әле жәшмен димен // мин сездән башка торалмыймын димен // шуннан хәдер башкода килде инде / мине бирделәр // килешү билгесе биреп жибәрделәр / эч күлмәк салдылар / биш йөз тәңкә акча салдылар / йарты пот бал / бер пот ит бирделәр / эч күлмәк / бер эшәл / йакшыдан бирделәр // аны ана шул соратып бу кайната булган кеше китерде // шул таварны китереб инде / хәдер шуларны ашатыб эчертеп кайтарып жибәрделәр // шуннан кайтарып жибәргәч кийәү жортона хәзер өндәү¹ килде // кыз жортонан өндәү барды / туйга барыга дип // монда [кияү өндәү] дүрт кеше килеп әйтеп киттеләр көненә генә / фәләнчә көннә барасыз дип // шушыннан матур итеп туй (бард[ы] инде / жакш[ы] атлар жигеп / калакуллар белә / туйга килделәр дә инде хәзер икенче кешегә төштеләр // туй килмәде безнең жортка // шушыннан туйны тигендә ашатыб эчереп хәйер кичкелеккә ник'ахка эзерләнәләр // ник'ах укыткач / укы беткәч кенә кийәүн[е] апкиләләр / кийәү белә кучыр жегетләре килә / жыртта тагы абзыйлар бар бит инде шулар белән киләләр бергәләшеп // кийәүне ул вахытта бит инде кышкы көннә келәткә

¹ *Өндәү* – см. чакыруга бару.

йабалар // дүрт жиңгә ашатыб эчереп / шулайтеп келәткә жавып чыып китәләр / шуннан тийендә кәйнә / кайнаталар өйдә // әле туй // өйдә утыралар инд[е] анда // малай жагыннан туйга килделәр кәйнә / кайната килде / кийәw жегете / кийәw килде // шуннан башка кешеләр килмәде инде // шуннан хәзер туй йасап кайтып киттеләр дә инде // хәзер мине кийәw белә кийәw жегете алырга килде // өч арчи артымнан килде / үзем белә / кийәw белән дүртәw булабыз инде / дүрт ат // арчи белә килделәр ике туган абыстай жизни белә / шушыннан туган абзый жиңи белә килделәр өчәw // шулай [и]теп килеб алар / икене кунып / кунак булып кайтып китәләр // элгәре шулай ийе бит инде // мине алып чыгып киткәндә шәлләр жабындырып / кийендереп / йакшы шәлләрне жабынып / бөркәндереп кенә алып килделәр дә / шулай чыгарып утырттылар // ике йактан ике жиңгәй тытып кулымнан // чанага утырттылар инде / атка // артка каратмыйлар / артка карарга түгел // артка карагач кир[е] әйләнәп кайта // бер дә каратмыйлар артка // карамыйча гына бардым инде // килдем // килгәч / монда килеп төшкәч хәзер / ишегалды тулы су // мин мартның унсигезендә килеп төштәм / жаз көнә // әй моннан каршы киләләр инде // килен теште дә килен теште [дип] // берсенә дә тотормадым // икесен ике йакка тийе килгән кешеләрне этәрәп жибәрдем дә кийәw булган кешегә дә тотормадым / сикереп үзем кердем дә киттем // кергәч тә бастырдылар мендәргә // мендәргә китереп бастырдылар да утырттылар почмакка каратып // китереп тороп каптырды кәйнәм бер калак май да бер калак бал / тәмне татлы майлы / жомшак бул балам дип //

Записано в 1973 г. от Сабиры Мулюковой, 61 год,
в д. Кебачево Аургазинского района БАССР.

КАРТА-СХЕМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТАТАРСКИХ ГОВОРОВ В ЮГО-ЗАПАДНЫХ РАЙОНАХ БАШКОРТОСТАНА

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие ко второму изданию	3
От автора	5
Введение	7
Глава I. Некоторые вопросы истории формирования татар современной западной Башкирии	
Булгарский период	16
Основные особенности присоединения Казанского ханства и Башкирии к Русскому государству	21
Некоторые сведения о бегстве податного населения Поволжья в сторону Урала	24
Некоторые вопросы вольной колонизации Башкирии и устройства в ней беглых татар	36
Самовольное поселение	38
Бобыли	42
Припуск	45
Государственная колонизация башкирии татарами	55
а) Переселение служилых татар	55
б) Государственная колонизация Башкирии другими группами татар	61
Тептяри	70
Башкиры	80
Глава II. Татарские говоры, распространенные в юго-западных районах Башкирии	
Белебеевский подговор мензелинского говора среднего диалекта татарского языка	89
Фонетические особенности	89

Грамматические особенности	100
Стерлитамакский говор мишарского диалекта татарского языка	121
Фонетические особенности	122
Грамматические особенности	143
Заключение	175
Принятые сокращения	178
Библиография	180
Приложение № 1. Ключ к карте-схеме (список населенных пунктов, обследованных автором и включенных во II том Диалектологического атласа татарского языка)	192
Приложение № 2. Образцы текстов	197
Карта-схема распространения татарских говоров в юго-западных районах Башкортостана	205

Научное издание

Рамазанова Дария Байрамовна

**ФОРМИРОВАНИЕ ТАТАРСКИХ ГОВОРОВ
ЮГО-ЗАПАДНОГО БАШКОРТОСТАНА**

2-е издание

Редактор *М.Р. Булатова*
Корректор *А.А. Давлетова*
Компьютерная верстка *Н.Т. Абдуллиной*
Дизайн обложки *А.В. Булатова*

Подписано в печать 20.01.2021.

Формат 60×84 1/16. Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 12,1. Уч.-изд. л. 10,2. Тираж 800 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен в Институте языка, литературы
и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
420111, Казань, ул. К. Маркса, 12

Издательство Академии наук Республики Татарстан
420111, Казань, ул. Баумана, 20